ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

**Гуманитарное агентство
«Академический проект»**

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Санкт-Петербург
2000

Вступительная статья составление,
подготовка текста и примечания
А. А. КОБРИНСКОГО

Редактор *Д. М. Климова*

Институт русской литературы благодарит
Администрацию Санкт-Петербурга,
Правительство РФ и Всемирный банк
за помощь в осуществлении настоящего издания

ISBN 5-7331-0216-0

От издательства

Собранием стихотворений и поэм Вадима Шершеневича издательство «Академический проект» открывает Малую серию Новой Библиотеки поэта. В отличие от основной серии Новой Библиотеки поэта, которая стала непосредственным продолжением Большой серии Библиотеки поэта и старается следовать ее установкам, принципы формирования вновь создаваемой Малой серии существенно отличаются от принципов, положенных в основу трех предшествующих изданий одноимеиной серии «старой» Библиотеки поэта.

Новая Малая серия призвана в первую очередь заполнять лакуны в текстологически корректном издании основного фонда русской поэзии. Это касается прежде всего так называемых поэтов «второго ряда», то есть поэтов, либо оказавшихся в силу целого ряда причин — и часто незаслуженно — забытыми или малоизвестными, либо тех, кто, сыграв важную и заметную роль на определенном этапе развития русской поэзии, затем был заслонен более яркими, более влиятельными, более отвечающими потребностям той или иной эпохи современниками.

Наряду с такими публикациями новая Малая серия продолжит практику издания Избранного тех поэтов, издание или переиздание книг которых в основной серии не представляется в настоящее время возможным или целесообразным, и в то же время ощущается необходи-

мость в том, чтобы новый читатель познакомился с их творчеством в достаточно полном и текстологически выверенном виде. В этих случаях за основу, как правило, будет браться соответствующий том Большой серии.

Предполагается также издание тех поэтов, чьи книги вышли в Большой серии, но при этом есть потребность представить их творчество в несколько ином ракурсе, нежели это можно было сделать, руководствуясь достаточно жесткими текстологическими принципами Большой серии. Речь идет, например, об издании авторских поэтических книг в полном составе по *первым* публикациям, то есть в том виде, в каком они формировали литературный контекст, в том виде, в каком они впервые представали перед читателями без позднейших авторских изменений, зачастую искажающих динамику становления поэтики данного автора. Именно этими принципами, преследуя цель представить картину реального литературного процесса, руководствовались составители антологий «Поэзия русского футуризма» и «Русская поэзия детям» в основной серии Новой Библиотеки поэта. Не меньший интерес с точки зрения истории поэзии представили бы публикации «Изборников», то есть итоговых собраний поэтических произведений, в том виде, в каком их хотели бы видеть сами авторы. Такие публикации также позволили бы по-иному взглянуть на то, что всегда казалось хорошо известным. В рамках новой Малой серии возможны и иные «неакадемические» решения.

Новое издание ориентировано на широкий круг любителей поэзии.

Мы надеемся, что Малая серия в ее новом обличье найдет своего читателя и внесет посильный вклад в открытие и освоение еще далеко не исчерпанных богатств нашей поэзии.

«НАШИ СТИХИ НЕ ДЛЯ КРОТОВ...»

Поэзия Вадима Шершеневича[1]

В 1919 году Вадим Шершеневич, подводя итоги двадцати шести лет своей жизни (а он умел и любил подводить итоги), напишет:

В этой жизни тревожной, как любовь в девичьей,
Где лампа одета лохмотьями копоти и дыма,
Где в окошке кокарда лунного огня,
Многие научились о Вадиме Шершеневиче,
Некоторые ладонь о ладонь с Вадимом Габриэлевичем,
Несколько знают походку губ Димы,
Но никто не знает меня.

(Квартет тем)

Последние слова остаются актуальными и сегодня.

Несмотря на то что Шершеневич не был арестован, расстрелян, не погиб в лагере, его поэзия осталась малоизвестной. Шершеневич привычно упоминался студентами как один из соратников Есенина и идеолог имажинизма; в хрестоматии по русской литературе начала XX века иногда включалось одно-два его стихотворения —

---

[1] Автор благодарит фонд Research Support Scheme за оказанную поддержку по исследованию истории и поэтики русского имажинизма.

вот, собственно, и все. А ведь поэзия Шершеневича представляет собой одну из вершин русской лирики XX века — и совсем не только ее имажинистского крыла: он, словно задавшись целью продемонстрировать условность и прозрачность границ русского авангарда, писал стихи, следуя эстетическим принципам самых различных литературных направлений: символизма, эгофутуризма, кубофутуризма, имажинизма... Был, правда, в истории русской литературы еще один поэт, который в 20-е годы входил чуть ли не одновременно в различные группы и направления, — Константин Вагинов, но для Вагинова это было скорее формированием своего собственного поэтического окружения, тогда как Шершеневич воспринимал основы поэтики каждого течения как свои; они причудливо накладывались на поэтическое «я» мастера, взаимодействовали друг с другом, сплавляясь в единое целое. Более того, существовала и обратная связь: Шершеневич, как и всякий настоящий поэт, сам оказал влияние на условия и линии развития тех направлений и школ, частью которых он в то или иное время был (исключая разве что символизм).

Вадим Габриэлевич Шершеневич родился 25 января 1893 года в Казани, в семье крупного ученого-юриста профессора права Габриэля Феликсовича Шершеневича и оперной певицы Евгении Львовны Шершеневич. В 9 лет он поступил в гимназию, как позднее указывал сам поэт в автобиографии[2], не без «помощи» Николая II, который наложил благоприятную резолюцию на поданное прошение: мальчик поступал в гимназию на год раньше положенного срока. В гимназии же Вадим Шершеневич и начал писать стихи. Первая его книга — «Ве-

---

[2] РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 119.

сенние проталинки» вышла в 1911 году — ее автору было всего 18 лет. Как часто происходит в подобных случаях, Шершеневич впоследствии не только не гордился своей первой книгой, но даже и старался вообще не упоминать ее, — дело дошло до того, что на вышедшем в 1913 году втором сборнике его стихов — «Carmina» — стоял подзаголовок: «Книга I». Надо сказать, что Шершеневичу вообще было свойственно стремление «корректировать прошлое»; так, он писал в предисловии к своей книге «Автомобилья поступь»: «...я не без колебания поставил на этом сборнике "Книга II". Дело в том, что "Книга 1-я" (Carmina) сегодня бесконечно далека от меня[3], и я ее почти не считаю своей. Однако, пометив "Автомобилью поступь" — "Книга 1-я", я обрекал себя на бесчисленное количество "Книг 1-ых": я надеюсь, что через год и эта книга станет для меня чужой»[4]. На первый взгляд, все понятно и естественно, но нужно иметь в виду, что между книгами «Carmina» и «Автомобилья поступь» у Шершеневича вышли еще два (!) сборника стихов — «Романтическая пудра» (СПб., 1913) и «Экстравагантные флаконы» (М., 1913), о которых он даже не упоминает. Таким образом, «Автомобилья поступь», о которой он размышляет, первая она или вторая его книга, на самом деле — по счету пятая!

В «Carmina» Шершеневич четко указал свои приоритеты: первый раздел книги посвящен А. Блоку — и пронизан символистскими влияниями, аллюзиями и ассоциациями, которые в этом разделе легко узнаваемы. Однако символистский пласт в книге далеко не един-

---

[3] Впоследствии Шершеневич называл эту свою книгу эпигонской.

[4] Шершеневич В. Автомобилья поступь. М., 1916. С. 4—5.

ственный. Есть явные отсылки к Кузмину. Небольшой раздел насыщен русскими мифологическими мотивами, что одинаково может быть отнесено как к блоковской «болотной» теме, так и к хорошо известной Шершеневичу «Яри» С. Городецкого. И если посвящение раздела переводов Гумилеву еще не означает обращения Шершеневича к поэтике акмеизма (акмеистические стихи Гумилева ему еще не могли быть известны), то само стихотворение-посвящение («Н. Гумилеву посвящается») выглядит «отсылкой к будущему» — к размышлениям О. Мандельштама и о иноязычных прививках к русской речи, об узнавании своего в чужом и т. д. И если образ садовода в стихотворении Мандельштама «Дано мне тело...» и в последней строфе упоминаемого стихотворения Шершеневича, очевидно, все же восходит к общей праметафоре («поэт-садовник»), то гораздо явственнее выглядит тематическая и метрическая перекличка в посвящении Гумилеву:

В теплицах же моих не снимут
С растений иноземный плод:
Их погубил не русский климат,
А неумелый садовод.

(Шершеневич)

А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме, — ну, так что ж!
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идешь.

(Мандельштам.
«На площадь выбежав, свободен...», 1914).

Сборники Шершеневича «Романтическая пудра» (1913) и «Экстравагантные флаконы» (1913) открывают собою новый — футуристический — этап творчества

поэта. Уже первый из них своим подзаголовком («Поэзы. Opus 8-й») указывал на эгофутуристическое самоопределение автора (в частности — на продолжение линии Игоря-Северянина в русской поэзии). Шершеневич был одним из основателей группы эгофутуристов — вместе с Граалем-Арельским (С. С. Петровым), Л. Заком, Рюриком Ивневым и др. Он активно участвовал в различных изданиях таких эгофутуристических издательств, как «Мезонин поэзии», «Петербургский глашатай». В 1914 году вместе с К. Большаковым и В. Маяковским Шершеневич подписывает манифест в защиту приехавшего в Россию Ф. Т. Маринетти — идеолога и теоретика итальянского футуризма. Что же касается второй книги — «Экстравагантные флаконы» (1913), то, хотя издана она была в «Мезонине поэзии», к эгофутуристическому влиянию здесь уже начинает примешиваться влияние «Гилеи», то есть кубофутуристов (А. Крученых, В. Хлебников, Н. Бурлюк, В. Маяковский, Л. Лившиц).

Кроме эго- и кубофутуристов существовали также «центристы» — группа «Центрифуга», в которую вошли три наиболее талантливых поэта из круга издательства «Лирика» — С. Бобров, Н. Асеев и Б. Пастернак. Вообще, футуристических групп было довольно много и отношения между ними были весьма напряженными — борьба шла активно[5]. «Каждая группочка, — вспоминал позже Шершеневич, — была принципиальна и ортодоксальна. Ничто не утвержденное ею не могло быть истинным, и подчас для одной футуристической группы

---

[5] О футуристических группах см.: Поэзия русского футуризма. СПб., 1999 (Новая Библиотека поэта).

другая, футуристическая же, была большим врагом, чем символисты или натуралисты»[6].

В этой обстановке на квартире Шершеневича собираются лидеры основных футуристических групп, которые принимают решение об издании «Первого журнала русских футуристов», — по их замыслу, этот журнал должен был заменить многочисленные издательства, выпускавшие футуристические брошюрки, занимавшиеся взаимоуничтожением. Журнал был выпущен в Москве[7] — и в его издании самое активное участие принимал Шершеневич. Увы, планировавшегося объединения футуристов не получилось — и первый номер «первого» журнала оказался последним. Более того, вскоре после его появления в альманахе «Центрифуги» «Руконог» (М., 1914) была напечатана статья Б. Пастернака «Вассерманова реакция», прямо направленная против Шершеневича: «В последних его фабрикатах совершенно отсутствует все то, чего и не подозревается непосвященными, и напротив, они изобилуют зато всем тем, в чем публика всегда видела родовой признак поэзии. Соответствие это настолько полно, что мы вынуждены сознание производителя приравнять к сознанию потребителя, а такое уравнение есть формула непроизводительного, посреднического сознания»[8].

Результатом этой статьи стало письмо Большакова, Маяковского и Шершеневича в редакцию «Руконога», в

---

[6] Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990.

[7] Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1—2.

[8] Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т М., 1991. Т. 4. С. 352.

котором авторы требовали личного свидания для объяснений. Такая встреча состоялась — трое на трое: от «Центрифуги» явились Б. Пастернак, С. Бобров и Б. Кушнер[9]. Ее ближайшим результатом стало сближение позиций Пастернака и Маяковского, а отдаленным — разрыв Маяковского с Шершеневичем осенью 1914 года. Новые объединения и размежевания происходили практически непрерывно.

В «Экстравагантных флаконах», и особенно в следующей за ней этапной для Шершеневича книге «Автомобилья поступь» (М., 1916), куда вошли многие стихотворения из «Флаконов», наиболее ярко развилась такая типично футуристическая черта поэзии, как урбанизм. Город со всеми его «непоэтическими» проявлениями вошел в стихи Шершеневича: толпы на улицах и бульварах, проститутки, электричество, бешеный темп жизни, где сцены напоминают кадры запущенной киноленты (иногда — как в стихотворении «Рюрику Ивневу» — вверх ногами)... И — конечно — прежде всего, городской транспорт, предельно ускоряющий движение в городе, позволяющий мгновенно (для сознания человека той эпохи) переноситься с места на место. Это трамвай — мифологизированное существо из городского пейзажа, навсегда вошедшее в основной фонд образов русского авангарда[10]. Рев моторов, запах бензина — это и есть «автомобилья поступь» города, которая возникает в стихах Шер-

---

[9] Подробнее об этом встрече см.· Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Bremen, 1977. С. 68—71.

[10] См. об этом: Тименчик Р. К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 754. Тарту, 1986. Т. 21. С. 133—141.

шеневича. И не случайно урбанистическая тематика в сознании поэта сопоставляется с обновлением чисто стиховых приемов, в частности — рифмовки:

А я люблю только связь диссонансов,
Связь на вечер, на одну ночь!
И, с виду неряшливый, ритм, как скунсом,
Закрывает строки — правильно точен.
Иногда допускаю брак гражданский —
Ассонансов привередливый брак!
Но они теперь служат рифмой вселенской
Для всех начинающих писак.
А я люблю только гул проспекта,
Суматоху рев моторов, презираю тишь...
И кружатся в пьесах, забывши такты,
Фонари, небоскребы и столбы афиш.

Искрометности городской жизни соответствует неожиданность и внезапность диссонансных рифм, в которых при совпадении согласных рифмующегося слога не совпадают ударные гласные. Стихотворение автотематично: оно посвящено самому процессу создания стихотворения.

Шершеневич писал в цитировавшемся уже предисловии к сборнику «Автомобилья поступь»: «Поэзия покинула Парнас; неуклюжий, старомодный, однокий Парнас "сдается по случаю отъезда в наем". Поэтическое, т. е. лунные безделушки, "вперед-народ", слоновые башни, рифмованная риторика, стилизация, — распродается по дешевым ценам. Этим объясняется мнимая непоэтичность и антиэстетичность моей лирики. Слишком все "поэтичное" и "красивое" захватано руками прошлых веков, чтобы оно могло быть красивым. Красота выявляется отовсюду, но в мраморе она расхищена в большей

степени, чем в навозе»[11]. Основополагающим признаком своей поэзии Шершеневич называет то, что она «насквозь современна». Интересно, что название сборника «Автомобилья поступь» (уже подготовленного к печати) оказалось в неожиданной параллели с тем фактом, что в Первую мировую войну вольноопределяющийся Шершеневич служил именно в автомобильиой части.

В сравнительно недолгий период сближения Шершеневича с кубофутуристами (группа «Гилея») он испытывает сильиое влияние Маяковского — влияние, которое, по-видимому, будет сопровождать его стихи и в период имажинизма. Особенности поэтики, характерные для творчества Шершеневнча этого пернода: и вселенский, масштабный характер происходящего, и реализованные метафоры, становящиеся основой всего развития сюжета, — «Сердце вспотело, трясет двойным подбородком и / Кидает тяжелые пульсы рассеянно по сторонам...» (1913) или: «Мысли спрыгнули с мозговых блокнотов» («Вы вчера мне вставили луну в петлицу...»), и снижающие эпитеты и сравнения — «Луна выплывала воблою вяленой» («Принцип басни», 1919) или: «В небес голубом стакане / Гонококки звезд» («Небоскреб образов минус спряженье», 1919), и реализация темы стоимости поэтического труда — «Все мы, поэты, — торгаши и торгуем / Строфою за рубль серебряиых глаз» («Содержание минус форма», 1918), — зачастую так или иначе пересекались с ключевыми мотивами и приемами Маяковского: «... ковыляла / Никому не нужная дряблая луна...» («Адище города», <1913>); «Ведь если звезды зажигают — / <...> Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной?» («Послушайте!», <1914>);

---

[11] Шершеневнч В. Автомобилья поступь. С. 3.

«Слышу: / тихо, / как больной с кровати, / спрыгнул нерв...» («Облако в штанах», <1914—1915>); «Говоря по-вашему, / рифма — / вексель...» («Разговор с фининспектором о поэзии», <1926>).

Последний пример показывает, что речь не всегда идет о влиянии Маяковского на Шершеневича, иногда процесс был направлен и в обратную сторону. Однако личные отношения этих поэтов были очень непростыми. Маяковский обвинял Шершеневича в сознательном «выдергивании» цитат из других поэтов, и прежде всего — у него самого. А. Мариенгоф напомнил об одном «несчастном случае», который позволил Маяковскому публично рассказывать о «краже», которую якобы совершил у него Шершеневич:

«Вадим Шершеневич владел словесной рапирой, как никто в Москве. Он запросто — сегодня в Колонном зале, завтра в Политехническом, послезавтра в "Стойле Пегаса" — нагромождал вокруг себя полутрупы врагов нашей святой и неистовой веры в божественную метафору, которую мы называли *образом*.

Но у нашего гения словесной рапиры была своя ахиллесова пята. Я бы даже сказал — пяточка. Тем не менее она доставляла всем нам крупные неприятности.

"Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего", — написал Маяковский.

Понятия не имея об этой великолепной образной строчке, Вадим Шершеневич, обладающий еще более бархатным голосом, несколько позже напечатал: "Я сошью себе полосатые штаны из бархата голоса моего".

<...> Стоило только Маяковскому увидеть на трибуне нашего златоуста, как он вставал посреди зала во весь свой немалый рост и зычно объявлял:

— А Шершеневич у меня штаны украл!

Бесстрашный литературный боец, первый из первых

в Столице Мира, мгновенно скисал и, умоляюще глядя то на Есенина, то на меня, растерянным шепотом просил под хохот бессердечного зала:

— Толя... Сережа... спасайте!»[12]

Но для Шершеневича, помимо чисто поэтической практики, был чрезвычайно важен и теоретический фактор. Для него мало было писать стихи — необходимо было подводить теоретическую базу, быть идеологом. Он переводит книги Маринетти и издает свои сборники статей: «Футуризм без маски» (ноябрь 1913, на обложке — 1914) и «Зеленая улица» (1916), а также пишет в 1914 году статью «Пунктир футуризма», в которой выразительно формулирует сущность футуристического вдохновения городом:

«Город последовательно — то начиняет нас порохом шумов, красок, образов, то высасывает из нас все, до последнего. <...>

Вечер. Стемнело. Наливаются кровью зрачки реклам. Факельно вскрикивают электрофонари. Клубами валит колокольный перезвон: басовые гроздья падают на землю, на головы пешеходов. Трамваи вздыбились и несутся, гремя опущенной челюстью по <торцу>. Мы сами несемся, мчимся, стремимся столкнуться нос к носу с завтрашним днем. Картечью сыплет время ядра минут. Если отыскивать наиболее яркую черту современности, то несомненно, что этот титул принадлежит движению. Это не

---

[12] Мой век, мои друзья и подруги. С. 131—132. Речь идет о стихотворении Маяковского «Кофта фата». Однако Маяковский не был автором этого образа. Он, как показал Н. Харджиев, восходит к французскому эпиграфу к «Египетским ночам» А. С. Пушкина (см.: Харджиев Н. И. Статьи об авангарде. В 2-х томах. М., 1997. С. 108—109).

случайный самозванец, так как в будущем быстрота еще станет более могущественной. Красотой быстроты пропитан весь сегодняшний день, от фабрики до хвоста собаки, которую через миг раздавит трам.

Поэтому более чем понятно, что лирик, опьяненный жизнью, опьянен именно динамикой жизни»[13].

Следующий важный поворот в эволюции Шершеневича-поэта происходит в 1918 году. Шершеневич вместе с Есениным и Мариенгофом создает Орден имажинистов. Сам термин происходит от латинского «imago» — «образ» и производных от него европейских слов (английского и французского «image», итальянского «immagine»). Именно так называет уже упомянутых ближайших соратников Шершеневича по имажинизму в своем знаменитом ироническом стихотворении Хлебников:

Москвы колымага,
В ней два имаго.
Голгофа
Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи, отелись
В шубе из лис!

(1920)

Верный своей приверженности к теории, Шершеневич принимается за теоретическое обоснование положений нового течения (сам поэт называет его «имажио-

---

[13] Шершеневич В. Пунктир футуризма // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1994. СПб., 1998. С. 171—172.

низм»). В статье, напечатанной в 1918 году под псевдонимом «Г. Гаер», — «У края «прелестной бездны» — он провозглашает преемственность имажинизма по отношению к футуризму:

«Футуризм умер! Да будет ему земля клоунадой!

<...>

Он должен быть *благословляем* уже за то, что нес в себе имажионизм, и так бережно нес, что не обнаружил даже слепым, а слепые всегда видят лучше зрячих...

Футуризм умер потому, что таил в себе нечто более обширное, чем он сам, а именно имажионизм»[14].

В 1919 году Шершеневич набрасывает прокламационный текст, опубликованный в качестве декларации имажинизма. Кроме него под декларацией подписались поэты С. Есенин, Рюрик Ивнев, А. Мариенгоф, а также художники Б. Эрдман и Г. Якулов. Сквозная мысль декларации — диктатура образа:

«Образ и только образ. Образ — ступенями от аналогий, параллелизмов — сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения — вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство — приложение к "Ниве". Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия»[15].

Позднее литературные противники Шершеневича начнут обвинять поэта в том, что он ставит форму в поэзии выше содержания. Но уже сейчас он смело заявля-

---

[14] Без муз: Художественно-периодическое издание. № 1. Н. Новгород, 1918. С. 42—43.

[15] Поэты-имажинисты. СПб., 1997. С. 9 (Б-ка поэта, БС)

ет: «Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины»[16]. Пока что Шершеневич вместе со своими друзьями-имажинистами разворачивает широкую издательскую деятельность. Для издания многочисленных книг, альманахов, теоретических сборников имажинистов и их союзников были созданы целые издательства. «Имажинисты», «Чихи-Пихи», «Сандро». В 1919 году в Москве начало работать имажинистское кафе «Стойло Пегаса», являвшееся фактически клубом имажинистов. У имажинистов была очень хорошо налажена коммерческая деятельность: им принадлежали в Москве самые разные предприятия — издательства, кинотеатр, кафе. Это давало твердую почву под ногами и возможность при необходимости трансформироваться. Так, например, в 1922 году литературное приложение к берлинскому журналу «Накануне» сообщало в разделе «Литературная критика»: «Совершенно прекратила свое существование бывшая организация имажинистов. В помещении клуба имажинистов "Стойло Пегаса" открыт частным предпринимателем ресторан»[17]. Но в том же 1922 году был основан собственный имажинистский журнал с запоминающимся названием — «Гостиница для путешествующих в прекрасном», правда, вышло всего четыре номера. Влияние имажинистов было чрезвычайно значительным, это проявилось и во вновь созданном Всероссийском союзе поэтов, председателем которого Шершеневич был избран в 1919 году и оставался таковым до начала 1920 года.

Имажинизм унаследовал от футуризма стремление к ярким, эпатирующим выступлениям и прочим акциям.

---

[16] Поэты-имажинисты. С. 9.

[17] Накануне: Литературное приложение. Берлин, 1922. 13 августа. № 13. С. 7.

Так, расклеивались листовки о «всеобщей мобилизации» на демонстрацию 12 июня 1920 года по поводу отделения искусства от государства, что привело подписавших их имажинистов (и Шершеневича в том числе) в московскую ЧК. Другими известными акциями, подробно описанными Шершеневичем в своих воспоминаниях, были роспись цитатами из своих стихов стен Страстного монастыря в Москве и «переименование» улиц: так, вместо таблички с надписью «Петровка» прикрепляется: «улица Мариенгофа», Никитская превращается в улицу Шершеневича, Тверская — в Есенинскую. Как и у футуристов, на диспутах и выступлениях имажинистов происходили бурные скандалы, выплескивавшиеся в прессу. Устраивались даже специальные диспуты в форме суда, наиболее известным среди которых был «Суд над имажинистами», прошедший 4 ноября 1920 года в Большом зале консерватории. Хорошо усвоив, что биографию поэта создают литературные факты, имажинисты умело превращали в историю литературы все — от быта до личных отношений.

Долгое время у властей сохранялось терпимое отношение к имажинистам и их выходкам. Этому способствовала и личная дружба Есенина, Мариенгофа, Шершеневича с весьма высокими чинами МЧК, которые активно интересовались современной поэзией. Одним из таких чинов был, между прочим, знаменитый Яков Блюмкин, убивший германского посла Мирбаха с целью сорвать заключение мирного договора с Германией. Довольно тепло относились к имажинистам и на самом «верху»: Л. Троцкий, Л. Каменев. Однако были и серьезные осложнения. Так, был конфискован имажинистский сборник с вызывающим названием «Мы Чем Каемся» (М., 1922), подчеркивавший заглавными буквами своих слов страшную аббревиатуру тех лет — МЧК — «Москов-

ская Чрезвычайная комиссия». Несколько раз имажинистов арестовывали, причем Шершеневич арестовывался еще в 1919 году (по обвинению в связях с анархистами), когда он еще был председателем Всероссийского союза поэтов. Теперь же, в июне 1922 года, после выхода сборника «Мы Чем Каемся», он был арестован снова, и ему инкриминировалось издание книги, в которой «шрифт расставлен с таким расчетом, что из трех заглавных букв получается М. Ч. К., и содержание книги содержит в себе якобы раскаянье в своих действиях М. Ч. К.»[18]. К счастью, поэтов обычно вскоре выпускали и их аресты не приводили к более тяжким последствиям.

В феврале 1920 года Шершеневич пишет свой главный имажинистский теоретический труд: «2×2=5. Листы имажиниста» (М., Имажисты, 1920), в котором формулирует все основные принципы поэтики этого направления — от «самодовлеющей ценности» каждого образа до ломки грамматики. В том же году выходит главная имажинистская книга Шершеневича — «Лошадь как лошадь», с которой произошел забавный инцидент: московские чиновники-бюрократы направили книгу на склад Наркомзема для распространеиия в деревнях среди крестьянства, решив по названию, что она посвящена проблемам коневодства. Дело дошло до Лениыа... Именно об этой книге Шершеневич писал в инскрипте режиссеру А. Я. Таирову: «...здесь мне удалось найти новую поэтичность... Все дело в осознании слова как такового, как образа — единственного материала поэтического искусства»[19].

---

[18] Цит. по: Дроздков В. «Достались нам в удел года совсем плохие...»: (В. Г. Шершеневич в 1919 и 1922 годах) // Новое литературное обозрение. 1998. № 30 (2). С. 128.

[19] РГАЛИ. Ф. 2328. Оп. 1. Ед. хр. 1165.

Книга «Лошадь как лошадь» построена с помощью приема обнажения тематических и композиционных доминант входящих в нее стихотворений. Абсолютный приоритет формы приводит к тому, что названия зачастую просто кратко формулируют основной конструктивный принцип построения текста, например: «Принцип краткого политематизма», «Композиционное соподчинение», «Принцип звука минус образ», «Принцип развернутой аналогии» и т. п. Так же, как имажинистское стихотворение, по мысли Шершеневича, должно было представлять собой «толпу образов», своего рода каталог, из которого «без ущерба может быть вынут один образ или вставлено еще десять», — всю книгу «Лошадь как лошадь» в какой-то мере можно назвать иллюстрацией к важнейшим принципам имажинистской поэтики, сформулированным Шершеневичем в его теоретических работах, прежде всего, — в «2×2=5», хотя, конечно, все было наоборот: сформулированная поэтика Шершеневича базировалась на уже написанных к 1920 году стихотворениях, включенных им в «Лошадь как лошадь».

Кроме композиционных экспериментов Шершеневич реализует в книге и иные приемы построения стихотворного текста, которые носят, скорее, общеавангардный характер: выравнивание не по левому, а по правому полю, игра со скобками, разнообразие ритмов и рифм, ломка нормативных правил грамматики, наконец — фонетическое письмо:

Не поймет даже та, которой губ тяну я руки,
Мое простое: лэ-сэ-сэ-фиоррр-эй-ва!

(«Принцип звука минус образ»)

Последний сборник стихов Вадима Шершеневича, выпущенный им в 1926 году, посвящен актрисе Юлии Дижур, чувство к которой иавсегда осталось для поэта

одной из ярчайших и одновременно самых драматических жизненных страниц. Однако вокруг датировок трагических событий, разворачивавшихся вокруг Шершеневича, существует довольно много путаницы.

Соратник Шершеневича по имажинизму М. Ройзман так вспоминает об этом: «Вадим полюбил артистку необычайной красоты, обаяния, ума — Юлию Дижур. Она ответила ему взаимностью <...>. Но вот Дижур повздорила с Вадимом, и он ушел от нее, заявив, что никогда не вернется: он хотел проучить ее. Она несколько раз звонила ему по телефону, он не поддавался уговорам, и она выстрелила из револьвера себе в сердце. Почти все стихи, как и последняя книга Вадима, посвящены памяти Юлии»[20]. Эту же цитату из книги воспоминаний Ройзмана приводит С. В. Шумихин в качестве комментария к следующим строкам главки «Алкоголь» мемуаров Шершеневича «Великолепный очевидец»:

«Я даже помню один наш разговор с ним <Есениным. — *А. К.*>. У меня в это время было большое горе. Трагически погиб человек, которого я долго любил. О смерти я узнал из газет, и еще несколько дней после смерти этой женщины я получал от нее, уже мертвой, письма. Письма из Киева до Москвы шли дольше, чем пуля от дула до виска. Тогда я много пил, и Есенин меня ругал»[21].

В предисловии к изданию сборника стихов В. Шершеневича 1997 года[22] В. Ю. Бобрецов, ссылаясь на статью швейцарского исследователя Ж. Нива, вышедшую

---

[20] Ройзман М Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 137.

[21] Мой век, мои друзья и подруги. С. 582.

[22] Шершеневич В. Листы имажиниста. Ярославль, 1997. С. 39.

еще в 1974 году, утверждает что Юлия Дижур покончила с собой в 1927 году[23]. Утверждение это фантастическое, учитывая, что в РГАЛИ (Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 1) хранится публикуемое в настоящей книге стихотворение Шершеневича «Памяти Ю. Д.» (Юлии Дижур) — с авторской датой — 18 мая 1926 года!

Наконец, уже в 1999 году В. Дроздков указал точную дату самоубийства Дижур — 3 апреля 1926 года[24]. Очевидно, что приведенная цитата из воспоминаний Шершеневича никак не может относиться к ней — поскольку Есенин ушел из жизни раньше. В. Дроздков предположил, что эта цитата рассказывает о событиях 1919 года, отраженных в поэме Шершеневича «Слезы кулак зажать», — когда от чьей-то пули погибла его возлюбленная, — исследователь предполагает, что ее фамилия была — Жук, ср.: приводимое им посвящение на книге Шершеневича «Вечный жид. Трагедия великолепного отчаяния»[25]: «Маленькой и черной ЖУК, СКАРАБЕЮ моей жизни», а также стихотворение от 18 апреля 1920 года «Жуку», в котором есть строчки о гибели любимой.

Сам Шершеневич вспоминал об этих событиях так: «Я в жизни терял и трагически терял много дорогого.

---

[23] Nivat G. Trois correspondants d' Alexandre Kusikov // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1974. Vol. 15. № 1—2. P. 212.

[24] Дроздков В. «Мы не готовили рецепт, "как надо писать", но исследовали»· Заметки об одной книге В. Шершеневича // Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2) С. 192.

[25] Шершеневич В. Вечный жид. Трагедия великолепного отчаяния. М., [1919]. Речь, очевидно, идет о третьем издании книги.

Две женщины из тех, которым я писал свои стихи, погибли от пули: одна от своей, другая от чужой. Я не умею плакать»[26]. Еще раньше, 24 ноября 1913 года, покончила с собой — из-за любви к В. Брюсову — поэтесса Надежда Львова, с которой у Шершеневича были дружеские и доверительные отношения[27]. Вообще — самоубийство превратилось в бич для имажинистов: в 1925 году повесился Есенин, 3 декабря 1926 года на могиле Есенина застрелилась его жена Галина Беиславская. В 1940 году покончил с собой сын Мариенгофа Кирилл... Все эти смерти оставляли сильнейший след в стихах оставшихся...

Книга «Итак, итог» — ее иногда еще называют постимажинистской, потому что Шершеневич постепенно стал отходить от имажинистской поэтики, — действительно стала итогом его поэтической деятельности. В

---

[26] Мой век, мои друзья и подруги. С. 469.

[27] Ср. воспоминания В. Шершеневича о ее самоубийстве: «Я не помню, где я был вечером, но когда пришел домой часов в десять, я застал жену у телефона:

— Поезжай немедленно к Наде!

Я не мог добиться, в чем дело. Я отправился... <...>

На звонок мне открыл дверь человек в форме землемера... Он оказался братом Надн н плакал. А в соседней комнате на столе в своей черной повязке лежала мертвая Надя. Выстрел был из нагана в сердце» (Мой век, мои друзья н подруги. С. 472). Другую версию передает В. Ф. Ходасевич: «...Львова <...> позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: "Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф". Шершеневич не мог пойти — у него были гости. Часов в 11 она звонила ко мне — меня не было дома. Поздннм вечером она застрелилась» (Х о д а с е в и ч Вл. Некрополь: Воспоминаиия. М., 1996. С. 42).

1928 году в статье «Существуют ли имажинисты»[28] он признал, что «имажиниизма сейчас нет ни как течения, ни как школы».

Шершеневич работает для театра, пишет статьи и рецензии на театральные темы, очерки об актерах. В 1930-е годы работает над мемуарами «Великолепный очевидец», занимается переводами. Ни одно из стихотворений, которые он продолжал писать после 1926 года, не появилось в печати при его жизни. 18 мая 1942 года он скончался от туберкулеза в эвакуации, в барнаульском госпитале. В своих мемуарах Мариенгоф рассказывает, как знаменитый В. Качалов передал ему слова актрисы Алисы Коонен, бывшей свидетельницей последних дней Шершеневича: «Бедный Дима ужасно не хотел умирать. Он очень любил жизнь»[29].

А. Кобринский

---

[28] Читатель и писатель. 1928. 1 февраля.
[29] Мой век, мои друзья и подруги. С. 288.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги
ВЕСЕННИЕ ПРОТАЛИНКИ

---

1. ИНТИМНОЕ

Я привык к Вашей столовой с коричневым
тоном,
К чаю вечернему, к стеклянному звону,
К белым чашкам и к собачьему лаю.
Я всегда у Вас вечерами бываю.
Всё так приветливо! Порою печальное.
Из окна я вижу церковь дальнюю.
Какой-то хаос гармонии многотонной.
В соседней комнате звонок телефонный.
И воздух поет: «Смотри, смотри,
Как замкнули двери, молча, драпри!»
По комнатам веет любовный туман,
О, как знаком мне пестрый диван!
Тут я впервые интимность познал;
Ее навеял Ваш светлый зал.
И понял, что всё другое — ошибка,
Что солнце — детей наивных улыбка,
Что сердце ловит в звездах ответ,
Что сам я глупый, глупый поэт.

1910

2. Из цикла «ОСЕННИЙ ТРИЛИСТНИК»

А. М. Б.

1
МЕРТВАЯ ЧАЙКА

Ты видала ль умершую чайку на морском
пожелтевшем песке?
Ее волны тревожат, и взор ее тихий неизменно
покоен в тоске.

Ее бросил прибой на песок золотистый и играет
разбитым крылом,
А над нею высокое небо озаряется лунным лучом.

И умершая чайка печальна и безмолвна в суровой
тоске,
Ей играет прибой беспокойный на морском
пожелтевшем песке.

И в движениях мертвого тела мой упорный
и пристальный взор
Прочитал и печаль, и кручину, и судьбе молчаливый
укор.

Бесконечное море в прибое волны, мчит на песок,
не спеша...
Ты видала ль умершую чайку? Это — юного
принца душа!..

1911

Из книги CARMINA

Лирика (1911—1912)

Книга первая

Из раздела
МАКИ В СНЕГУ

3. БЕРЕГ

«И видит берег недалекий
И ближе видит свой конец».

М. Лермонтов

Моя душа о боль земную
Со стоном бьется, и сквозь сны
Мне обещает твердь иную
Незримый голос с вышины.

И правлю я во тьме вечерней
Корабль к маяку вдали...
Шипы окровавленных терний
В венок мой демоны вплели.

Пусть в белизне прибрежной пены
Мелькает райская земля,
Но корабельные сирены
Поют о смерти корабля.

Ах! Берег близко... Руки стынут
В прохладной полумгле ночной.
Я знаю: мрачный жребий вынут
Из Книги Голубиной мной.

Ночное развернулось знамя!
Мне не пристать к земной мете!
И демон, трепеща крылами,
Как птица, реет в темноте.

Исчезни!.. В миг, когда усилья
Покинут мертвенную плоть,
Архангелов незримых крылья
Дух вознесут к Тебе, Господь.

4. ПОЭТ

Когда в уединеньи мирном
Я совершенствую труды
И славословлю пеньем лирным
Чудесный свет твоей звезды,

Душа смиренною отрадой
Переполняется и ждет.
Ободри сердце и обрадуй,
Посевов вожделенный всход!

Приди и пронесись, ненастье,
Дождь благодатный уронив!
Какое ласковое счастье
В волнении созревших нив!

Когда ж осеннею порою
Из городов поток людской
Полузаросшею тропою
В мой вдохновительный покой

Придет, чтоб с жадным восхищеньем
Глядеть на сладостный посев, —
Я отойду и с огорченьем
Прерву ликующий напев.

Как деревенский житель скромный,
Я их восторга не приму:
Я чужд и их волне огромной,
И их ленивому уму.

Когда же потекут шумливо
Они обратно за камыш —
Я пожалею сиротливо
Мою израненную тишь.

5. УЕДИНЕНИЕ

«O, patria! Ti rivedrò».

*Tancredi**

Когда в зловещий час сомненья
Я опьянен земной тоской,
Свой челн к стране Уединенья
Я правлю твердою рукой.

---

* «О родина! Я вновь тебя увижу». Танкред (итал.) — *Ред.*

Земля! Земля!.. Моей отчизною
Я вновь пленен. Родная тишь!
Но отчего же с укоризною
Ты на пришедшего глядишь?

Тебе был верен я, не знающий
Иных утех, чем грез о том,
Когда приду, изнемогающий,
К тебе я в сумраке ночном.

Из данного мне ожерелия
Я не растратил бирюзы —
Ни в час безумного веселия,
Ни в час настигнувшей грозы.

Смотри: венец твой окровавленный
Из горних, облетевших роз,
Как раб смиренный, но прославленный,
Я на челе опять принес.

Пусть в городах блудницы многие
От ласк моих изнемогли —
О, что тебе слова убогие,
Растерянные мной вдали,

И поцелуи бесконечные,
И сладострастья буйный хмель?
Тебе принес я речи вечные
И дух — увядший иммортель.

О, приюти меня, усталого,
Страны блаженной темнота,
И горстью снега бледноталого
Увлажь иссохшие уста!

6. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Пройдя небесные ступени,
Сквозь тучи устремляя бег,
Ты снизошла, как дождь весенний,
Размыть в душе последний снег...

Но ты, мятежная, не знала,
Что изможденный плугом луг
Под белизною покрывала
Таит следы угрюмых мук.

И под весенними словами,
Растаяв, спала пелена,
Но, как поруганное знамя,
Молчит земная тишина.

И лишь в глаза твои с укором
Глядит безмолвье темноты:
Зачем нечаянным позором
Стыдливость оскорбила ты?

7. СУДЬБА

Очаровательный удел,
Овитый горестною дрожью...
Мой конь стремительно влетел
На мировое бездорожье,
Во мглу земного бытия,
И мгла с востока задрожала,
И слава юная моя
На перекрестках отставала.

Но муза мчалася со мной
То путеводною звездою,
Сиявшей горней глубиной,
То спутницею молодою,
Врачуя влагою речей
Приоткрывавшиеся раны
От неоправданных мечей
Среди коварного тумана.

И годы быстрые цвели
Прозрачной белизной черемух...
Мы песни звонкие несли
Среди окраин незнакомых;
В еще не знаемой земле
Переходили хляби моря;
На вечереющем челе
Горели ветреные зори.

Облитый светом заревым,
В томленье сладостном и строгом
Венчанный хмелем огневым —
Я подошел к твоим чертогам.

Не изменила, муза, ты,
Путеводительная муза,
Венцом нетленной чистоты
Чело отрадного союза
Благословенно оплела,
Разлившись песней величаво.
И только тут к нам подошла
Отставшая в дороге слава.

8. ОГОРОДНОЕ ЧУЧЕЛО

Чья-то рука бесполезно навьючила
На плечи старый, ненужный костюм.
Вот я стою — придорожное чучело —
Чуждый и воли, и бега, и дум.

Вот я стою. Никого я не трогаю,
И отразилась на бляхе звезда.
Мимо несутся стальною дорогою
С горохом, с шумом, свистя, поезда;

Дымною пастью кидают уверенно
Прямо в лицо огневую струю.
Мимо и дальше И так же растерянно
Я, неподвижный, безвольный, стою.

Так же беспомощно пальцами-палками
Я упираюсь в нетающий мрак.
Дымом, и сажей, и черными галками
В клочья разорван мой старый пиджак.

Жизнь огородная тело измучила,
В сумрак развеяла дух пустота.
Вот я стою — придорожное чучело
В рваном костюме больного шута.

Из раздела
ПЕТУШКИ НА ВОРОТАХ

9. БЕС

Посв<ящается> Василию Князеву

Я средь леса встретил беса
В золоченых сапогах.
Свищет, что есть сил, повеса,
Папиросочка в зубах.
Краской вымазаны губы,
Ноги — палки, хвост — дуга,
В ржавчине старинной зубы,
Посеребрены рога.
«Я служил солдатом в войске,
Сам собой не дорожу:
Снимут голову — геройски
Я другую привяжу!»
От него собачий запах,
Гнусен беса едкий смех,
На больших косматых лапах
Две перчатки без прорех.
На гармонике играет,
Нервно ногу трет ногой
И фальшиво подпевает
И любуется собой.
Что же, друг! Давай попляшем!
Раз-два-три! Живей, живей!
Иль в кругу бесовском вашем
Вы чуждаетесь людей?
Полно, бес! И я такой же
Проходимец и бедняк!

Погоди! Куда? Постой же!
— Бес умчался в березняк.

Из раздела
ПОЛДЕНЬ

10. СТРАСТЬ

Я в сумраке беззвездной ночи
Доволен ласковой судьбой.
Мои благословляю очи,
Любующиеся тобой.

Моя старинная подруга,
Хранительница от обид!
Твоя девическая вьюга
На крыльях огненных летит.

В твои серебряные звоны
Прозрачных, солнечных имен
Душой больной и изумленной
Я неизменчиво влюблен.

Ликуй, наследница красавиц!
Тебя я радостно пою!
Ты пляской пламенных плясавиц
Околдовала ночь мою,

Заворожила. Ныне, пленный,
Я погружаюсь в твой туман.
Ты перевязью драгоценной
Удерживаешь кровь из ран.

И я, прикованный к постели,
Изнеможенный и в огне,
Считаю дерзкие недели
В твоей кипящей глубине.

В непрерванной грозою неге
Молюсь: Господь! Благослови,
Чтоб страсти буйные побеги
Не иссушили куст любви,

Чтоб эти черные вуали
Слегка опущенных ресниц
Моей не обманули дали,
Моих не спутали зарниц!

11. PORTRAIT D'UNE DEMOISELLE*

Ваш полудетский, робкий шепот,
Слегка означенная грудь —
Им мой старинный, четкий опыт
Невинностью не обмануть!

Когда над юною забавой
Роняете Вы милый смех,
Когда княжною величавой,
Одетой в драгоценный мех,

Зимою, по тропе промятой,
Идете в полуденный час —
Я вижу: венчик синеватый
Лег полукругом ниже глаз

* Портрет девушки (франц.). — *Ред.*

И знаю, что цветок прекрасный,
Полураскрывшийся цветок,
Уже обвеял пламень страстный
И бешеной струей обжег.

Так на скале вершины горной,
Поднявшей к небесам убор,
Свидетельствует пепел черный,
Что некогда здесь тлел костер.

Из раздела
ЧУЖИЕ ПЕСНИ

12. Н. ГУМИЛЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

О, как дерзаю я, смущенный,
Вам посвятить обломки строф,
— Небрежный труд, но освещенный
Созвездьем букв: «à Goumileff».*

С распущенными парусами
Перевезли в своей ладье
Вы под чужими небесами
Великолепного Готье...

В теплицах же моих не снимут
С растений иноземных плод:
Их погубил не русский климат,
А неумелый садовод.

* Гумилеву (франц.). — *Ред.*

13—16. R. M. VON RILKE

1

ЖЕРТВА

И тело всё цветет, благоухая,
С тех пор, как я познал твои черты.
Смотри: стройнее, стана не сгибая,
Хожу. А ты лишь ждешь: — о, кто же ты?

Я чувствую, как расстаюсь с собою
И прошлое теряю, как листву.
Твоя улыбка ясною звездою
Сияет над тобой и надо мною,
Она прорежет скоро синеву.

Всё, что давно в младенчестве моем
Блистало безымянными волнами,
Всё — назову тобой пред алтарем,
Затепленным твоими волосами,
Украшенным твоих грудей венком.

2

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Как душу мне сдержать, чтобы к твоей
Она не прикасалась? Как поднять
Ее к другим предметам над тобою?
Хотел бы дать покой я ей
Вблизи чего-нибудь, что скрыто тьмою,
В том месте, где не стало б всё дрожать,
Когда дрожишь своей ты глубиною

Но всё, что тронет, — нас соединяет,
Как бы смычок, который извлекает
Тон лишь единый, две струны задев.
В какую скрипку вделаны с тобою?
Какой артист нас охватил рукою?
О, сладостный напев!

3

ВОСТОЧНАЯ ПЕСНЬ

Не побережье ль это наше ложе?
Не берег ли, и мы на нем лежим?
Волнение грудей, меня тревожа,
Над чувством возвышается моим.

И эта ночь, что криками полна,
— Грызутся звери, вопли испуская —
О, разве не чужда нам ночь глухая?
И разве день — он, тихо возникая
Извне, грядет, — нам ближе, чем она?

Друг в друга так нам надобно войти,
Как в пестик пыль цветов с тычинок входит.
Безмерного вокруг нас много бродит,
На нас бросаясь дико на пути.

Пока сближаемся мы, не дыша,
Чтобы его вблизи не увидать,
Оно внутри нас может задрожать:
Изменою наполнена душа.

4

АБИСАГ

I

Она лежала. Юная рука
К старевшему прикована слугами.
Лежала долго подле старика,
Слегка напугана его годами.

И иногда, когда сова кричала,
Вращала в бороде его свое
Лицо. И вот Ночное восставало
С трепещущим желаньем вкруг нее.

И с ней дрожали звезды. Аромат
Искал чего-то, в спальню проникая,
И занавес дрожал, ей знак давая,
И тихо следовал за знаком взгляд.

Осталась всё же возле старика
И Ночь Ночей ее не побеждала,
Близ холодевшего она лежала,
Нетронутая, как душа, легка.

II

Король мечтал о днях ушедших в мрак,
О сделанном и думал над мечтами
И о любимейшей из всех собак. —
Но вечером склонялась Абисаг
Над ним. И жизнь его лежала так,
Как будто брег заклятый под лучами
Созвездий тихих — под ее грудями.

И иногда, как женщины знаток,
Ее неласканные узнавал
Уста король сквозь сдвинутые брови
И видел: чувства юного росток
Себя к его провалу не склонял,
И, слушая, король, как пес, дрожал,
Ища себя в своей последней крови.

Из раздела
ОСЕННИЕ ЯМБЫ

17. УСТАЛОСТЬ

«По мне, отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам».

М. Лермонтов

Опять покорен грусти, мрачен,
Я — одинокий — снова с той,
Чей взор пленительный прозрачен
И полон юной красотой.

Но ныне с кроткой укоризной
Встречают запылавший день
И страх пред новою отчизной
И недоверчивая лень.

Нет! Не увлечь меня метелям
В земной простор, в далекий путь,
Не взволновать твоим свирелям
Мою задумчивую грудь.

Еще вскипает над долиной
Осенним солнцем небосвод,
Но треугольник журавлиный
Медлительно на юг плывет.

18. БОЛЬ

Нависла боль свинцовой тучей
С каймой кровавою вокруг.
И ты изрыт тоской летучей,
Многострадальный, нежный луг.

Раскрылся плащ ночной и синий
От леса и до камыша.
В твоей измученной пустыне
Теряется моя душа.

За ней, бредя стопой тревожной
В глухую ночь, в ночную тишь,
Ты, сердце, песнею острожной
Над осенью моей звенишь.

19. ПАМЯТЬ

«Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе.
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе».

Н. Языков

Ты отошла за травы луга,
В глухую осень, в камыши...

Расплескивает крылья вьюга
Над страшною тоской души.

Прислушиваюсь к милой флейте
И к дальним шорохам сосны.
Жестокую печаль лелейте,
Мои отчетливые сны.

Я вижу в снеге лабиринта,
Где без дорог мои пути,
Краснеет кровью гиацинта
Твое последнее «прости!».

Ты не могла, ты истомилась
В слезах и бормотаньях встреч,
И отошла, и закрутилась
Змеею шаль вдоль смуглых плеч.

Я не виню, что ты, больная,
И уходила и звала,
И вся цветная, вся хмельная
С моих страниц ты уплыла

Но не кляни и ты, что ныне
С губ помертвевших, ледяных
В часы растерянных уныний
К тебе слетает блеклый стих.

Мне кажется, что ночью каждой
И каждым утром, каждым днем,
Когда объят предсмертной жаждой
И смертным роковым огнем, —

Ты проплываешь надо мною,
Колебля тонкое копье,

Дразня минувшею весною,
Суля иное бытие.

Волна — я знаю — беспощадна
И снова не придет к камням,
Но тешиться мечтой отрадно
Изнеможденным берегам.

Из книги
РОМАНТИЧЕСКАЯ ПУДРА

---

20. L'ART POÉTIQUE

И. В. Игнатьеву

Обращайтесь с поэзами как со светскими дамами,
В них влюбляйтесь, любите, преклоняйтесь
с мольбами,
Не смущайте их души безнадежными драмами,
Но зажгите остротами в глазах у них пламя.

Нарумяньте им щеки, подведите мечтательно
Темно-синие брови, замерев в комплименте,
Уверяйте их страстно, что они обаятельны,
И, на бал выезжая, их в шелка вы оденьте

Разлучите с обычною одеждою скучною,
В jupe-culotte нарядите и как будто в браслеты
Облеките их руки нежно рифмой воздушною
И в прическу искусную воткните эгреты.

Если скучно возиться вам, друзья, с ритмометрами,
С метрономами глупыми, с корсетами всеми —
На кокотке оставив туфли с белыми гетрами,
Вы бесчинствуйте с нею среди зал Академий.

1913

21. ЭСКИЗЕТТА

Ее сиятельству графине Кларе

Белые гетры... Шляпа из фетра...
Губ золотой сургуч...
Синие руки нахального ветра
Трогают локоны туч.
Трель мотоцикла... Дама поникла...
Губы сжаты в тоске...
Чтенье галантное быстрого цикла
В лунном шалэ на песке.
В городе где-то возле эгрета
Модный круглит котелок...
В траурном платье едет планета
На голубой five o'clock*.

1913

* Пять часов вечера (обычное время вечернего чаепития в Англии) (англ.). — *Ред.*

Из книги
АВТОМОБИЛЬЯ ПОСТУПЬ
Лирика (1913—1915)

Книга вторая

Из раздела
ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ СКЕЛЕТЫ

22

В рукавицу извозчика серебряную каплю пролил,
Взлифтился, отпер дверь легко.
В потерянной комнате пахло молью
И полночь скакала в черном трико.
Сквозь глаза пьяной комнаты, игрив и юродив,
Втягивался нервный лунный тик,
А на гениальном диване, прямо напротив
Меня, хохотал в белье мой двойник.
И Вы, разбухшая, пухлая, разрыхленная,
Обнимали мой вариант костяной.
Я руками взял Ваше сердце выхоленное,
Исчеркал его ревностью стальной;
И вместе с двойником, фейерверя тосты,
Вашу любовь до утра грызли мы,
Досыта, досыта, досыта,
Запивая шипучею мыслью.

А когда солнце на моторе резком
Уверенно выиграло главный приз,
Мой двойник вполз в меня, потрескивая,
И тяжелою массою рухнулся вниз.

1913

23

Год позабыл, но помню, что в пятницу,
К небоскребу подъехав в коляске простой,
Я попросил седую привратницу
В лифте поднять меня к вам в шестой.
Вы из окошка, туберкулезно-фиалковая,
Увидали меня и вышли на площадку.
В лифт сел один и, веревку подталкивая,
Заранее снял ласково правую перчатку.
И вот уж, когда, до конца укорачивая
Канат подъемника, я был в четвертом, —
Допрыгнула до меня Ваша песенка вкрадчивая,
А снизу другая, запетая чортом.
И вдруг застопорил лифт привередливо,
И я застрял между двух этажей,
Бился и плакал, кричал надоедливо,
Напоминая в мышеловке мышей.
А Вы всё выше
Уходили сквозь крышу,
И чорт всё громче, всё ярче пел,
И только его одну песню слышал
И вниз полетел.

1913

24

Летнее небо похоже на кожу мулатки,
Солнце, как красная ссадина на щеке;
С грохотом рушатся витрины и палатки,
И дома, провалившись, тонут в реке.
Падают с отчаяньем в пропасть экипажи,
В гранитной мостовой все камни раздражены,
Женщины без платий, на голове — плюмажи,
И у мужчин в петлице — ресница Сатаны.
И только Вы, с электричеством во взоре,
Слегка нахмурившись, глазом одним
Глядите, как Гамлет, в венке из теорий,
Дико мечтает над черепом моим.
Воздух бездушен и миндально-горек,
Автомобили рушатся в провалы минут,
И Вы поете: Мой бедный Йорик,
Королевы жизни покойный шут!

1913

25

Из-за глухонемоты серых портьер, це-
пляясь за кресла кабинета,
Вы появились и свое смуглое сердце
Положили на бронзовые руки поэта.
Разделись, и только в брюнетной голове чер-
спашилась гребенка и желтела.
Вы завернулись в прозрачный вечер.
Как будто тюлем в июле
Завернули

Тело.
Я метался, как на пожаре огонь, ше-
пча: Пощадите, не надо, не надо!
А Вы становились все тише и тоньше,
И продолжалась сумасшедшая бравада.
И в страсти и в злости кости и кисти на
части ломались, трещали, сгибались,
И вдруг стало ясно, что истина —
Это Вы, а Вы улыбались.
Я умолял Вас: «Моя? Моя!», вол-
нуясь и бегая по кабинету.
А сладострастный и угрюмый Дьявол
Расставлял восклицательные скелеты.

1913

26

Вы бежали испуганно, уронив вуалетку,
А за Вами, с гиканьем и дико крича,
Мчалась толпа по темному проспекту,
И их вздохи скользили по Вашим плечам.
Бросались под ноги фоксы и таксы,
Вы откидывались, отгибая перо,
Отмахивались от исступленной ласки,
Как от укусов июньских комаров.
И кому-то шептали: «Не надо! Оставьте!»
Ваше белое платье было в грязи,
Но за Вами неслись в истерической клятве
И люди, и зданья, и даже магазин.
Срывались с места фонарь и палатка,
Всё бежало за Вами, хохоча

И крича,
И только Дьявол, созерцая факты,
Шел поспешно за Вами и костями стучал.

23 мая 1913

27

Эпизоды и факты проходят сквозь разум
И, как из машин, выходят стальными полосками;
Всё около пахнет жирным наркозом,
А душа закапана воском.
Электрическое сердце мигнуло робко
И перегорело. — Где другое найду?!
Ах, я вверну Вашу улыбку
Под абажур моих дум.
И буду плакать — как весело плакать
В электрическом свете, а не в темноте! —
Натыкаться на жилистый дьявольский коготь
И на готику Ваших локтей.
И будут подмаргивать колени Ваши,
И будет хныкать моя судьба..
Ах, тоска меня треплет, будто афишу,
Расклеив мою душу на днях-столбах.

13 июня 1913

28

Полусумрак вздрагивал. Фонари световыми
топорами
Разрубали городскую тьму на улицы гулкие.

Как щепки, под неслышными ударами
Отлетали маленькие переулки.
Громоздились друг на друга стоэтажные вымыслы.
Город пролил крики, визги, гуловые брызги.
Вздыбились моторы и душу вынесли,
Пьяную от шума, как от стакана виски.
Электрические черти в черепе развесили
Веселые когда-то суеверия — теперь трупы;
И ко мне, забронированному позой Кесаря,
Подкрадывается город с кинжалом Брута.

1914

29

Небоскребы трясутся и в хохоте валятся
На улицы, прошитые каменными вышивками.
Чьи-то невидимые игривые пальцы
Щекочут землю под мышками
Набережные заламывают виадуки железные,
Секунды проносятся в сумасшедшем карьере
Уставшие, взмыленные, и взрывы внезапно
обрезанные
Красноречивят о пароксизме истерик.
Раскрываются могилы, и, как рвота, вываливаются
Оттуда полусгнившие трупы и кости,
Оживают скелеты под стихийными пальцами,
А небо громами вбивает гвозди.
С грозовых монопланов падают на-землю,
Перевертываясь в воздухе, молнии и кресты.
Скрестярукий, любуется на безобразие
Угрюмый Дьявол, сухопаро застыв.
1913

Из раздела
ЛУННЫЕ ОКУРКИ

30

Е. И.

Сильнее, звонче аккорд электричества,
Зажгите все люстры, громче напев!
Я пью за здоровье Ея Величества,
Седой королевы седых королев!
Ваше Величество! Жизнь! Не много ли
Вам на щеки румян наложил куафер?
Скажите лакеям, чтоб меня не трогали:
Я песни спеть Вам хочу в упор.
Пропустите к престолу шута-поклонника!
Сегодня я — гаер, а завтра — святой!
Что же время застыло у подоконника?
Я его потяну за локон седой!
Время, на жизнь поглядите! Давно она
Песенок просит, а Вы — мертвец.
Выше, размалеванные руки клоуна,
К трону, к престолу, веселый юнец!
Ваше Величество, жизнь бесполая,
Смотрите пронзительней между строк!
Разве не видите там веселые
Следы торопливых гаерских ног?
Сильнее, звонче аккорд электричества!
Жизнь, осклабьтесь улыбкой больной!
К Вам пришел я, Ваше Величество,
Ваш придворный искусный портной!

16 февраля 1913

31

Грустным вечером за городом распыленным,
Когда часы и минуты утратили ритм,
В летнем садике, под разбухшим кленом,
Я скучал над гренадином недопитым.
Подъезжали коляски, загорались плакаты
Под газовым фонарем, и лакеи
Были обрадованы и суетились как-то,
А бензин наполнял парковые аллеи...
Лихорадочно вспыхивали иллюминации мелодий
Цыганских песен, и подмигивал смычок,
А я истерично плакал о том, что в ротонде
Из облаков, луна потеряла пустячок.
Ночь прибежала, и все стали добрыми,
Пахло вокруг электризованной весной,
И, так как звезды были все разобраны,
Я из сада ушел под ручку с луной

1913

32

У других поэтов связаны строчки
Рифмою, как законным браком,
И напевность метра, как венчальные свечки,
Теплится в строфном мраке, —
А я люблю только связь диссонансов,
Связь на вечер, на одну ночь!
И, с виду неряшливый, ритм, как скунсом,
Закрывает строки, — правильно точен.
Иногда допускаю брак гражданский —
Ассонансов привередливый брак!

Но они теперь служат рифмой вселенской
Для всех начинающих писак.
А я люблю только гул проспекта,
Суматоху моторов, презираю тишь...
И кружатся в пьесах, забывши такты,
Фонари, небоскребы и столбы афиш.

9 июня 1913

33

Милая дама! Вашу секретку
Я получил, и вспомнились вдруг
Ваш будуар — и из скунса горжетка,
Мой кабинет — раскидная кушетка,
Где-то далёко Ваш лысый супруг.
Что Вам ответить! Сердце и радо,
Фраз не составлю никак.
Мысли хохочут, смеясь до упада...
Милая дама! Мужа не надо!
Муж Ваш напомнил мне «твердый знак»!..
О, как жемчужен без мужа ужин!
Взвизгнувших устриц узорная вязь!
Вы углубились в омут из кружев...
Муж Вам, как ъ, для того только нужен,
Чтобы толпа не заметила связь.
Знаете, дама, я только приставка,
Вы же основа, я — случай, суффи́кс,
Только к вечернему платью булавка!
Близкая дама! Салонная травка!
Вами пророс четверговый журфикс.
Что Вам ответить? Обеспокоив,

Хочется вновь Вас отдать тишине.
Завтра придете. — А платье какое?!
Знаю из запаха белых левкоев!
— Если хотите — придите ко мне.

1913

34

Мы были вдвоем, графиня гордая!
Как многоуютно бросаться вечерами!
За нами следили третий и четвертая,
И беспокой овладевал нами.
Как Вам ужасно подходит Ваш сан сиятельный,
Особенно когда Вы улыбаетесь строго!
На мне отражалась, как на бумаге
промокательной,
Ваша свежнаписанная тревога
Мне пить захотелось, и с гримаскою бальной
Вы мне предложили влажные губы,
А страсть немедленно перешла в атаку
нахальную
И забила в барабан сердца, загремела в трубы.
И под эту надменную,
Военную
Музыку
Я представил, что будет лет через триста.
Я буду в ночь бессолнечную и тусклую
Ваше имя гравировать на звездных листьях.
Ах, лимоном не смоете поцелуи гаера!
Никогда не умру, и, как вечный жид,
Моя интуитта с огнекрасного аэро
Упадет Вам на сердце и в нем задрожит.

Забыть... Не надо! Ничего не надо!
Небо нависло суповою мискою!
Жизнь начиталась романов де Сада
И сама стала садисткой.
Хлещет событием острым по губам, по глазам,
по телу голому,
Наступив на горло башмаком американского
фасона.
Чувства исполосованные стонут
Под лаской хлыста тяжелого.
Но тембр кожи у жизни повелевает успокоено...
Ах, ее повелительное наклонение сильней
гипнотизма!
Выпадают нестройно
Страницы из моего организма.
Поймите, поймите! Мне скучно без
колóссального дебоша!
Вскидываются жизненные пасти!
Ах, зачем говорю так громко? У ветра память
хорошая,
Он насплетничает завтрашним столетьям!!!

10 августа 1913

36

всемыкакбудтонароликах
сВалитьсялегконосейчас
мчАтьсяивеселОисколько
дамЛорнируютоТменнонас
нашгЕрБукрашенликерами
имыдеРэдкиедушАсьшипром
ищемЮгИюляивоВсемформу
мчаСилоЮоткрыТоклиппер
знОйнознаемчтОвсеюноши
иВсепочтиговоРюбезусые
УтверждаяэточАшкупунша
пьемсрадостьюзабрюсова

1913

ВЕСНУШКИ РАДОСТИ

37. ВЛАДИСЛАВУ ХОДАСЕВИЧУ

Вечер был ужасно туберозов,
Вечность из портфеля потеряла morceau*
И, рассеянно, как настоящий философ,
Подводила стрелкой физиономию часов.
Устал от электрических ванн витрин,
От городского граммофонного тембра.
Полосы шампанской радости и смуглый сплин
Чередуются, как кожа зебр.
Мысли невзрачные, как оставшиеся на-лето
В столице женщины, в обтрепанных шляпах.

* Кусок (франц.). — *Ред.*

От земли, затянутой в корсет мостовой и асфальта,
Вскидывается потный, изнурительный запах.
У вокзала бегают паровозы, откидывая
Взъерошенные волосы со лба назад.
Утомленный вечерней интимностью хитрою,
На пляже настежь отворяю глаза.
Копаюсь в памяти, как в песке после отлива,
А в ушах дыбится городской храп;
Вспоминанье хватает за палец ревниво,
Как выкованный нечаянно краб.

38

Мы пили абсент из электрической люстры,
Сердца засургученные навзничь откупорив.
Потолок прошатался над ресторанной грустью,
И всё завертелось судорожным кубарем.
Посылали с воздухом взорную записку,
Где любовь картавила, говоря по-французски,
И, робкую тишину в угол затискав,
Стали узки
Брызги музыки.
Переплеты приличий отлетели в сторону,
В исступленной похоти расшатался мозг.
Восклицательные красновато-черны!
Они исхлестали сознанье беззастенчивей розог.
Всё плясало, схватившись с неплясавшим за руки,
Что-то мимопадало, целовался дебош,
А кокотка вошла в мою душу по контрамарке,
Не снявши, не снявши, не снявши кровавых галош

39

Бледнею, как истина на столбцах газеты,
А тоска обгрызает у души моей ногти.
На катафалке солнечного мотоциклета
Влетаю в шантаны умирать в рокоте.
У души искусанной кровяные заусенцы,
И тянет за больной лоскуток всякая.
Небо вытирает звездные крошки полотенцем,
И моторы взрываются, оглушительно квакая.
Прокусываю сердце свое собственное,
А толпа бесстыдно распахивает мой капот.
Бьюсь отчаянно, будто об стену, я
О хмурые перила чужих забот.
И каменные проборы расчесанных улиц
Под луною меняют брюнетную масть.
Наивно всовываю душу, как палец,
Судьбе ухмыльнувшейся в громоздкую пасть.

40

Кто-то на небе тарахтел звонком, и выскакивала
Звездная цифра Вечер гонялся в голубом далеке
За днем рыжеватым, и за черный пиджак его ловила полночь, играя луной в бильбокэ.
Всё затушевалось, и стало хорошо потом.
Я пристально изучал хитрый крап
Дней неигранных, и над витринным шепотом
Город опрокинул изнуренный храп.
И совесть укорно твердила: Погибли с ним —
И Вы и вскрывший письмо судьбы!
Галлюцинация! Раскаянье из сердца выплеснем

Прямо в морду земле, вставшей на дыбы
Сдернуть, скажите, сплин с кого?
Кому обещать гаерства, царства
И лекарства?
Надев на ногу сапог полуострова Аппенинского,
Угрюмо зашагаем к довольно далекому Марсу.

41

Мозг пустеет, как коробка со спичками
К 12 ночи в раздраженном кабаке. Я
Память сытую насильно пичкаю
Сладкими, глазированными личиками
И бью сегодняшний день, как лакея
Над жутью и шатью в кабинете запечатанном,
Между паркетным вальсом и канканом потолка,
Мечется от стрел электрочертей в захватанном
И обтрепканном капоте подвыпившая тоска
Разливает секунды, гирляндирует горечи,
Откупоривает отчаянье, суматошит окурки надежд.
Замусленные чувства бьются в корчах,
А икающая любовь под столом вездежит.

42

На лунном аэро два рулевых.
Посмотрите, пьяная, нет ли там места нам?!
Чахоточное небо в млечных путях марлевых
И присыпано ксероформом звездным.
Зрачки кусающие в Ваше лицо полезли,
Руки шатнулись поступью дикою,

Всюдут морщинистые страсти в болезни,
Ожиревшие мысли двойным подбородком
хихикают.
По транспаранту привычки живу, вто-
рично сбегая с балансирующего ума,
И прячу исступленность, как в муфту,
В облизывающиеся публичные дома.

43

Снова одинок, (Снова в толпе с ней).
Пугаю ночь широкобокими криками, как дети.
Над танцами экипажей прыгают с песней
Негнущаяся ночь и одноглазый ветер.
Загоревшие от холода город, дома и лысина
небесная.
Вывесочная татуировка на небоскребной небритой
щеке.
Месяц огненною саламандрою вылез, но я
Свой обугленный зов крепко зажал в кулаке.
Знаю, что в спальне, взятый у могилы на поруки,
На диване «Рекорд», ждет моих шатучих, завядших
губ
Прищурившийся, остывший и упругий,
Как поросенок под хреном, любовницы труп.

44

Когда завтра трамвай вышмыгнет, как колоссальная
ящерица,
Из-за пыльных обой особняков, из-за бульварных
длиннот,

И отрежет мне голову искуснее экономки,
Отрезающей кусок красномясой семги, —
Голова моя взглянет беззлобчивей сказочной
падчерицы
И, зажмурясь, ринется в сугроб, как крот.
И в карете медленной медицинской помощи
Мое сердце в огромный приемный покой отвезут.
Из глаз моих выпорхнут две канарейки,
На их место лягут две трехкопейки,
Венки окружат меня, словно овощи,
А соус из сукровицы омоет самое вкусное из блюд.
Приходите тогда целовать отвращеньем
и злобствуя!
Лейтесь из лейки любопытства, толпы людей,
Шатайте зрачки над застылью бесстыдно!
Нюхайте сплетни! Я буду ехидно, безобидно,
Скрестяруко лежать, втихомолку свой фокус двоя,
И в животе прожурчат остатки новых идей

45

Это вы привязали мою оголенную душу к дымовым
Хвостам фыркающих, озверелых, диких моторов
И пустили ее волочиться по мостовым,
А из нее брызнула кровь черная, как торф.
Всплескивались скелеты лифта, кричали дверные
адажио,
Исступленно переламывались колокольни, и над
Этим каменным галопом железобетонные
стоэтажия
Вскидывали к крышам свой водосточный канат.

А душа волочилась и, как пилюли, глотало небо
седое
Звезды, и чавкали его исполосованные молниями
губы,
А дворники грязною метлою
Грубо и тупо
Чистили душе моей ржавые зубы.
Стоглазье трамвайное хохотало над прыткою
Пыткою,
И душа по булыжникам раздробила голову свою,
И кровавыми нитками
Было выткано
Мое меткое имя по снеговому шитью.

46

К Вам несу мое сердце в оберточной бумаге,
Сердце, облысевшее от мимовольных конвульсий,
К Вам, проспекты, где дома, как баки,
Где в хрустном лае трамвайной собаки
Сумрак щупает у алкоголиков пульсы.
Моторы щелкают, как косточки на счетах,
И отплевываются, куря бензин,
А сумасбродные сирены подкалывают воздух,
И подкрашенной бровью кричит магазин.
Улицы — ресторанные пропойцы и моты —
Расшвыряли загадки намеков и цифр,
А полночь — хозяйка — на тротуарные
бутерброды
Густо намазывает дешевый ливер.
Жду, когда пыльную щеку тронут
Веревками грубых солнечных швабр,

И зорко слушаю, как Дездемона,
Что краснободтает город — мавр.

47

В разорванную глотку гордого города
Ввожу, как хирургический инструмент, мое
предсмертие.
Небоскребы нахлобучивают крыши на морды.
Город корчится на иглах шума, как на вертеле
Перелистываю улицы Площадь кляксою
дряхло-матовою
Расплывается Теряю из портмоне последние слова.
Улицу прямую, как пробор, раскалывает надвое
По стальным знакам равенства скользящий
трамвай
По душе, вымощенной крупным булыжником,
Где выбоины глубокими язвами смотрят,
Страсти маршируют пó две и пó три
Конвоем вкруг любви шеромыжника.
А Вы, раздетая, раздаете бесплатно
Прохожим
Рожам
Проспекты сердца, и
Вульгарною сотнею осьминогов захватана
Ваша откровенно-бесстыдная лекция
Оттачиваю упреки, как карандаши сломанные,
Чтобы ими хоть
Разрисовать затянутую в гимназическую куртку
злобу.

Из-за пляшущего петухом небоскреба,
Распавлинив копыта огромные,
Рыжий день трясет свою иноходь

48

После незабудочных разговоров с угаром Икара,
Обрывая «Любит — не любит» у моей
лихорадочной судьбы,
Вынимаю из сердца кусочки счастья, как папиросы
из портсигара,
И безалаберно их раздаю толстым вскрикам толпы.
Душа только пепельница, полная окурков
пепельница!
Так не суйте же туда еще, и снова, и опять!
Пойду перелистывать и раздевать улицу —
бездельницу
И переклички перекрестков с хохотом целовать,
Мучить увядшую тучу, упавшую в лужу,
Снимать железные панамá с истеричных домов,
Готовить из плакатов вермишель на ужин
Для моих проголодавшихся и оборванных зрачков,
Составлять каталоги секунд, голов и столетий,
А напившись трезвым, перебрасывать день
через ночь, —
Только не смейте знакомить меня со смертью:
Она убила мою беззубую дочь.

49

Секунда нетерпеливо топнула сердцем, и у меня изо
Рта выскочили хищных аэропланов стада.
Спутайте рельсовыми канатами белесоватые
капризы,
Чтобы вечность стала однобока и всегда.

Чешу душу раскаяньем, глупое небо я вниз тяну,
А ветер хлестко даст мне пó уху.
Позвольте проглотить, как устрицу, истину,
Взломанную, пищащую, мне — озверевшему олуху!
Столкнулись в сердце две женщины трамваями,
С грохотом терпким перепутались в кровь,
А когда испуг и переполох оттаяли,
Из обломков, как рот без лица, завизжала любовь.
А я от любви оставил только корешок,
А остальное не то выбросил, не то сжег,
Отчего вы не понимаете! Жизнь варит мои поступки
В котлах для асфальта, и проходят минуты парой,
Будоражат жижицу, намазывают на уступы и
на уступки,
(На маленькие уступы) лопатой разжевывают
по тротуару.
Я всё сочиняю, со мной не было ничего,
И минуты — такие послушные подростки!
Э́то я сам, акробат сердца своего,
Вскарабкался на рухающие подмостки
Шатайтесь, шатучие, шаткие шапки!
Толпите шаги, шевелите прокисший стон!
Это жизнь сует меня в безмолвие папки,
А я из последних сил ползу сквозь картон.

50

Зачем вы мне говорили, что солнце сильно и грубо,
Что солнце угрюмое, что оно почти апаш без
штанов
Как вам не совестно? Я вчера видел, как борзого
ветра зубы

Вцепились в ляжки ласкающих, матерых облаков...
И солнце, дрогнувшее от холода на лысине вершин,
Обнаружилось мне таким жаленьким,
Маленьким
Ребенком.
Я согрел его в руках и понес по городу между
шин,
Мимо домов в испятнанных вывесочных пеленках.
Я совсем забыл, что где-то
Люди просверливают хирургическими поездами
брюхо горных громад,
Что тротуары напыжились, как мускулы,
у улицы-атлета,
Что несомненно похож на купальню для звезд
закат.
Я нес это крохотное солнечко, такое
ужасно-хорошее,
Нес исцеловать его дружелюбно подмигивающую
боль,
А город хлопнул о землю домами в ладоши,
Стараясь нас раздавить, как моль
И солнце вытекло из моих рук, крикнуло и куда-то
исчезло,
И когда я пришел в зуболечебницу и сник,
Опустившись сквозь желтые йоды в кресло, —
Небо завертело солнечный маховик
Между зубцов облаков, и десны
Обнажала ночь в язвах фонарных щелчков...
И вот я уже только бухгалтер, считающий весны
На щелкающих счетах стенных часов.
Почему же, когда всё вечерне и чадно,
Полночь в могилы подворотен тени хоронит

Так умело, что эти черненькие пятна
Юлят у нее в руках, а она ни одного не уронит.
Неужели же я такой глупый, неловкий, что один
Не сумел в плоских ладонях моей души удержать
Это масляное солнышко, промерзшее на белой
постели вершин...
Надо будет завтра пойти и его опять
Отыскать.

51

Я больше не могу тащить из душонки моей,
Как из кармана фокусника, вопли потаскухи:
Меня улица изжевала каменными зубами
с пломбами огней,
И дома изморщились, как груди старухи
Со взмыленной пасти вздыбившейся ночи
Текут слюнями кровавые брызги реклам.
А небо, как пресс-папье, что было мочи
Прижалось к походкам проскользнувших дам.
Примстнулись моторы, чтоб швырнуть мне
послушней
В глаза осколки дыма и окурки гудков,
А секунды выпили допинга и мчатся из мировой
конюшни
В минуту со скоростью двадцати голов.
Как на пишущей машинке стучит ужас зубами,
А жизнь меня ловит бурой от табака
Челюстью кабака...
Господа! Да ведь не могу же я жить — поймите
сами! —
Всё время после третьего звонка.

52

Прикрепил кнопками свою ярость к столбу.
Эй, грамотные и неграмотные! Тычьте, черт возьми,
Корявые глаза в жирные вскрики Площадьми
И улицами я забрасываю жеманничающую судьбу!
Тратата! Тратата! Ура! Сто раз ура!
За здоровие жизни! Поднимите лужи, как чаши,
выше!
Это ничего, что гранит грязнее громкого баккара,
Пустяки, что у нас не шампанское, а вода с крыши!
А вот мне скучно, а я не сознаюсь никому и ни за
что;
Я повесил мой плач обмохрившийся на виселицы
книжек!
Я пляшу с моторами в желтом пальто,
А дома угрозятся на струсивших людишек.
Это мне весело, а не вам! Это моя голова
Пробила брешь, а люди говорят, что это переулки;
И вот стали слова
Сочные и подрумяненные, как булки?!
А вы только читаете стихи, стихеты, стишонки;
Да кидайте же замусленные памятники в
небоплешь!
Смотрите: мои маленькие мысли бегают, задрав
рубашонки,
И шмыгают трамваев меж
Ведь стихи это только рецензия на жизнь
ругательная,
Жизне-литературный словарь! Бросимте охать!
С пригоршней моторов, возле нас сиятельная,
Обаятельная, антимечтательная, звательная похоть!

Да я и сам отдам все свои стихи, статьи и
переводы
За потертый воздух громыхающего кабака,
За уличный салат ярко-оранжевой женской моды
И за то, чтобы хулиганы избили слово: тоска!

53

Вы всё грустнеете,
Бормоча, что становитесь хуже,
Что даже лужe
Взглянуть в глаза не смеете.
А когда мимо Вас, сквозь литые литавры шума,
Тэф-тэф прорывается, в своем животе стеклянном
протаскивая
Бифштекс в модном платье, гарнированный
сплетнями,
Вы, ласковая,
Глазами несовершеннолетними
Глядите, как тени пробуют улечься угрюмо
Под скамейки, на чердаки, за заборы,
Испуганные кивком лунного семафора.
Не завидуйте легкому пару,
Над улицей и над полем вздыбившемуся тайком!
Не смотрите, как над зеленым глазом бульвара
Брови тополей изогнулись торчком.
Им скучно, варварски скучно, они при смерти,
Как и пихты, впихнутые в воздух, измятый жарой.
На подстаканнике зубов усмешкой высмейте
Бескровную боль опухоли вечеровой.
А здесь, где по земному земно,

Где с губ проституток каплями золотого сургуча
капает злоба, —
Всем любовникам известно давно,
Что над поцелуями зыблется тление гроба.
Вдоль тротуаров трепается скок-скок
Прыткой улиткой нелепо, свирепо
Поток,
Стекающий из потных бань, с задворков, с неба
По слепым кишкам водостоков вбок.
И всё стремится обязательно вниз,
Таща корки милосердия и щепы построек;
Бухнет, пухнет, неловок и боек,
Поток, забывший крыши и карниз.
Не грустнейте, что становитесь хуже,
Ввинчивайте улыбку в глаза лужи.
Всякий поток, льющийся вдоль городских желобков,
Над собой, как знамя, несет запах заразного барака;
И должен по наклону в конце концов
Непременно упасть в клоаку.

54

С севера прыгнул ветер изогнувшейся кошкой
И пощекотал комнату усами сквозняка...
Штопором памяти откупориваю понемножку
Запыленные временем дни и века.
Радостно, что блещет на торцовом жилете
Цепочка трамвайного рельса, прободавшего мрак!
Радостно знать, что не слышат дети,
Как по шоссе времени дни рассыпают свой шаг!
Пусть далеко, по жилам рек, углубив их,

Грузы, как пища, проходят в желудок столиц;
Пусть поезд, как пестрая гусеница, делая вывих,
Объедает листья суеверий и небылиц.
Знаю: мозг — морг и помнит,
Что сжег он надежды, которые мог я сложить...
Сегодня сумрак так ласково огромнит
Острое значение хрупкого жить.
Жизнь! Милая! Старушка! Владетельница покосов,
Где коса смерти мелькает ночи и дни!
Жизнь! Ты всюду расставила знаки вопросов,
На которых вешаются друзья мои.
Это ты изрыла на лице моем морщины,
Как следы могил, где юность схоронена!
Это тобой из седин мужчины
Ткань савана сплетена!
Но не страшны твои траурные монограммы,
Смерть не может косою проволоку оборвать —
Знаю, что я важная телеграмма,
Которую мир должен грядущему передать!

Из раздела
В СКЛАДКАХ ГОРОДА

55

Сердце от грусти кашне обвертываю,
На душу надеваю скептическое пальто.
В столице над улицей мертвою
Бесстыдно кощунствуют авто.

В хрипах трамваев, в моторном кашле,
В торчащих вихрах небоскребных труб
Пристально слышу, как секунды-монашки
Отпевают огромный разложившийся труп.
Шипит озлобленно каждый угол,
Треск, визг, лязг во всех переходах;
Захваченный пальцами электрических пугал,
По городу тащится священный отдых.
А вверху, как икрою кетовою,
Звездами небо ровно намазано.
Протоколы жизни расследывая,
Смерть бормочет что-то бессвязно.

56

В переулках шумящих мы бредим и бродим.
Перебои мотора заливают площадь.
Как по битому стеклу — душа по острым мелодиям
Своего сочинения гуляет, тощая
Вспоминанья встают, как дрожжи; как дрожжи,
Разрыхляют душу, сбившуюся в темпе.
Судьба перочинным заржавленным ножиком
Вырезает на сердце пошловатый штемпель.
Улыбаюсь брюнеткам, блондинкам, шатенкам,
Виртуожу негритянские фабулы.
Увы! Остановиться не на ком
Душа, которая насквозь ослабла!
Жизнь загримирована фактическими бреднями,
А впрочем, она и без грима вылитый фавн.
Видали Вы, как фонарь на столбе повесился
медленно,
Обвернутый в электрический саван.

57

Так ползите ко мне по зигзагистым переулкам
мозга,
Всверлите мне в сердце штопоры зрачков чопорных
и густых,
А я развешу мои слова, как рекламы, невероятно
плоско
На верткие столбы интонаций скабрезных
и простых.
Шлите в распечатанном рте поцелуи и бутерброды,
Пусть зазывит вернисаж запыленных глаз,
А я, хромой на канате, ударю канатом зевоты,
Как на арене пони, Вас, Вас, Вас.
Из Ваших поцелуев и из ласк протертых
Я в полоску сошью себе огромный плащ
И пойду кипятить в стоэтажных ретортах
Перекиси страсти и докуренный плач.
В оголенное небо всуну упреки,
Зацепив их за тучи, и, сломанный сам,
Переломаю моторам распухшие от водянки ноги,
И пусть по тротуару проскачет трам.
А город захрюкает из каменного стула,
Мне бросит плевки газовых фонарей,
И из подъездов заструятся на рельсы гула
Двугорбые женщины и писки порочных детей.
И я, заложивший междометия наглости и крики
В ломбарде времени, в пылающей кладовой,
Выстираю надежды и контуженные миги,
Глядя, как город подстриг мой
Миговой
Вой.

58

Дом на дом вскочил, и улица переулками смутилась
По каналам привычек, вспенясь, забурлила вода,
А маленькое небо сквозь белье облаков
загорячилось
Бормотливым дождем на пошатнувшиеся города.
Мы перелистывали тротуары выпуклой походной,
Выращивая тени в одну секунду, как факир...
Сквернословил и плакал у стакана с водкой,
Обнимая женщин, захмелевший мир.
Он донес до трактира только лохмотья зевоты,
Рельсами обмотал усталую боль головы;
А если мои глаза — только два похабных
анекдота,
Так зачем так внимательно их слушаете вы?
А из медных гильз моих взрывных стихов
Коническая пуля усмешки выглядывает дико,
И прыгают по городу брыкливые табуны домов,
Оседлывая друг друга басовым криком.

59

Руки хлесткого ветра протиснулись сквозь вечер
мохнатый
И измяли физиономию моря, пудрящегося у берегов;
И кто-то удочку молний, блеснувшую электрическим
скатом,
Неловко запутал в корягах самых высоких домов.
У небоскребов чмокали исступленные форточки,
Из взрезанной мостовой выползали кишки труб,

На набережной жерла пушек присели на корточки,
Выплевывая карамелью ядра из толстых губ.
Прибрежья раздули ноздри-пещеры,
У земли разливалась желчь потоками лавы,
И куда-то спешили запыхавшиеся дромадеры
Горных хребтов громадной оравой.
А когда у земли из головы выпадал человек,
Как длинный волос, блестящим сальцем, —
Земля укоризненно к небу устремляла Казбек,
Словно грозя указательным пальцем.

1915

60

Вежливый ветер схватил верткую талию пыли,
В сумасшедшем галопе прыгая через бугры.
У простуженной равнины на скошенном рыле
Вздулся огромный флюс горы.
Громоздкую фабрику года исцарапали,
Люди перевязали ее бинтами лесов,
А на плеши вспотевшего неба проступили капли
Маленьких звезденят, не обтертые платком облаков.
Крылья мельниц воздух косили без пауз,
В наморднике плотин бушевала река,
И деревня от города бежала, как страус,
Запрятавши голову в шерсть тростника.
А город приближался длиннорукий, длинноусый,
Смазывающий машины кровью и ругней,
И высокие церкви гордились знаками плюса
Между раненым небом и потертой землей.

Из раздела
СВЯЩЕННЫЙ СОР ВОЙНЫ

61

Болота пасмурят туманами, и накидано сырости
Щедрою ночью в раскрытые глотки озер...
Исканавилось поле, и зобы окопов успели вырасти
На обмотанных снежными шарфами горлах гор.
И там, где зеленел, обеленный по́ пояс,
Лес, прервавший ветровую гульбу,
Мучительно крякали и хлопали, лопаясь,
Стальные чемоданы, несущие судьбу.
О, как много в маленькой пуле вмещается:
Телеграмма, сиротство, тоска и нужда!
Так в сухой H_2O формуле переливается
Во всей своей текучи юркая вода!
По-прежнему звонкала стлань коня под
безжизненным,
Коченеющим, безруким мертвецом;
А горизонт оковал всех отчизненным
Огромным и рыжим обручальным кольцом.
И редели ряды, выеденные свинцовою молью,
И пуговицы пушечных колес оторвались от передка.
А лунные пятна казались затверделой мозолью,
Что луна натерла об тучи и облака.

1915
Галиция

62. СЕРГЕЮ ТРЕТЬЯКОВУ

Что должно было быть — случилось просто,
Красный прыщ событий на поэмах вскочил,
И каждая строчка — колючий отросток
Листья рифм обронил.
Всё, что дорого было, — не дорого больше,
Что истинно дорого — душа не увидит...
Нам простые слова: «Павший на поле Польши»
Сейчас дороже, чем цепкий эпитет.
О, что наши строчки, когда нынче люди
В серых строках, как буквы, вперед, сквозь овраг?!
Когда пальмы разрывов из убеленных орудий
В эти строках священных — восклицательный
знак!
Когда в пожарах хрустят города, как на пытке
кости,
А окна лопаются, как кожа домов, под снарядный
гам,
Когда мертвецы в полночь не гуляют на погосте
Только потому, что им тесно там.
Не могу я; нельзя Кто в клетку сонета
Замкнуть героический военный топ?!
Ведь нельзя же огнистый хвост кометы
Поймать в маленький телескоп!
Конечно, смешно вам! Ведь сегодня в злобе
Запыхалась Европа, через силу взбегая на верхний
этаж...
Но я знал безотчетного безумца, который
в пылавшем небоскребе
Спокойно оттачивал свой цветной карандаш.

Я хочу быть искренним и только настоящим,
Сумасшедшей откровенностью сумка души полна,
Но я знаю, знаю моимземным и горящим,
Что мои стихи вечнее, чем война.
Вы видали на станции, в час вечерний, когда небеса так мелки,
А у перрона курьерский пыхтит после второго звонка,
Где-то сбоку суетится и бегает по стрелке
Маневровый локомотив с лицом чудака.
Для отбывающих в синих — непонятно упорство
Этого скользящего по запасным путям.
Но я спокоен: что бег экспресса стоверстный
Рядом с пролетом телеграмм?!

1915

ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ

Третья книга лирики

Вам —

Отошедшей в Евангелье —

и за всё, за другое прости меня.

63. КОМПОЗИЦИОННОЕ СОПОДЧИНЕНИЕ

Чтоб не слышать волчьего воя возвещающих труб,
Утомившись седеть в этих дебрях бесконечного
миги,
Разбивая рассудком хрупкие грезы скорлуп,
Сколько раз в бессмертную смерть я прыгал!

Но крепкие руки моих добрых стихов
За фалды жизни меня хватали... и что же?
И вновь на голгофу мучительных слов
Уводили меня под смешки молодежи.

И опять, как Христа измотавшийся взгляд,
Мое сердце пытливое жаждет, икая.
И у тачки событий, и рифмой звенят
Капли крови, на камни из сердца стекая.

Дорогая!
Я не истин напевов хочу! Не стихов,
Прозвучащих в веках слаще славы и лести!
Только жизни! Беспечий! Густых зрачков!
Да любви! И ее сумасшествий!

Веселиться, скучать и грустить, как кругом
Миллионы счастливых, набелсветных и многих!
Удивляться всему, как мальчишка, впервой,
увидавший тайком
До колен приоткрытые женские ноги!

И ребячески верить в расплату за сладкие язвы
грехов,
И не слышать пророчества в грохоте рвущейся
крыши,
И от чистого сердца на зов
Чьих-то чужих стихов
Закричать, словно Бульба: «Остап мой! Я слышу!»

Январь 1918

64. ПРИНЦИП ЗВУКА МИНУС ОБРАЗ

Влюбится чиновник, изгрызанный молью входящих
и старый
В какую-нибудь молоденькую, худощавую дрянь,
И натвердит ей, бренча гитарой,
Слова простые и запыленные, как герань.

Влюбится профессор, в очках, плешеватый,
Отвыкший от жизни, от сердец, от стихов,
И любовь в старинном переплете цитаты
Поднесет растерявшейся с букетом цветов.

Влюбится поэт и хвастает: Выграню
Ваше имя солнцами по лазури я!
— Ну, а как если все слова любви заиграны,
Будто вальс «На сопках Манчжурии»?!

Хочется придумать для любви не слова, вздох
малый,
Нежный, как пушок у лебедя под крылом,
А дурни назовут декадентом, пожалуй,
И футуристом — написавши критический том!

Им ли поверить, что в синий
Синий,
Дымный день у озера, роняя перья, как белые капли,
Лебедь не по-лебяжьи твердит о любви лебедине,
А на чужом языке (стрекозы или цапли).

Когда в петлицу облаков вставлена луна чайная
Как расскажу словами людскими
Про твои поцелуи необычайные
И про твое невозможное имя?!

Вылупляется бабочка июня из зеленого кокона мая,
Через май за полдень любовь не устанет расти,
И вместо прискучившего: я люблю тебя, дорогая! —
Прокричу: пинь-пинь-ти-ти-ти!

Это демон, крестя меня миру на муки,
Человечьему сердцу дал лишь людские слова,
Не поймет даже та, которой губ тяну я руки,
Мое простое: лэ-сэ-сэ-фиорррр-эй-ва!

Осталось придумывать небывалые созвучья,
Малярною кистью вычерчивать профиль тонкий
лица,
И душу, хотящую крика, измучить
Невозможностью крикнуть о любви до конца!

Март 1918

65. ИНСТРУМЕНТОВКА ОБРАЗОМ

Эти волосы, пенясь прибоем, тоскуют,
Затопляя песочные отмели лба,
На котором морщинки, как надпись, рисует,
Словно тростью, рассеянно ваша судьба.

Вам грустить тишиной, набегающей резче,
Истекает по каплям, по пальцам рука,
Синих жилок букет васильками
Трепещет
В этом поле вечернем ржаного виска.

Шестиклассник влюбленными прячет руками
И каракульки букв, назначающих час...
Так готов сохранить я строками.
На память
Как вздох, освященный златоустием глаз.

Вам грустить тишиной... Пожелайте: исплачу
Я за вас этот грустный, истомляющий хруп!
Это жизнь моя бешеной тройкою скачет
Под малиновый звон ваших льющихся губ.

В этой тройке —
Вдвоем. И луна в окна бойко
Натянула, как желтые вожжи, лучи.
Под малиновый звон звонких губ ваших, тройка,
Ошалелая тройка,
Напролом проскачи.

Март 1918

66. ПРИНЦИП РАЗВЕРНУТОЙ АНАЛОГИИ

Вот, как черная искра, и мягко и тускло,
Быстро мышь прошмыгнула по ковру за порог...
Это двинулся вдруг ли у сумрака мускул?
Или демон швырнул мне свой черный смешок?

Словно пот на виске тишины, этот скорый,
Жесткий стук мышеловки за шорохом ниш...
Ах! Как сладко нести мышеловку, в которой,
Словно сердце, колотится между ребрами проволок
мышь!

Распахнуть вдруг все двери! Как раскрытые губы!
И рассвет мне дохнет резедой,
Резедой.
Шаг и кошка... Как в хохоте быстрые зубы,
В деснах лап ее когти сверкнут белизной.

И на мышь, на кусочек
Мной пойманной ночи,
Кот усы возложил, будто ленты венков.
В вечность свесивши хвостик свой длинный,
Офелией черной, безвинно —
Невинной
Труп мышонка плывет в пышной пене зубов.

И опять тишина... Лишь петух, этот мак голосистый,
Лепестки своих криков уронит на пальцы
встающего дня....

. . . .

Как тебя понимаю. Скучающий Господи Чистый,
Что так часто врагам предавал, как мышонка, меня!..

Ноябрь 1917

67. РИТМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ

Какое мне дело, что кровохаркающий поршень
Истории сегодня качнулся под божьей рукой,
Если опять грустью изморщен
Твой голос, слабый такой?!

На метле революций на шабаш выдумок
Россия несется сквозь полночь пусть!
О если б своей немыслимой обидой мог
Искупить до дна твою грусть!

Снова голос твой скорбью старинной дрожит,
Снова взгляд твой сутулится, больная моя!
И опять небывалого счастья чертя чертежи,
Я хочу населить твое сердце необитаемое!

Ведь не боги обжигают людское раздолье!
Ожогом горяч достаточно стих!
Что мне, что мир поперхнулся болью,
Если плачут глаза твои, и мне не спасти их?

Открыть бы пошире свой паршивый рот,
Чтоб песни развесить черной судьбе,
И приволочь силком, вот так, за шиворот,
Несказанное счастье к тебе!

Март 1918

68. ПРИНЦИП КУБИЗМА

А над сердцем слишком вытертым пустью нелепой,
Распахнувшись наркозом, ты мутно забылась
строкой.

Как рукав выше локтя каким-то родственным
крепом,
Перебинтован твой голос тоской.

Из перчатки прошедшего выпираясь бесстонно,
Словно пальцы, исколотые былью глаза, —
И любовь — этот козырь червонный —
Распялся крестом трефового туза.

За бесстыдные строки твоих губ, как в обитель
нести,
И в какую распуститься трещину душой,
Чтоб в стакан кипяченой действительности
Валерьянкой закапать покой?!

И плетется судьба измочаленной сивкой
В гололедицу тащить несуразный воз.
И, каким надо быть, чтобы по этим глаз обрывкам
Не суметь перечесть
Эту страсть
Перегрезивших поз?!

В обручальном кольце равнодушии маскарадною
Маской измято
Обернулся подвенечный вуаль
Через боль,
Но любвехульные губы благоприветствуют свято
Твой, любовь, алкоголь.

А над мукой слишком огромной, чтоб праздничной,
Над растлением кровью разорванных дней,
Из колоды полжизненной не выпасть навзничь
Передернутому сердцу тузом червей!

Февраль 1918

69. ПРИНЦИП МЕЩАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Жил, как все.. Грешил маленько,
Больше плакал... И еще
По вечерам от скуки тренькал
На гитаре кой о чем.

Плавал в строфах плавных сумерек
Служил обедни, романтический архиерей,
Да пытался глупо в сумме рек
Подсчитать итог морей!

Ну, а в общем,
Коль не ропщем,
Нам, поэтам, сутенерам событий, красоты
лабазникам,
Профессиональным проказникам,
Живется дни и года
Хоть куда!

Так и я непробудно, не считая потери и
Не копя рубли радости моей
Подводил в лирической бухгалтерии
Балансы моих великолепных дней!

Вы пришли усмехнуться над моею работой,
Над почтенной скукой моей
И размашистым росчерком поперек всего отчета
Расчеркнулись фамилией своей.

И бумага вскрикнула, и день голубой еще
Кувыркнулся на рельсах телеграфных струн,
А в небе над нами разыгралось побоище
Звезд и солнц, облаков и лун!

Но перо окунули в чернила
Слишком сильно, чтоб хорошо...
Знаю, милая, милая, милая,
Что росчерк окончится кляксой большой.

Вы уйдете, как все... Вы, как все, отойдете,
И в Сахаре мансард мне станет зачем-то темно!
Буду плакать, как встарь... Целовать на отчете
Это отчетливое несохнущее пятно!

Июль 1918

70. ПРИНЦИП АЛЬБОМНОГО СТИХА

Муаровый снег тротуарах завивается,
Как волосы височках чиновника.
Девушка из флигеля косого глазами китайца
Под тяжестью тишины!
Девушка, перешагнувшая сны!
Ты ищешь любовника?!

Не стоит! Он будет шептать: останься!
Любовью пригладит души непокорственный клок,
И неумело, как за сценой изображают поток
На киносеансе,
Будет притворяться, страдает от вторника
В гамаке убаюканных грез.
Разве не знаешь: любовник — побитый пес,
Которому не надо намордника.
Наивная! Песок на арене,
Как любовь, для того, чтоб его топтать.
Я не любовник, конечно, я поэт тихий, как мать,
Безнадежный, как неврастеник в мягких тисках
мигрени!

Но еще знаю, что когда сквозь окна курица.
А за нею целый выводок пятен проспешит.
Тогда, как черепами,
Сердцами
Играет улица,
А с левой стороны у всех девушек особенно
заболит.

И все, даже комиссары, заговорят про Данта
И Беатриче, покрытых занавеской веков.
Верь! Весь звон курантов
Только треск перебитых горшков.

И теперь я помню, что и я когда-то
Уносил от молодости светлые волосы черном
пиджаке.
И бесстыдному красному закату
Шептал о моей тоске.

А ты все-таки ищешь молодого любовника,
Красивого, статного ищешь с разбега,
Тротуарами, где пряди снега
Завиваются височками чиновника!

Ну что же! Ищи!
Свищи!
Сквозь барабаны мороза и вьюги,
Сквозь брошенный игривым снежком плач.
На нежных скрипках твоих грудей упругих
Заиграет какой-нибудь скрипач.

Октябрь 1915

71. СОДЕРЖАНИЕ ПЛЮС ГОРЕЧЬ

Послушай! Нельзя же такой безнадежно суровой,
Неласковой!
Я под этим взглядом, как рабочий на стройке новой,
Которому: протаскивай!
А мне не протащить печаль сквозь зрачок.
Счастье, как мальчик
С пальчик,
С вершок.
Милая! Ведь навзрыд истомилась ты;
Ну, так оторви
Лоскуток милости
От шуршащего платья любви!
Ведь даже городовой
Приласкал кошку, к его сапогам пахучим
Притулившуюся от вьюги ночной,
А мы зрачки свои дразним и мучим.
Где-то масленица широкой волной
Затопила засохший пост
И кометный хвост
Сметает метлой
С небесного стола крошки скудных звезд.
Хоть один поцелуй. Исподтишечной украдкой.
Так внезапится солнце сквозь серенький день.
Пойми:
За спокойным лицом, непрозрачной облаткой,
Горький хинин тоски!
Я жду, когда рот поцелуем завишнится
И из него косточкой поцелуя выскочит стон,
А рассветного неба пятишница
Уже радужно значит сто.

Неужели же вечно радости объедки
Навсегда ль это всюдное «бы»?
И на улицах Москвы, как в огромной рулетке
Мое сердце лишь шарик в руках искусных судьбы.
И ждать, пока крупье, одетый в черное и серебро,
Как лакей иль как смерть, всё равно быть может,
На кладбищенское зеро
Этот красненький шарик положит!

Октябрь 1915

72. ПРИНЦИП ГАРМОНИЗАЦИИ ОБРАЗА

И один. И прискорбный. И проходят оравой
Точно выкрики пьяниц, шаги ушлых дней.
И продрогшим котенком из поганой канавы
Вылезаю, измокший, из памяти своей.

Да, из пляски вчерашией,
Пляски губ слишком страшной,
Слишком жгучей, как молния среди грома расплат,
Сколько раз не любовь, а цыганский романс
бесшабашный
Уносил, чтоб зарыть бережливей, чем клад.

И всё глубже на лбу угрюмеют складки,
Как на животе женщины, рожавшей не раз,
И синяки у глаз,
Обложки синей тетрадки,
Где детским почерком о злых поцелуях рассказ.

Но проходишь, и снова я верю блеснувшим
Ресницам твоим

И беспомощно нежным словам,
Как дикарь робко верит своим обманувшим,
Бессильным, слепым,
Деревянным богам.

Октябрь 1917

73. КВАРТЕТ ТЕМ

От 1893 до 919 пропитано грустным зрелищем:
В этой жизни тревожной, как любовь в девичьей,
Где лампа одета лохмотьями копоти и дыма,
Где в окошке кокарда лунного огня,
Многие научились о Вадиме Шершеневиче,
Некоторые ладонь о ладонь с Вадимом
Габриэлевичем,
Несколько знают походку губ Димы,
Но никто не знает меня.

...Краску слов из тюбика губ не выдавить
Даже сильным рукам тоски.
Из чулана одиночества не выйду ведь
Без одежд гробовой доски.

Не называл Македонским себя иль Кесарем.
Но частехонько в спальной тиши
Я с повадкою лучшего слесаря
Отпирал самый трудный замок души.

И снимая костюм мой ряшливый,
Сыт от манны с небесных лотков,
О своей судьбе я выспрашивал
У кукушки трамвайных звонков.

Вадим Шершеневич пред толпою безликою
Выжимает, как атлет, стопудовую гирю моей головы,
А я тихонько, как часики, тикаю
В жилетном кармане Москвы.

Вадим Габриэлевич вагоновожатый веселий
Между всеми вагонный стык.
А я люблю в одинокой постели
Словно страус в подушек кусты.

Губы Димки полозьями быстрых санок
По белому телу любовниц в весну,
А губы мои ствол Ногана
Словно стальную соску сосут.

Сентябрь 1919

74. ПРИНЦИП БАСНИ

А. Кусикову

Закат запыхался. Загнанная лиса.
Луна выплывала воблою вяленой.
А у подъезда стоял рысак:
Лошадь как лошадь. Две белых подпалины.

И ноги уткнуты в стаканы копыт.
Губкою впитывало воздух ухо.
Вдруг стали глаза по-человечьи глупы
И на землю заплюхало глухо.

И чу! Воробьев канитель и полет
Чириканьем в воздухе машется,
И клюквами роют теплый помет,
Чтобы зернышки выбрать из кашицы.

И старый угрюмо учил молодежь:
— Эх! Пошла нынче пища не та еще!
А рысак равнодушно глядел на галдеж,
Над кругляшками вырастающий.

Эй, люди! Двуногие воробьи,
Что несутся с чириканьем, с плачами,
Чтоб порыться в моих строках о любви,
Как глядеть мне на вас по-иначему?!

Я стою у подъезда придущих веков,
Седока жду отчаяньем нищего,
И трубою свой хвост задираю легко,
Чтоб покорно слетались на пищу вы!

Весна 1919

75. СЕРДЦЕ ЧАСТУШКА МОЛИТВ

Я. Блюмкину

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез, —
А мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

А мне бы только любви вот столечко,
Без истерик, без клятв, без тревог.
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног.

И, право, не надо злополучных бессмертий,
Блестяще разрешаю мировой вопрос, —
Если верю во что — в шерстяные материи,
Если знаю — не больше, чем знал и Христос.

И вот за душою почти несуразною
Ширококолейно и как-то в упор,
Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробьиною сплетней распертый простор.

Коль о чем я молюсь, так чтоб скромно мне в дым уйти,
Не оставить сирот — ни стихов, ни детей;
А умру — мое тело плечистой вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.

Мое имя, попробуйте, в библию всуньте-ка,
Жил, мол, эдакий комик святой
И всю жизнь проискал он любви бы полфунтика,
Называя любовью покой.

И смешной, кто у Данта влюбленность наследовал,
Весь грустящий от пят до ушей,
У веселых девчонок по ночам исповедывал
Свое тело за восемь рублей.

На висках у него вместо жилок — по лилии,
Когда плакал — платок был в крови,
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.

Но пока я не умер, простудясь у окошечка,
Всё смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, —
Мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

Октябрь 1918

76. ПРИНЦИП КРАТКОГО ПОЛИТЕМАТИЗМА

За окошком воробьиной канителью веселой
Сорваны лохмотья последних снегов,
За Сокольниками побежали шалые селы
Уткнуться околицей
В кольца
Ручьев.

И зеленою меткой
Трава на грязном платке полей.
Но по-прежнему хохлятся жолтой наседкой
Огни напыжившихся фонарей.

Слеза стекла серебряной улиткой,
За нею слизь до губ от глаз...
А злобь вдевает черную нитку
В иголку твоих колючих фраз.

Я слишком стал близок. Я шепотом лезу,
Втискиваюсь в нужду быть немного одной;
Нежные слова горячее железа
Прижигают покой.

В кандалах моих ласк ты закована странно,
Чуть шевелись сердцем — они звенят...
Под какой же колпак стеклянный
Ты спрятаться от меня?

И если отыщешь, чтоб одной быть, узнаешь,
Что куда даже воздуху доступа нет,
Жизнь проберется надоедно такая ж,
В которой замучил тебя поэт.

Нет! Пусть недолго к твоему сердцу привязан
К почве канатами аэростат, —
Зато погляди, как отчетливо сказан
Твой профиль коленопреклонением моих баллад!

Апрель 1918

77. РИТМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

Р. Року

Занозу тела из города вытащил. В упор,
Из-за скинутой с глаз дачи,
Развалился ломберный кругозор,
По бабьему ноги дорог раскорячив.

Сзади: золотые канарейки церквей
Наотмашь зеристые трели субботы.
Надо мною: пустынь голобрюхая, в ней
Жавороночья булькота.

Все поля крупным почерком плуг
Исписал в хлебопашном блуде.
На горизонте солнечный вьюк
Качается на бугре — одногорбом верблюде.

Как редкие шахматы к концу игры,
Телеграфа столбы застыли...
Ноги, привыкшие к асфальту жары,
Энергично кидаю по пыли.

Как сбежавший от няни детеныш — мой глаз
Жрет простор и зеленую карамель почек,

И я сам забываю, что живу, крестясь
На электрический счетчик.

Август 1919

78. КАТАЛОГ ОБРАЗОВ

С. Зарову

Дома —
Из железа и бетона
Скирды.
Туман —
В стакан
Одеколона
Немного воды.
Улица аршином портного
Вперегиб, вперелом.
Издалека снова
Дьякон грозы — гром.
По ладони площади — жилки ручья.
В брюхе сфинкса из кирпича
Кокарда моих глаз,
Глаз моих ушат.
С цепи в который раз
Собака карандаша
И зубы букв со слюною чернил в ляжку бумаги.
За окном водостоков краги,
За окошком пудами злоба
И слово в губах, как свинчатка в кулак.
А семиэтажный гусар небоскреба
Шпорой подъезда звяк.

Август 1919

79. УСЕЧЕННАЯ РИТМИКА

Торцы улиц весенних тиграми
Пестрятся в огнебиении фонарей.
Сердце! Барабанами стука
Выгреми
Миру о скуке
Своей.

Жизнь! Шатайся по мне бесшабашной
Поступью и медью труб!
Язык, притупленный графит карандашный,
Не вытащить из деревянной оправы губ.

Любовь! Отмерла,
Отмерла
Ты, а кроме —
Только выслез и бред в вечера...
Докурю папиросу последнюю в доме,
И вот негде достать до утра.

Снова сердцу у разбитого корытца
Презрительно тосковать.
И в пепельнице памяти рыться
И оттуда окурки таскать!

Что окурки любовниц после этого счастья?
Смешан с навозом песок на арене!
Господь! Не соблазняй меня новой страстью,
Но навек отучи от курения!!!

Март 1918

80. ТОСКА ПЛЮС НЕДОУМЕНИЕ

Звуки с колоколен гимнастами воздух прыгали
Сквозь обручи разорванных вечеров...
Бедный поэт! Грязную душу выголи
Задрав на панели шуршащие юбки стихов.

За стаканом вспененной весны вспоминай ты,
Вспоминай,
Вспоминай,
Вспоминай,
Как стучащим полетом красного Райта
Ворвалось твое сердце в широченный май.

И после, когда раскатился смех ваш фиалкой
По широкой печали, где в туман пустота, —
Почему же забилась продрогшею галкой
Эта тихая грусть в самые кончики рта?!

И под плеткой обид, и под шпорами напастей,
Когда выронит уздечку дрожь вашей руки, —
Позволь мне разбиться на пятом препятствии:
На барьере любви, за которым незримо канава
тоски!

У поэта, погрустневшего мудростью, строки оплыли,
Как у стареющей женщины жир плечей.
Долби же, как дятел, ствол жизни, светящийся
гнилью
Криками человеческой боли твой!

Март 1918

81. ПРИНЦИП ПРОВОЛОК АНАЛОГИЙ

Есть страшный миг, когда, окончив резко ласку,
Любовник вдруг измяк и валится ничком...
И только сердце бьется (колокол на Пасху),
Да усталь ниже глаз синит карандашом.

И складки сбитых простынь смотрят слишком
грубо,
(Морщины лба всезнающего мудреца)...
Напрасно женщина еще шевелит губы
(Заплаты красные измятого лица)!

Как спичку на ветру, ее прикрыв рукою,
Она любовника вблизи грудей хранит,
Но, как поэт над конченной, удавшейся строкою,
Он знает только стыд.
Счастливый краткий стыд!

Ах! Этот жуткий миг придуман Богом Гневным;
Его он пережил воскресною порой,
Когда, насквозь вспотев, хотеньи шестидневном,
Он землю томную увидел под собой.

Январь 1918

82. ПРИНЦИП ПАРАЛЛЕЛИЗМА ТЕМ

Были месяцы скорби, провала и смуты,
Ордами бродила тоска напролет;
Как деревни, пылали часов минуты,
И о Боге мяукал обезумевший кот.

В этот день междометий, протяжный и душный,
Ты охотилась звонким гремением труб,
И слетел языка мой сокол послушный,
На вабило твоих прокрасневшихся губ.
В этот день, обреченный шагам иноверца,
Как помазанник легких, тревожных страстей,
На престол опустевшего сердца
Лжедимитрий любви моей.
Он взошел горделиво, под пышные марши,
Когда залили луны томящийся час,
Как мулаты, обстали престол монарший
Две пары скользких и карих глаз.
Лишь испуганно каркнул, как ворон полночный,
Громкий хруст моих рук в этот бешеный миг;
За Димитрием вслед поцелуй твой порочный,
Как надменная панна Марина, возник.
Только разум мой кличет к восстанью колонны,
Ополчает и мысли и грезы, и сны,
На того, кто презрел и нарушил законы,
Вековые заветы безвольной страны.
Вижу: помыслы ринулись дружною ратью,
Эти слезы из глаз — под их топотом пыль;
Ты сорвешься с престола, словно с губ проклятье,
Только пушка твой пепел повыкинет в быль.
Всё исчезнет, как будто ты не был на свете,
Не вступал в мое сердце владеть и царить.
Всё пройдет в никуда. Лишь стихи, мои дети,
Самозванцы не смогут никогда позабыть.

Январь 1918

83. СОДЕРЖАНИЕ МИНУС ФОРМА

Для того, чтобы быть весеннею птицей
Мало два крылышка и хвостом вертеть,
Еще надо уметь
Песней разлиться
От леса до радуги впредь.

Вот открою свой рот я багровый пошире,
Песни сами польются в уши раскрытые дней...
Скажите: в какой вы волшебной Кашире
Столько найдете чудесных вещей?!

И сегодня мне весело,
Весело,
Весело,
Я от счастья блажененько глуп,
Оттого, вероятно, что жизнь мою взвесила
Ты на точных весах твоих губ.

Все мы, поэты, — торгаши и торгуем
Строфою за рубль серебряных глаз,
И для нас
Лишь таким поцелуем
Покупается подлинный час.

Для того, чтобы стать настоящим поэтом,
Надо в минуту истратить века,
И не верить ребячливо, что станешь скелетом,
И что бывает такая тоска,
Что становится сердце дыбом,
А веки весят сто пуд,
И завидуешь допотопным рыбам,
Что они теперь не живут!

...Ах, удрать бы к чертям в Полинезию,
Вставить кольца в ноздрю и плясать,
И во славу веселой поэзии
Соловьем о любви хохотать!

Май 1918

84. ПРИНЦИП АКАДЕМИЗМА

Ты, грустящий на небе и кидающий блага нам
крошками,
Говоря: — Вот вам хлеб ваш насущный даю!
И под этою лаской мы ластимся кошками
И достойно мурлычем молитву свою.

На весы шатких звезд, коченевший в холодном
жилище,
Ты швырнул мое сердце, и сердце упало, звеня.
О, уставший Господь мой, грустящий и нищий,
Как завистливо смотришь ты с небес на меня!

Весь ваш род проклят роком навек и незримо,
И твой сын без любви и без ласк был рожден.
Сын влюбился лишь раз, но с Марией любимой
Эшафотом распятий был тогда разлучен.

Да! Я знаю, что жалки, малы и никчемны
Вереницы архангелов, чудеса, фимиам,
Рядом с полночью страсти, когда дико и томно
Припадаешь к ответно встающим грудям!

Ты, проживший без женской любви и без страсти!
Ты, не никший на бедрах женщин нагих!

Ты бы отдал все неба, все чуда, все власти
За объятья любой из любовниц моих!

Но смирись, одинокий в холодном жилище,
И не плачь по ночам, убеленный тоской,
Не завидуй, Господь, мне, грустящий и нищий,
Но во царстве любовниц себя упокой!

Декабрь 1917

85. ЛИРИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

С. Есенину

Все, кто в люльке Челпанова мысль свою вынянчил!
Кто на бочку земли сумел обручи рельс набить,
За расстегнутым воротом нынче
Волосатую завтру увидь!

Где раньше леса, как зеленые ботики,
Надевала весна и айда —
Там глотки печей в дымной зевоте
Прямо в небо суют города.

И прогресс стрижен бобриком требований
Рукою, где вздуты жилы железнодорожного узла,
Докуривши махорку деревни,
Последний окурок села.

Телескопами счистивши тайну звездной перхоти,
Вожжи солнечных лучей машиной схватив,
В силомере подъемника электричеством кверху
Внук мой гонит, как черточку, лифт.

Сумрак кажет трамваи, как огня кукиши,
Хлопают жалюзи магазинов, как ресницы в сто пуд.
Мечет вновь дискобол науки
Граммофонные диски в толпу.

На пальцах проспектов построек заусеницы,
Сжата пальцами плотин, как женская глотка, вода,
И объедают листву суеверий, как гусеницы,
Извиваясь суставами вагонов, поезда.

Церковь бьется правым клиросом
Под напором фабричных гудков,
Никакому хирургу не вырезать
Аппендицит стихов.

Подобрана так или иначе
Каждой истине — сотня ключей.
Но гонококк соловьиный не вылечен
В лунной и мутной моче.

Сгорбилась земля еще пуще
Под асфальтом до самых плеч,
Но поэта, занозу грядущего,
Из мякоти не извлечь.

Вместо сердца — с огромной плешиной,
С глазами холодными, как вода на дне,
Издеваюсь, как молот бешеный
Над раскаленным железом дней.

Я сам в Осанне великолепного жара,
Для обеденных столов ломая гробы,
Трублю сиреной строчек, шофер земного шара
И Джек-потрошитель судьбы.

И вдруг, металлический, как машинные яйца,
Смиряюсь, как собака под плеткой тубо —
Когда дачник, язык мой, шляется
По аллее березовых твоих зубов.

Мир может быть жестче, чем гранит еще,
Но и сквозь пробьется крапива строк вновь,
А из сердца поэта не вытащить
Глупую любовь.

Июль 1919

86. ПРИНЦИП РАСТЕКАЮЩЕЙСЯ ТЕМЫ

А. Мариенгофу

В департаментах весен, под напором входящих
И выходящих тучек без №№,
На каски пожарных блестящие
Толпа куполов.

В департаментах весен, где, повторяя обычай
Исконный, в комнате зеленых ветвей,
Делопроизводитель весенних притчей
Строчит языком соловей.
И строчки высыхают в сумерках, словно
Под кляксапапиром моя строка.
И не в том ли закат весь, что прямо в бескровный
Полумрак распахнулось тоска?

В департаментах мая, где воробьев богаделки
Вымаливают крупу листвы у весны,
Этот сумрак колышет легче елочки мелкой
В департаментах весен глыбный профиль стены.

А по улицам скачут... И по жилам гогочут.
Как пролетки промчались в крови...
А по улицам бродят, по панелям топочут
Опричниной любви.

Вместо песьих голов развеваются лица,
Много тысяч неузнанных лиц...
Вместо песьих голов обагрятся ресницы,
Перелесок растущих ресниц.

В департаментах весен, о, друзья, уследите ль
Эти дни всевозможных мастей.
Настрочит соловей, делопроизводитель
Вам о новом налоге страстей.

Заблудился вконец я. И вот обрываю
Заусеницы глаз — эти слезы; и вот
В департаменте весен, в канцелярии мая,
Как опричник с метлою у Арбатских ворот
Проскакала любовь. Нищий стоптанный высох
И уткнулся седым зипуном в голыши,
В департаментах весен — палисадники лысых,
А на Дантовых клумбах, как всегда, ни души!

Я — кондуктор событий, я — кондуктор без
крылий,
Грешен ли, что вожатый сломал наш вагон?!
Эти весны — не те... Я не пас между лилий,
Как когда-то писал про меня Соломон.

Август 1918

87. ДУАТЕМАТИЗМ ПЛЮС УЛЫБНУТЬСЯ

Мне только двадцать четыре! Двадцать четыре
всего!
В этом году, наверно, случилось два мая!
Я ничего,
Я ничего
Не понимаю.

И вот смеюсь. Я просто глуп.
Но ваша легкая улыбка
Блеснула в волнах влажных губ,
Вчера. В 12. Словно рыбка.

И были вы совсем не та.
На ту ни капли не похожи.
Звенеть качелям пьяной дрожи!
Когда сбывается мечта,
Уж не мечта она. А что же?

И не надо думать, что когда-нибудь трубы зазвучат,
Возглашая страшный суд
И крича о мученьях,
И злые пантеры к нам прибегут,
Чтоб дикий свой взгляд
Спрятать от страха в девических нежных коленях.
Пересохнут моря, где налетами белые глыбы,
И медузы всплывут
На поверхность последнего дня,
И с глазами вытаращенными удивленные рыбы
Станут судорожно глотать воздух, полный огня.
Мудрец, проститутки, поэты, собаки
В горы побегут,

А горы войдут
В города,
И все заверещат, ибо узрит всякий,
Как у Бога бела борода.

Но ведь это не скоро. В пепелящемся мире
Рвется сердце, как скачет по скалам от пули коза.
Мне двадцать четыре,
Только 24.
А у вас такие глаза.

— Какие
Такие?
Разве зло гляжу, Дима, я?
— Нет. Золотые,
Любимые.

Хотите смеяться со мною, беспутником,
Сумевшим весну из под снега украсть?
Вы будьте мохнатым лешим, а я буду путником,
Желающим к лешему в гости попасть.
Только смотрите: будьте лешим хорошим,
Настоящим,
Шалящим!

Как хорошо, что нынче два мая,
Я ничего не понимаю!

Октябрь 1917

88. ПРИНЦИП БЛОКА С ТУМБОЙ

Одному повелели: за конторкою цифрами звякай!
Другому: иконописно величай зарю!
А мне присудили:
Быть простою собакой
И собачьим нюхом набили
Ноздрю

Хорошо б еще дали борзой мне ляжки,
Я гонял бы коричневых лис по лесам,
А то так трудно быть грязной дворняжкой,
Что делать эдаким псам?!

Привыкший к огрызкам, а не к мясу и булкам,
Посетитель помоек и обжора костей,
Хвост трубою задравши, бегу переулком,
Унюхивая шаг единственной моей.

Вот так ее чуять, сквозь гул бы, сквозь шум бы!
И бежать!
Рысцою бежать!
Но видно судьба мне: у каждой тумбы
Остановиться на миг, чтобы ногу поднять.

И знаю по запаху тумбы пропревшей,
Что много таких же дворняжных собак
Уже пробегло здесь, совсем очумевши,
Ища на панели немыслимый шаг!

Июнь 1918

89. ЛИРИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ

Звонко кричу галеркою голоса ваше имя,
Повторяю его
Партером баса моего.
Вот ладоням вашим губами моими
Присосусь, пока сердце не навзничь мертво.

Вам извидя и радый, как с необитаемого острова,
Заметящий пароходного дыма струю,
Вам хотел я так много, но глыбою хлеба черствого
Принес лишь любовь людскую
Большую
Мою.

Вы примите ее и стекляшками слез во взгляде
Вызвоните дни бурые, как пережженный антрацит.
Вам любовь, — как наивный ребенок любимому
дяде
Свою сломанную игрушку дарит.

И внимательный дядя знает, что это
Самое дорогое ребенок дал.
Чем же он виноват, что большего
Нету,
Что для большего
Он еще мал?!

Это вашим ладоням несу мои детские вещи:
Человечью поломанную любовь и поэтину тишь.
И сердце плачет и надеждою блещет,
Как после ливня железо крыш.

Март 1918

90. РАССКАЗ ПРО ГЛАЗ ЛЮСИ КУСИКОВОЙ

Аквариум глазá. Зрачок рыбешкой золотой.
На белом Эльбрусе глетчерная круть.
На небосклон белков зрачок луною
Стосвечной лампочкой ввернуть.

Огромный снегом занесенный площадь
И пешеход зрачка весь набекрень и ниц.
В лохани глаз белье полощет
Бархаты щек подместь бы щеткою ресниц.

Маки зрачка на бельмах воли качайся!
Мол носа расшибет прибой высоких щек!
Два глáза пара темных вальса
Синдетиконом томности склеен зрачок.

Раскрылся портсигар сквозь вширь ресницы
Где две упругих незажженных папирос,
Глазá стаканы молока. В них распуститься
Зрачку как сахару под ураган волос.

Глазá страницей белой, где две кляксы
Иль паровоз в поля белков орет,
Зрачки блестят, начищенные ваксой
Зрачки вокзал в веселое вперед.

Март 1919

91. ОДНОТЕМНОЕ РАЗВЕТВЛЕНИЕ

Знаю. Да. Это жизнь ваша, словно январская
стужа,
Вас промерзла на улицах снегом крутящихся дней.

Вы ко мне ворвались, отирая замерзшие уши,
И присели к камину души, розовевшей теплынью
своей.

И любовь мою залпом, как чашку горячего чая,
От которой всклублялись мои поцелуи, как пар,
Словно чашку горячего чая,
Выпили, не замечая,
Что угаром рыдал золотой самовар.

Обожглись и согрелись,
Ваши щеки победам
Зазвенели восточною первой зарей.
Вы согрелись.
Готовы болтать вы со мной!
Так послушайте: мне этот холод неведом,
Но порой,
Я расплавлен духотой,
Духотой.

И тогда, прогрустневший и тихозаботный,
И в Евангелье женских ресниц увлеком,
Из звенящего тела, как из чашки, пью чай мой
холодиный,
Неторопливо, глоток за глотком.

Этот чай утоляющий, будто нежное слово,
Этот чай цвета ваших кудрей он, и в нем
Узкой струйкою сахара — сладость былого,
И, как запах духов ваших, грезящий ром.

Декабрь 1917

92. ПРИНЦИП ИМПРЕССИОНИЗМА

В обвязанной веревкой переулков столице,
В столице,
Покрытой серой оберткой снегов,
Копошатся ночные лица
Черным храпом карет и шагов.
На страницах
Улиц, переплетенных в каменные зданья
Как названье,
Золотели буквы окна,
Вы тихо расслышали смешное рыданье
Мутной души, просветлевшей до дна.

...Не верила ни словам, ни метроному сердца,
Этой скомканной белке, отданной колесу!..
— Не верится?!
В хрупкой раковине женщины всего шума радости
не унесу!

Конечно, нелепо, что песчаные отмели
Вашей души истормошил ураган,
Который нечаянно
Случайно
Подняли
Заморозки чужих и северных стран.

Июльская женщина, одетая январкой!
На лице монограммой глаза блестят.
Пусть подъезд нам будет триумфальной аркой,
А звоном колоколов зазвеневший взгляд!

В темноте колибри папиросы,
После января перед июлем нужна вера в май!
Бессильно свисло острие вопроса...

Прощай,
Удалившаяся.

Февраль 1915

93. ПРИНЦИП ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВ

Это я набросал вам тысячи
Слов нежных, как пушистые ковры на тахтах,
И жду пока сумрак высечет
Ваш силуэт на этих коврах.

Я жду. Ждет и мрак. Мне смеется.
Это я. Только я. И лишь
Мое сердце бьется,
Юлит и бьется,
В мышеловке ребер красная мышь.

Ах, из пены каких-то звонков и материй,
В запевающих волнах лифта невдруг,
Чу! взлетели в сквозняк распахнуться двери,
Надушить вашим смехом порог и вокруг.

Это я протянул к вам руки большие,
Мои длинные руки вперед
И вперед,
Как вековые
Веки Вия,
Как копье
Свое
Дон-Кихот.

Вы качнулись и волосы ржавые двинуться
Не сумели, застыв, измедузив анфас.
Пусть другим это пробило только одиннадцать,
Для меня командором шагает двенадцатый час.

Разве берег и буря? Уж не слышу ли гром я?
Не косою ли молний скошена ночь?
Подкатываются волны, как к горлу комья,
Нагибается профиль меня изнемочь.

Это с бедер купальщиц или с окон стекает?
И что это? Дождь? Иль вода? А сквозь мех
Этой тьмы две строки ваших губ выступают,
И рифмой коварной картавый ваш смех.

Этот смех, как духи слишком пряные, льется,
Он с тахты. Из-за штор. От ковров. И из ниш.
А сердце бьется,
Юлит и бьется,
В мышеловке ребер умирает мышь.

Сентябрь 1917

94. НЕБОСКРЕБ ОБРАЗОВ МИНУС СПРЯЖЕНЬЕ

Свора слез в подворотне глотки
За икры минут проходящий час
Сердце без боли — парень без походки,
В пепельницу платка окурки глаз.

Долго плюс дольше. Фокстерьеру сердца
Кружиться, юлиться, вертеться.

Волгою мокрый платок
В чайнике сердца кипяток.
Доменною печью улыбки 140 по Цельсию
Обжигать кирпичи моих щек.
Мимо перрона шаблона по рельсе
Паровоз голоса с вагонами строк.

Сквозь обруч рта, сквозь красное О он
Красный клоун
Язык ранний
Тост.
В небес голубом стакане
Гонококки звезд.

Март 1919

95. ДИНАМАС СТАТИКИ

Б. Эрдману

Стволы стреляют в небо от жары
И тишина вся в дырьях криков птичьих.
У воздуха веснушки мошкары
И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась вверху,
Где пруд в кувшинках облаков и не проточно.
И сеет зерна тени в мху
Шмель — пестрый почтальон цветочный.

Вдали авто сверлит у полдня зуб
И полдень запрокинулся неловок...
И мыслей муравьи ползут
По пням вчерашних недомолвок.

Июль 1919. Сокольники.

96. ПРИНЦИП ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

День минус солнце плюс оба
Полюса скрипят проселком веков.
Над нами в небе пам-пам пляшет злоба,
Где аэро качается в гамаке ветров.

Лечь — улицы. Сесть — палисадник.
Вскочить — небоскребы до звезд.
О, горло! Весенний рассадник
Хрипоты и невиданных слез.

О, сердце! Какого пророчества
Ты ждешь, чтоб вконец устать
И каждую вещь по имени-отчеству
Вежливо не называть?!

Уткнись в мою душу, не ерзай,
Наседкой страстей не клохчи
И аппаратиком Морзе
По ленте вен не стучи!

Отдираю леса и доски
С памятника завтрашних жить:
Со свистком полицейским, как с соской,
Обмочившись, осень лежит...

Возвращаясь с какого-то пира
Минус разум плюс пули солдат,
Эти нежные вёсны на крыльях вампира
Пролетают глядеть в никуда.

Ноябрь 1918

97. ПРИНЦИП ОБРАТНОЙ ТЕМЫ

Это лужицы светятся нежно и лоско,
Это ногти на длинных пальцах Тверской...
Я иду и треплет мою прическу
Ветер теплой и женской рукой.

Ах, как трудно нести колокольчики ваших улыбок
И самому не звенеть,
На весь мир не звенеть,
Не звенеть...
Вы остались. Устались, и стаей серебряных рыбок
Ваши глаза в ресничную сеть.

Только помнится: в окна вползали корни
Всё растущей луны между звездами ос.
«Ах, как мертвенно золото всех Калифорний
Возле россыпи ваших волос!..»

Канарейка в углу (как осколок луны) нанизала,
Низала
Бусы трелей стеклянных на нитку и вдруг
Жестким клювом, должно быть, эту нить оборвала,
И стекляшки разбились, попадав вокруг.

И испуганно прыснули под полом мышки,
И взглянувши на капельки ваших грудей,
Даже март (этот гадкий, непослушный мальчишка)
Споткнулся о краткий февраль страстей.

Октябрь 1917

98. ПРИНЦИП АРХИТЕКТУРНОГО СОПОДЧИНЕНИЯ

У купца — товаром трещат лабазы,
Лишь скидавай засов, покричи пять минут:
— Алмазы! Лучшие свежие алмазы! —
И покупатели ордой потекут.

Девушка дождется лунного часа,
Выйдет на площадь, где прохожий чист,
И груди, как розовые чаши мяса,
Ценителю длительной дрожи продаст.

Священник покажется толстый, хороший,
На груди с большущим крестом,
И у прихожан обменяет на гроши
Свое интервью с Христом.

Ну а поэту? Кто купит муки,
Обмотанные марлей чистейших строк?
Он выйдет на площадь, протянет руки,
И с голоду подохнет в недолгий срок!

Мое сердце не банк увлечений, ошибки
И буквы восходят мои на крови.
Как на сковородке трепещется рыбка,
Так жарится сердце мое на любви!

Эй, люди! Монахи, купцы и девицы!
Лбом припадаю отошедшему дню,
И сердце не успевает биться,
А пульс слился в одну трескотню.

Но ведь сердце, набухшее болью, дороже
Пустого сердца продашь едва ль,

И где сыскать таких прохожих,
Которые золотом скупили б печаль?!

И когда ночью сжимаете в постельке тело
ближнее,
Иль устаете счастье свое считать,
Я выхожу площадями рычать:
— Продается сердце неудобное, лишнее!
Эй! Кто хочет пудами тоску покупать?!

Январь 1918

99. ПРИНЦИП РЕАЛЬНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

От полночи частой и грубой,
От бесстыдного бешенства поз,
Из души выпадают молочные зубы
Наивных томлений,
Влюблений
И грез.

От страстей в полный голос и шепотом,
От твоих суеверий, весна,
Дни прорастают болезненным опытом,
Словно костью зубов прорастает десна.

Вы пришли и с последнею, трудною самой
Болью взрезали жизнь, точно мудрости зуб,
Ничего не помню, не знаю, упрямо
Утонувши в прибое мучительных губ.

И будущие дни считаю
Числом оставшихся с тобой ночей...

Не живу... Не пишу... Засыпаю
На твоем глубоком плече.

И от каждой обиды невнятной
Слезами глаза свело.
На зубах у души побуревшие пятна.
Вместо сердца — сплошное дупло.

Изболевшей душе не помогут коронки
Из золота. По ночам
Ты напрасно готовишь прогнившим зубам
Пломбу из ласки звонкой...

Жизнь догнивает, чернея зубами.
Эти черные пятна — то летит воронье!
Знаю: мудрости зуба не вырвать щипцами,
Но как сладко его нытье!..

Май 1918

100. ПРИНЦИП ГРАФИЧЕСКОГО СТИХА

Когда среди обыденной жизни,
Напоминающей днями слова салонной болтовни,
Кто-нибудь произнесет
(Для того, чтоб посмеяться
Или показаться грустным)
— Любовь!
Эти буквы сливаются во что-то круглое,
Отвлеченное,
Попахивающее сплетнями.
Но все хватаются за него,
Как ребенок за мячик.

А мне делается не по себе,
Нестерпимо радостно.
Хотя сердце сжимается, как у рыдающего горло,
Хотя вспоминанья впиваются в мозг
Холодеющими пальцами умирающего
Вцепившегося в убийцу
И, застегнутый на все пуговицы спокойствия,
Я молчу...
Впрочем, кто же не услышит в таком молчании
Возгласов, криков, стонов,
Если даже воздух золотится огненными знаками
препинаний!

И не так ли озарялся Христос на кресте,
Когда звучало:
— Отче наш!
Ибо изо всех произносивших это,
Только ему было ведомо,
Что именно значит такое страшное имя,
И того, кого называли окрест понаслышке,
Он видел воочию.

Так молчу о любви,
Потому что знакомые что-то другое
Называют любовью
(Словно мохнатой гориллой колибри),
И хочется долго до самой могилы
(И, пожалуй, даже дальше!)
О моей настоящей любви
Думать без строф, без размера, особенно без рифм.
До мудреного просто, другим непонятно.
И завидовать,
Что не я выдумал это единственное слово:
— Любовь

Май 1918

101. ОДНОХАРАКТЕРНЫЕ ОБРАЗЫ

Спотыкается фитиль керосиновый
И сугробом навален чад.
Посадить весь мир, как сына бы,
На колени свои и качать!

Шар земной на оси, как на палочке
Жарится шашлык.
За окошком намазаны икрою галочьей
Бутерброд куполов и стволы.

Штопором лунного света точно
Откупорены пробки окон из домов.
Облегченно, как весною чахоточный,
Я мокроту слов
В платок стихов.

Я ищу в мозговой реторте
Ключ от волчка судьбы,
А в ушах площадей мозоли натерли
Длинным воем телеграфа столбы.

Не хромай же, фитиль керосиновый,
Не вались сугробом черным чад!
Посадить дай мир, как сына бы,
На колени к себе и качать.

Июль 1919

102. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СТАНСЫ

Каждый раз
Несураз —
Ное брякая
Я в спальню вкатившийся мотосакош.
Плотносложенным дням моя всякая
Фраз —
А
Раз—
Разрезательный нож!

Я зараз —
Ой дымлюся от крика чуть,
Весь простой, как соитье машин.
Черпаками строчек не выкачать
Выгребную яму моей души.

Я молюсь на червонную даму игорную,
А иконы ношу на слом,
И похабную надпись узорную
Обращаю в священный псалом.

Незастегнутый рот, как штанов прорешка,
И когда со лба полночи пот звезды,
Башка моя служит ночлежкой
Всем паломникам в Иерусалим ерунды.

И на утро им грозно я в ухо реву,
Что завтра мягчее, чем воск,
И тащу продавать на Сухареву
В рай билет, мои мышцы и мозг.

Вот вы помните: меня вы там встретили,
Так кричал, что ходуном верста:
— Принимаю в починку любовь, добродетели,
Штопаю браки и веру Христа.

И работу окончив обличительно тяжкую,
После с людьми по душам бесед,
Сам себе напоминаю бумажку я,
Брошенную в клозет.

Июнь 1919

103. ИМАЖИНИСТИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Ваше имя, как встарь, по волне пробираясь, не
валится
И ко мне добредает, в молве не тоня.
Ледяной этот холод, обжигающий хрупкие пальцы,
Сколько раз принимал я, наивный, за жаркую ласку
огня!

...Вот веснеет влюбленность, и в зрачках, как в
витринах
Это звонкое солнце, как сердце, скользнуло,
дразнясь,
И шумят в водостоках каких-то гостиных
Капли сплетен, как шепот, мутнея и злясь.

Нежно взоры мы клоним и голову высим.
И всё ближе проталины губ меж снегами зубов,
И порхнули бабочки лиловеющих писем,
Где на крыльях рисунок недовиденных снов...

...Встанет августом ссора. Сквозь стеклянные двери
террасы
Сколько звезд, сколько мечт, по душе, как по небу
скользит,
В уголках ваших губ уже первые тучи гримасы
И из них эти ливни липких слов и обид...

Вот уж слезы, как шишки, длиннеют и вниз облетают
Из-под хвои темнеющей ваших колких ресниц.
Вот уж осень зрачков ваших шатко шагает
По пустым, равнодушным полям чьих-то лиц.

...А теперь только лето любви опаленной,
Только листьями клена капот вырезной,
Только где-то шуменье молвы отдаленной,
А над нами блаженный, утомительный зной.

И от этого зноя с головой
Погрузиться
В слишком теплое озеро голубеющих глаз,
И безвольно запутаться, как в осоке, в ресницах,
Прошумящих о нежности в вечереющий час.

И совсем обессилев от летнего чуда,
Где нет линий, углов, нет конца и нет грез,
В этих волнах купаться и вылезть оттуда
Завернуться в мохнатые простыни ваших волос...

...Ваше имя бредет по волне, не тоня, издалече,
Как Христос пробирался к борту челнока.
Так горите же губ этих тонкие свечи
Мигающим пламенем языка!

Ноябрь 1917

104. ПРИНЦИП РИТМА СЕРДЦА

Вот, кажется, ты и ушла навсегда,
Не зовя, не оглядываясь, не кляня.
Вот, кажется, ты и ушла навсегда...
Откуда мне знать: зачем и куда?
Знаю только одно: от меня!

Верный и преданный и немного без сил,
С закушенной губой,
Кажется: себя я так не любил,
Как после встречи с тобой.

В тишине вижу солнечный блеск на косе...
И как в просеке ровно стучит дровосек
По стволам красных дней,
Не сильней, не сильней,
По стволам тук-тук-тук,
Стукает сердце топориком мук.

У каждого есть свой домашний
Угол, грядки, покос.
У меня только щеки изрытей, чем пашня,
Волами медленных слез.

Не правда ль, смешно: несуразно-громадный,
А слово боится произнести;
Мне бы глыбы ворочать складно,
А хочу одуванчик любви донести.

Ну, а то, что ушла, и что мне от тоски
Не по-здешнему как-то мертво, —
Это так, это так, это так, пустяки,
Это почти ничего!

Сентябрь 1918

105. ПРИНЦИП ПРИМИТИВНОГО ИМАЖИНИЗМА

Всё было нежданно. До бешенства вдруг
Сквозь сумрак по комнате бережно налитый,
Сказала: — завтра на юг
Я уезжаю на лето!

И вот уже вечер громоздящихся мук,
И слезы крупней, чем горошины...
И в вокзал, словно в ящик почтовый разлук,
Еще близкая мне, ты уж брошена!

Отчего же другие, как я не прохвосты,
Не из глыбы, а тоже из сердца и мяс,
Умеют разлучаться с любимыми просто,
Словно будто со слезинкою глаз?!

Отчего ж мое сердце, как безлюдная хижина?
А лицо, как невыглаженное белье?
Неужели же первым мной с вечностью сближено,
Непостоянство, любовь, твое?!

Изрыдаясь в грустях, на хвосте у павлина
Изображаю мечтаний далекий поход,
И хрустально-стеклянное вымя графина
Третью ночь сосу напролет...

И ресницы стучат в тишине, как копыта,
По щекам, зеленеющим скукой, как луг,
И душа выкипает, словно чайник забытый
На спиртовке ровных разлук.

Это небо закатно не моею ли кровью?
Не моей ли слезой полноводится Нил,

Оттого, что впервой с настоящей любовью
Я стихам о любви изменил?!

Июль 1918

106. ЭСТРАДНАЯ АРХИТЕКТОНИКА

Мы последние в нашей касте
И жить нам не долгий срок.
Мы коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих сгустков в крови,
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчаса первого
Будут молиться и есть!

Торопитесь же, девушки, женщины.
Влюбляйтесь в певцов чудес
Мы пока последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Любите же в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

Сентябрь 1918

107. ПРИНЦИП РОМАНТИЗМА

А. Мариенгофу

Когда-то, когда я носил короткие панталончики,
Был глупым, как сказка, и читал «Вокруг Света»,
Я часто задумывался на балкончике
О том, как любят знаменитые поэты.
И потому, что я был маленький чудак,
Мне казалось, что это бывает так.

Прекрасный и стройный, он встречается с нею...
У нее меха и длинный
Трэн.
И когда они проплывают старинной
Аллеей,
Под юбками плещутся рыбки колен.
И проходят они без путей и дороги,
Завистливо встречные смотрят на них;
Он, конечно, влюбленный и строгий,
Ей читает о ней же взволнованный стих...

Мне мечталось о любви очень нежной, но жгучей.
Ведь другой не бывает. Быть не может. И нет.
Ведь любовь живет меж цветов и созвучий.
Как же может любить не поэт?

И мне казались смешны и грубы
Поцелуи, что вокруг звучат,
Как же могут сближаться влажные губы,
Говорившие о капусте полчаса назад.

И когда я, воришка, подслушал, как кто-то молился:
«Сохрани меня, Боже, от любви поэта!»
Я сначала невероятно удивился,
А потом прорыдал до рассвета.

Теперь я понял. Понял всё я.
Ах, уж не мальчик я давно.
Среди исканий, без покоя
Любить поэту не дано.

Искать губами пепел черный
Ресниц, упавших в заводь щек, —
И думать тяжело, упорно
Об этажах подвластных строк.

Рукою жадной гладить груди
И чувствовать уж близкий крик, —
И думать трудно, как о чуде,
О новой рифме в этот миг.

Она уже устала биться,
Она в песках зыбучих снов, —
И вьется в голове, как птица,
Сонет крылами четких строф.

И вот поэтому, часто, никого не тревожа,
Потихоньку плачу и молюсь до рассвета:
«Сохрани мою милую, Боже,
От любви поэта!»

Сентябрь 1917

108. ПРИНЦИП ЛИРИЗМА

Когда сумерки пляшут присядку
Над паркетом наших бесед,
И кроет звезд десятку
Солнечным тузом рассвет, —

Твои слезы проходят гурьбою,
В горле запутаться их возня.
Подавился я видно тобою
Этих губ бормотливый сквозняк.

От лица твоего темно-карего
Не один с ума богомаз...
Над Москвою саженное зарево
Твоих распятых глаз.

Я с тобой на страницах вылип,
Рифмой захватанная подобно рублю.
Только в омуты уха заплыли б
Форели твоих *люблю*!

Если хочешь, тебе на подносе,
Где с жирком моей славы суп, —
Вместо дичи, подстреленной в осень
Пару крыльев своих принесу.

И стихи размахнутся, как плети
Свистом рифм, что здоровьем больны,
Стучать по мостовой столетий
На подковах мыслей стальных.

Июль 1919

109. АГРАММАТИЧЕСКАЯ СТАТИКА

Вкруг молчь и ночь,
Мне одиночь.

Тук пульса по опушке пушки,
Глаза веслом ресниц гребут.
Кромсать и рвать намокшие подушки,
Как летаргический проснувшийся в гробу,
Сквозь темь кричат бездельничая кошки
Хвостом мусоля кукиш труб.
Согреть измерзшие ладошки
Сухих поленьях чьих-то губ.

Вкруг желть и жолчь
Над одиночью молчь.
Битюг ругательства. Пони брани.
Барьер морщин. По ребрам прыг коня.
Тащить занозы вспоминаний
Из очумевшего меня,
Лицо как промокашка тяжкой ранки.
И слезы, может быть, поэта ремесло?
За окном ворчит шарманка
Чрезвычайно весело:
— Ты ходила ли, Людмила,
И куда ты убегла?
В решето коров доила,
Топором овцу стригла.

Проулок гнет сугроб, как кошка.
Слегка обветренной спиной.
И складки губ морщинами гармошка.
Следы у глаз, как синие дорожки,
Где бродит призрак тосковой

Червем ползут проселки мозга,
Где мыслей грузный тарантас.
О, чьи глаза — окном киоска,
Здесь продают холодный квас?!

Прочь ночь и одиночь.
Одно помочь.

Под тишину
Скрипит шарманка на луну:
— Я живая словно ртуть,
Грудь на грудь.
Живот на живот —
Всё заживет.

Февраль 1919

110. ПРИНЦИП ЗВУКОВОГО ОДНОСЛОВИЯ

Вас
Здесь нет. И без вас.
И без вас,
И без смеха
Только вечер укором глядится в упор
Только жадные ноздри ловят милое эхо
Запах ваших духов, как далекое звяканье шпор.

Ах, не вы ли несете зовущее имя
Вверх по лестнице, воздух зрачками звеня?!
Это буквы ль проходят строками
Моими,
Словно вы каблучками
За дверью дразня?!

Желтый месяца ус провихлялся в окошке.
И ошибся коснуться моих только губ,

И бренчит заунывно полсумрак на серой гармошке
Паровых остывающих медленно труб.

Эта тихая комната помнит влюбленно
Ваши хрупкие руки. Веснушки. И взгляд.
Словно кто-то вдруг выпил духи из флакона,
Но флакон не посмел позабыть аромат.

Вас здесь нет. И без вас. Но не вы ли руками
В шутку спутали четкий пробор моих дней?!
И стихи мои так же прополнены вами
Как здесь воздух, тахта и протяжье ночей.

Вас здесь нет. Но вернетесь. Чтоб смехом, как
пеной,
Зазвенеться, роняя свой пепельный взгляд.
И ваш облик хранят
Эти строгие стены.
Словно рифмы строфы дрожь поэта хранят.

Декабрь 1917

111. ТЕМАТИЧЕСКИЙ КРУГ

Всё течет в никуда. С каждым днем отмирающим
Слабже мой
Вой
В покорной, как сам тишине.
Что в душе громоздилось небоскребом вчера еще,
Нынче малой избенкой спокойствует мне.

Тусклым августом пахнет просторье весеннее,
Но и в слезах моих истомительных — май.

Нынче всё хорошо с моего многоточия зрения,
И совсем равнодушно сказать вместо «здравствуй»
— прощай.

И теперь мне кажутся малы до смешного
Все былые волненья, кипятившие сердце и кровь,
И мой трепет от каждого нежного слова,
И вся заполнявшая годы любовь.

Так вернувшийся в дом, что покинул ребенком
беспечным
И вошедший в детскую, от удивления нем,
Вдруг увидит, что комната бывшая ему бесконечной,
Лишь в одно
Окно
И мала совсем.

Всё течет в никуда. И тоской
Неотступно вползающей
Как от боли зубной,
Корчусь я в тишине,
Что в душе громоздилось доминой огромной вчера
еще
Нынче малой избенкой представляется мне.

Апрель 1918

112. ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНТРАСТ

А. Мариенгофу

Ночь на звезды истратилась шибко
За окошком кружилась в зеленеющем вальсе
листва,

На щеках замерзала румянцем улыбка,
В подворотне глотки выли слова.

По стеклу прохромали потолстевшие сумерки.
И безумный поэт утверждал жуткой пригоршей
слов:
— В наш огромный мир издалека несу мирки
Дробью сердца и брызгом мозгов!

Каждый думал: «Будет день и тогда я проснусь
лицом
Гроб привычек сломает летаргический труп».
А безумный выл: — Пусть страницы улиц
замуслятся
Пятерней пяти тысяч губ.

От задорного вздора лопались вен болты
И канализация жил.
Кто-то в небо луну раздраженную, желтую,
Словно с жолчью пузырь, уложил.

Он вопил: — Я хороший и юный
Рот слюною дымился, как решетка клоак...
И взбегал на череп, как демагог на трибуну
Полновесный товарищ кулак.

А потом, когда утренний день во весь рост свой
сурово лег,
И вокруг забелело, как надевши белье,
На линейках телеграфных проволок
Еще стыла бемоль воробьев, —
Огляделись, и звонкие марши далече
С зубов сквозь утро нес озноб
И стало обидно, что у поэта рыдавшего речью
В ушах откровенно грязнó.

Март 1919

113. КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ

Н. Эрдману

Душа разливается в поволжское устье,
Попробуй, переплыви!
А здесь работает фабрика грусти
В каждой строке о любви.

А здесь тихой вонью издохшей мыши
Кадят еще и еще,
И даже крутые бедра матчиша
Иссохли, как чорт знает что.

А здесь и весна сиротливой оборванью
Слюнявит водостоки труб,
И женщины мажут машинною ворванью
Перед поцелуем клапаны губ.

А чтоб в этой скучище мелочной
Оправдаться, они говорят,
Что какой-то небесный стрелочник
Всегда и во всем виноват.

Давайте, докажем, что родились мы в сорочке,
Мы поэты, хранители золотого безделья,
Давайте устроимте в каждой строчке
Кооперативы веселья.

В этой жизни, что тащится как Сахарой
верблюдище
Сквозь какой-то непочатый день,
Мы даже зная об осени будущей
Прыгнем сердцем прямо в сирень.

Прыгнем, теряя из глотки улыбки,
Крича громовое *На!*
Как прыгает по коричневой скрипке
Вдруг лопнувшая струна.

Январь 1919

114. ДИНАМИЗМ ТЕМЫ

Вы прошли над моими гремящими шумами,
Этой стаей веснушек, словно пчелы звеня.
Для чего ж столько лет, неверная, думали:
Любить иль нет меня!

Подойдете и ближе. Я знаю. Прорежете
Десна жизни моей, точно мудрости зуб.
Знаю: жуть самых нежных нежитей
Засмеется из красной трясины ваших топких губ.

Сколько зим, занесенных моею тоскою.
Моим шагом торопится опустелый час.
Вот уж помню: извозчик. И сиренью морскою
Запахло из раковин ваших глаз.

Вся запела бурей, но каких великолепий!
Прозвенев на весь город, с пальца скатилось кольцо.
И сорвав с головы своей легкое кепи,
Вы взмахнули им улице встречной в лицо.

И двоясь, хохотали
В пролетавших витринах,
И роняли
Из пригоршней глаз винограды зрачка.

А лихач задыхался на распухнувших шинах,
Торопя прямо в полночь своего рысака.

Октябрь 1917

115. ПРИНЦИП РАСТЕКАЮЩЕГОСЯ ЗВУКА

Тишина. И на крыше.
А выше —
Еще тише...
Без цели...
Граммофоном оскалены окна, как пасть волчья.
А внизу, проститутками короновавши панели,
Гогочет, хохочет прилив человеческой сволочи.

— Легкий ветер сквозь ветви. Треск вереска твой
верящий голос.
Через вереск неся едкий яд, чад и жуть,
Июньский день ко мне дополз,
Впился мне солнцем прожалить грудь.

Жир солнца по крыше, как по бутербродам
Жидкое, жаркое масло, тек...
И Москва нам казалась плохим переводом
Каких-то Божьих тревожных строк.

И когда приближалась ты сквозными глазами,
И город вопил, отбегая к Кремлю,
И биплан твоих губ над моими губами
Очерчивал, перевернувшись, мертвую петлю, —
Это медное небо было только над нами,
И под ним было только наше люблю!

Этим небом сдавлены, как тесным воротом,
Мы молчали в удушьи,
Всё глуше,
Слабей...
Как золотые черепахи, проползли над городом
Песками дня купола церквей.

И когда эти улицы зноем стихали
И умолкли уйти в тишину и грустить, —
В первый раз я поклялся моими стихами
Себе за тебя отомстить.

Июнь 1918

116

С. Есенину

Если город раскаялся в шуме,
Если страшно ему, что медь,
Мы лягем подобно верблюдам в самуме
Верблюжею грыжей реветь.

Кто-то хвастался тихою частью
И вытаскивал на удочке час,
А земля была вся от счастья
И счастье было от нас

И заря растекала слюни
Над нотами шоссейных колей
Груди женщин асфальта в июне
Мягчей.

И губы ребят дымились
У проруби этих грудей
И какая-то страшная милость
Желтым маслом покрыла везде.

Из кафэ выгоняли медведя,
За луною носилась толпа.
Вместо Федора звали Федей
И улицы стали пай.

Стали мерять не на сажéни,
А на вершки температуру в крови,
По таблице простой умножений
Исчисляли силу любви.

И пока из какого-то чуда
Не восстал завопить мертвец,
Поэты ревели как словно верблюды
От жестокой грыжи сердец.

Ноябрь 1918

117. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО

Не потому, что себя разменял я на сто пятачков,
Иль что вместо души обхожусь только кашицей
рубленой, —
В сотый раз я пишу о цвете зрачков
И о ласках мною возлюбленной.

Воспевая Россию и народ, исхудавший в скелет,
На лысину заслужил бы лавровые веники,
Но разве заниматься логарифмами бед
Дело такого, как я, священника?

Говорят, что когда-то заезжий фигляр,
Фокусник уличный, в церковь зайдя освещенную,
Захотел словами жарче угля
Помолиться, упав пред Мадонною.

Но молитвам научен не был шутник,
Он знал только фокусы, знал только арийки,
И пред краюхой иконы поник
И горячо стал кидать свои шарики.

И этим проворством приученных рук,
Которым смешил он в провинции девочек,
Рассказал невозможную тысячу мук,
Истерзавшую сердце у неуча.

Точно так же и я... Мне до рези в желудке
противно
Писать, что кружится земля и поет, как комар.
Нет, уж лучше пред вами шариком сердца наивно
Будет молиться влюбленный фигляр.

Август 1918

ИТАК ИТОГ

Юлии Дижур

ИЮЛЬ И Я

Лирика 1922—1926 гг.

Травы в июле часто бывают опалены зноем: но как часто этот зной схож с леденящим холодом.

Сен-Поль-Ру

118. ПОСЛЕДНИЙ РИМ

Мороз в окно скребется, лая,
Хрустит, как сломанный калач.
Звенят над миром поцелуи,
Звенят, как рифмы наших встреч.

Была комета этим годом,
Дубы дрожали, как ольха.
Пришла любовь, за нею следом,
Как шпоры, брызнули стихи.

Куда б ни шел, но через долы
Придешь к любви, как в Третий Рим.

Лишь молния любви блеснула,
Уже стихом грохочет гром.

И я бетонный и машинный
Весь из асфальтов и железа,
Стою, как гимназист влюбленный,
Не смея глаз поднять на вас.

Всё громче сердца скок по будням,
Как волки, губы в темноте.
Я ныне верю только бредням!
О разум! — Нам не по пути!

Уж вижу, словно сквозь деревья,
Сквозь дни — мой гроб, — последний Рим,
И, коронованный любовью,
Я солнце посвящаю вам.

4 ноября 1922

119. ВОИСТИНУ ЛЮБЛЮ

Как мальчик, не видавший моря,
За море принял тихий пруд, —
Так я, лишь корчам тела веря,
Любовью страсть назвать был рад.

Мне всё роднее мертвь левкоев
И пальцев догорает воск.
Что в памяти? Склад поцелуев
И тяжкий груз легчайших ласк.

Уж не трещать мне долго песней,
Не лаять на луну слезой!

Пусть кровь из горла — розой красной
На гроб моих отпетых дней.

О, я ль не издевался солнцем,
Смешавши бред и сон и явь,
Как вдруг нечаянным румянцем
Расхохоталась мне любовь.

Весь изолгавшийся, безумный,
Я вижу с трепетом вблизи
Фамильный герб любви огромной —
Твои холодные глаза.

Что мне возможно? Ночью биться,
Шаг командора услыхав?
Иль, как щенку, скуля, уткнуться
В холодной конуре стихов?

Твоей походкой я считаю
По циферблату шаг минут.
На грудь твою я головою
Вдруг никну, как на эшафот.

Уж только смерть последним штилем
Заменит буйство этих гроз.
Ах, кровь вскипает алкоголем,
Шампанским брызнувши из глаз.

Мне даже кажется, что выси
Сегодня ближе, вниз, к земле.
Звучало мне: — Люблю воскресе!
И я: — Воистину люблю.

Друзья, продайте хлюп осенний,
Треск вывесок, слез цап-царап, —

Но радостью какою осиянно
Твое благовещенье губ.

11 ноября 1922

120. ИТАК, ИТОГ

Бесцельно целый день жевать
Ногами плитку тротуара,
Блоху улыбки уловить
Во встречном взоре кавалера.

Следить мне, как ноябрь-паук
В ветвях плетет тенета снега
И знать, что полночью в кабак
Дневная тыкнется дорога.

Под крышным черепом — ой, ой! —
Тоска бредет во всех квартирах,
И знать, что у виска скорей,
Чем через год, запахнет порох.

Итак, итог: ходячий труп
Со стихотворною вязанкой!
Что ж смотришь, солнечный циклоп,
Небесная голубозвонка!

О солнце, кегельбанный шар!
Владыка твой, нацелься в злобе
И кегли дней моих в упор
Вращающимся солнцем выбей.

Но он не хочет выбивать,
И понял я, как все, усталый:

Не то что жить, а умереть
И то так скучно и постыло!

22 ноября 1922

121. ЧТО ТАКОЕ ИТАЛИЯ?

Другим это странно: влюблен и грусть!
Помнит о смерти, как о свиданьи!
Я же знаю, что гробом беременна страсть,
Что сам я двадцатого века виденье!

Другим это ясно: влюблен — хохочи!
Как на медведя, на грусть в дреколья!
Как страус, уткнувшись любимой в плечо,
Наивно мечтай об Италии.

Что такое Италия? Поголубее небо
Да немножко побольше любви.
Мне ж объятья твои прохладнее гроба,
А губы мои, как могильный червяк.

Так просто выдавить слова,
Как кровь из незасохшей раны.
Землетрясенье в голове,
Но мысли строже, чем икона.

Землетрясенье в голове.
И лавой льются ваши губы.
Вам 20 лет, и этим вы правы,
А мне всего один до гроба.

28 ноября 1922

122. РАСХОД ТОСКИ

О пульс, мой кровяной набат!
Не бей тревогу, стихни! Знаю,
Как беден счастьем мой приход
И как богат расход тоскою.

О, если б жить, как все, как те,
В венце паскудных скудных будней,
И в жизненном меню найти
Себе девчонку поприглядней.

Быть в 30 лет отцом детей
И славным полководцем сплетен
И долгом, словно запятой,
Тех отделять, кто неприятен.

А в 40 лет друзьям болтать
О высшей пользе воздержанья
И мир спокойно возлюбить,
Как по таблице умноженья!

И встретить смерть под 50,
Когда вся жизнь, как хата с краю.
Как беден счастьем мой приход.
И как богат расход тоскою.

Мне завещал угрюмый рок
Жизнь сделать половодьем ночи
И знать, что Дант — мой ученик
С его любовью к Беатриче!

8 декабря 1922

123. МОСКОВСКАЯ ВЕРОНА

Лежать сугроб. Сидеть заборы.
Вскочить в огне твое окно.
И пусть я лишь шарманщик старый,
Шарманкой, сердце, пой во мне.

Полночь молчать. Хрипеть минуты.
Вдрызг пьяная тоска визжать
Ты будь мой только подвиг сотый,
Который мне до звезд воспеть.

Лишь вправься в медальон окошка
И всё, что в сто пудов во мне,
Что тяжело поднять букашке,
Так незначительно слону.

Ах, губы лишь края у раны;
Их кличкой берeжу твоей.
Не мне ль московская Верона
Была обещана тобой?!

Зов об окно дробится пеной
И снегом упадает вниз.
Слеза, тянись вожжой соленой,
Вожжой упущенной из глаз.

Тобой пуст медальон окошка,
Сугроб так низок до окна,
И муравью поднять так тяжко,
Что незначительно слону.

13 декабря 1922

124. НОЧЬ СЛЕЗОПРОЛИТИЙ

Нет! Этот вечер лишний, как другой!
Тоска, как нянька, спать меня уложит,
И взглядом распечатанный трамвай
Небрежный профиль твой не обнаружит.

Испытывай железом и огнем,
Но не пытай предсказанной разлукой.
Уже не долго мне таскать по дням
За пазухой согревшиеся строки.

Собаке можно подавиться костью,
Поэт ли давится ломтем любви,
Во имя слов: Восторг! — Любовь! и —
Счастье! —
Забыв иные худшие слова.

Да, ты вольна в июль велеть морозу,
А в декабре жасминами блеснуть!
Всё, что дала, вольна отнять ты сразу,
Но по частям не властна отнимать!

За вечер кашля, ночь слезопролитий,
За этот стыд еще не знанных мук
По мрачной территории проклятий
Скакал, как конь без седока, язык.

Впервые полюс человечьей скуки
Я — капитан страстей — открыл сквозь крик,
И пусть на нем колышат эти строки
В честь уходящей, как победный флаг!

1 января 1923

125. ПОД КИРПИЧОМ ГУБ

Усами ветра мне лицо щекочет,
А я это отдал ресницам твоим.
Если кто-то тоже плачет,
Неизвестный! — давай вдвоем.

Я лежу совсем оглушенный
Кирпичом твоих тяжелых губ.
Если б знать: под какою машиной? —
Я наверное бы погиб.

Мне игрушечны годы ада,
Может, даже привыкну к чертям;
Кто ожог твоих глаз изведал,
Что пылание сковород тем?!

И не страшно из преисподней
Тянуться до неба глазком!
Это может быть даже отрадней,
Чем видеть тебя с другим.

Глупый ветер, зачем ты щекочешь?!
Так труднее еще может быть!
Неизвестный! Напрасно ты плачешь!
Ты не смеешь, как я, страдать!

4 марта 1923

126. НА ЗАРЕ

О том, как я люблю, знают
Ящик, бумага, перо,
Каждый пёс, который жалеет,
Встретив меня у ворот на заре.

А о том, как ты мучишь, знают
Табуны гонялых слёз
И тот, что под утро краснеет, —
От плевков умывальный таз.

1923

127. ЖЕРНОВА ЛЮБВИ

Серые зерна молотим и бьем
Тяжелой и пыльной палкой,
В печке начищенной пламем томим,
Чтоб насытиться белою булкой.

Грязную тряпку на клочья и в чан
Рычагам на потеху, — и что же?
Выползает из брюха проворных машин
Белоснежной бумагой наружу.

Так мне нужно пройти через зубья судьбы
И в крапиве ожгучей разуться,
Чтобы вновь обелённым увидеть себя
И чтоб нежным тебе показаться.

1923

128. ВЫВОДОК ОБИД

Круги всё уже, всё короче
Вычерчивает в синеве
Твой ястреб страшных безразличий
Над кроткой горлицей любви.

Напрасно биться и бороться,
Себя любимым возомня,

И в чаще страсти не укрыться
От клюва равнодуший мне.

Вниз кинешься ты комом жутко
И комья к горлу подойдут.
Лишь память клохчет, как наседка,
Скликая выводок обид.

7 июня 23 г.

129. ОТЩЕПЕНЕЦ ГРЕХА

— Как поводырь еще иезрячих
— Дремать довольно наяву.
— Ты изодрал подошвы строчек
— О камни острые любви.

— Давил ты много виноградин
— К тебе протянутых грудей,
— Базар страстей тебе же вреден,
— Ленивец тщетно молодой.

— Ты ставший выкрестом пророка,
— Тряхнувший сердцем, как мошной,
— Иль ты не видишь дырья крика
— В подоле русской тишины.

И голос сходен был с ожогом,
И брел, отщепенец греха,
Я заикающимся шагом,
Чтоб с солнцем встретиться вверху.

Был песней каждый шаг отмечен,
Я солнцем был отмечен сам,
И было солнце схоже очень
С моей возлюбленной лицом.

Так в красном знамени, плывущем
Как парус, над волною рук,
Восторженно мы часто ищем
Целованный румянец щек.

Так часто видят капитаны,
Сквозь штормный вихрь, к рулю припав,
В бегущей за кормою пене
Улыбку милую зубов.

И, оступясь с уступа с всхлипом,
Как с уст срывается аминь,
С лучом скатился вместе трупом
В ладони нижних деревень.

На сотни вёсен эти песни
Торжественно ликуют пусть!
Слепцы, слепцы! Какое счастье,
Как на постель, в могилу пасть!

6 июля 1923

130. АРЕНДА У ЛЕГЕНД

Сдержавши приступ пушечного хрипа,
Мы ждем на разветвленьи двух веков,
Окно, пробитое Петром в Европу,
Кронштадской крепкой ставнею закрыв.

В повстанческих ухабах, слишком тряских,
Не мало месяцев сломали мы.
Вот клочьями разорванной записки
Окрест лежат побитые дома.

Как ребра недругу считают в драке,
Так годы мы считали, и не счесть.

Чтоб мы слюной не изошли во крике,
Заткнута тряпкой окрика нам пасть.

Нам до сих пор еще не дали воли,
Как пить коням вспотевшим не дают.
Но нет! — Мы у легенд арендовали
Не зря упорство, холод, недоед.

Истрачен и издерган герб наш ордий
На перья канцелярских хмурых душ.
Но мы бинтуем кровельною марлей
Разодраные раны дырких крыш.

Наш лозунг бумерангом в Запад брошен,
Свистит в три пальца он на целый свет.
Мы с черноземных скул небритых пашен
Стираем крупный урожай, как пот.

И мы вожжами телеграфа хлещем
Бока шоссе, бегущего в галоп,
Чтоб время обогнать по диким пущам,
Покрывшись пеною цветущих лип.

Мы чиним рельсов ржавые прорехи,
Спринцуем электричеством село, —
Так обмывают дочери старуху,
Чтоб чистою на страшный суд дошла.

12 июля 1923

131. СЛАВА ПОРАЖЕНЬЯ

Свободе мы несем дары и благовонья,
Победой кормим мы грядущую молву.
И мило нам валов огромных бушеванье

Победе песни, но для поражеиья
Презрительно мы скупы на слова.

Татарский хан
Русь некогда схватил в охапку,
Гарцуя гривою знамен, —
Но через век засосан был он топкой
Российскою покорностью долин.

А ставленник судьбы, Наполеон,
Сохою войн вспахавший время оно, —
Ведь заморозили посев кремлевские буруны,
Из всех посеянных семян
Одно взошло: гранит святой Елены.

Валам судьба рассыпаться в дрожаньи.
С одышкой добежать к пустынным берегам
И гибнуть с пеной слез дано другим.
Победы нет! И горечь пораженья
Победой лицемерно мы зовем.

15 июля 1923

132. КАЗНАЧЕЙ ПЛОТИ

Девственник, казначей плоти!
Тюремщик бесстыдных страстей!
Подумай о горькой расплате,
Такой бесцельно простой!

Ты старость накликал заране,
В юиость швырнувши прощай.
Но кровь протестует залпом мигрени,
Демонстрацией красных прыщей.

Как от обысков зарывали
Под половицей капитал,
Ты под полом каменной воли
Драгоценную похоть укрыл.

Но когда вновь отрыть старухе
Пук керенок взбрела блажь, —
Оказалось: в конверте прорехи
И бумажки изгрызла мышь!

Но когда, возмечтав о женах,
Соберешься в набег греха,
Узришь: зубы годов мышиных
Семена превратили в труху.

Чем больше сирень мы ломаем,
Тем гуще поход ветвей!
Одумайся, брякнись в ноги пред маем,

Юности рыцарь скупой,
И головокружительным поцелуем
Смиренно честь ей отдай!

17 июля 1923

133. ПРОЦЕНТ ЗА БОЛЬ

От русских песен унаследовавши грусть и
Печаль, которой родина больна,
Поэты звонкую монету страсти
Истратить в жизни не вольны.

И с богадельной скупостью старушек
Мы впроголодь содержим нашу жизнь,
Высчитывая, как последний грошик,
Потраченную радость иль болезнь.

Мы с завистью любуемся все мотом,
Дни проживающим спеша,
И стискиваем нищенским бюджетом
Мы трату ежедневную души.

И всё, от слез до букв любовных писем,
С приходом сверивши своим,
Всё остальное деловито вносим,
Мы на текущий счет поэм.

И так, от юности до смерти вплоть плешивой
На унции мы мерим нашу быль,
А нам стихи оплачивают славою грошовой,
Как банк, процент за вложенную боль.

Всё для того, чтобы наследник наш случайный,
Читатель, воскликнул, взявши в руки песнь:
—Каким богатством обладал покойный
И голодом каким свою замучил жизнь!

19 июля 1923

134. НА СОЛЕНОМ ЖАРГОНЕ

Эй, худые, иссохшие скалы,
И прибой, что упрям и жесток!
В ночь — в оврагах, как дети, шакалы!
Днем — медузы, из студня цветок!

Там в зените застывшая птица,
Выше воздуха, выше, чем взор!
О Сухум, о Кавказская Ницца,
Прямо в море скатившийся с гор.

Ослепленно белеет по склонам
Через зной снеговая ступень.
Море шепчет соленым жаргоном
Про прибрежную, южную лень.

Словно медленный буйвол по небу
Солнце едет, скрипя, на закат.
О, Абхазия горная, требуй
В свою честь у поэтов баллад.

Руки солнца ожогами снимут
По лохмотьям всю кожу с меня.
Опалительный, ласковый климат!
Долго будешь ты сниться, маня.

Возле пены лежать без раздумий,
Солнце прямо в охапку ловить...
Как прекрасно в палящем Сухуме,
Здоровея и крепня, любить!

15 октября 1925

135. БЕЛЫЙ ОТ ЛУНЫ, ВЕРОЯТНО

Жизнь мою я сживаю со света,
Чтоб, как пса, мою скуку прогнать.
Надоело быть только поэтом,
Я хочу и бездельником стать.

Видно, мало трепал по задворкам,
Как шарманку, стиховники мук.
Научился я слишком быть зорким,
А хочу, чтоб я был близорук.

Нынче стал я, как будто из гипса,
Так спокоен и так одинок.
Кто о счастье хоть раз да ушибся,
Не забудет тот кровоподтек.

Да, свинчу я железом суставы,
Стану крепок, отчаян, здоров,
Чтобы вырваться мог за заставу
Мной самим же построенных слов!

Пусть в ушах натирают мозоли
Песни звонких безвестных пичуг.
Если встречу проезжего в поле,
Пусть в глазах отразится испуг.

Буду сам петь про радостный жребий
В унисон с моим эхом от гор,
Пусть и солнце привстанет на небе,
Чтоб с восторгом послушать мой ор.

Набекрень с глупым сердцем, при этом
С револьвером, приросшим к руке,
Я мой перстень с твоим портретом
За бутылку продам в кабаке.

И, в стакан свой уткнувши морду,
— От луны, вероятно, бел!
Закричу оглушительно гордо,
Что любил я сильней, чем умел.

15 октября 1925

136. ЖИВУЩИХ БЕЗ ОГЛЯДКИ

Одни волнуются и празднуют победу
И совершают праздник дележа;

Другие, страхом оплативши беды,
Газеты скалят из-за рубежа.

Мне жаль и тех, кто после долгой жажды
Пьет залпом всё величие страны.
Настанет день, и победитель каждый
В стремнину рухнется со страшной крутизны.

Мне жаль и тех, кто в злобном отдаленье,
Пропитанные жёлчью долгих лет,
Мечтают жалкие отрепья пораженья
Сменить на ризы пышные побед.

Видали ль вы, как путник, пылью серый,
Бредя ущельем, узрит с двух сторон
Зрачок предчувствующей кровь пантеры
И мертвечиной пахнущий гиены стон.

Они рычат и прыгают по скалам,
Хотят друг друга от ущелья отогнать,
Чтоб в одиночестве белеющим оскалом
Свою добычу в клочья истерзать.

И путешественник, в спасение не веря,
Внимает с ужасом и жмется под гранит,
Он знает, для чего грызутся звери,
И всё равно ему, который победит.

Мне жальче путников, живущих без оглядки,
Не победителей, не изгнанных из стран:
Они не выпили и мед победы сладкий,
И горький уксус не целил им ран.

18 октября 1925

137. УКРАИНА

Ужс рубцуются обиды
Под торопливый лёт минут.
Былым боям лишь инвалиды
Честь небылицей воздают.

Уже не помнят иноземцы
Тсх дней, когда под залп и стон
Рубились за вагоны немцы
И офицеры за погон.

И белый ряд своих мазанок
Страна казала, как оскал,
И диким выкриком берданок
Махно законы диктовал.

Войны кровавая походка!
Твой след — могилы у реки!
Да лишь деникнискою плеткой
Скотину гонят мужикн.

Да, было время! Как в молитве,
В дыму чадил разбитый мир,
О, украинцы! Нс забыть вам
Эйгориовский короткий пир!

Когда порой в сслсньи целом
Избы без мертвых не сыскать,
Когда дсржали под прицелом
Уста, могущие сказать,

Когда под вопль в канаве дикой
Позор девичий не целел,
Когда петух рассветным криком
Встрсчал нс солнцс, а расстрел!

Тогда от северных селений
Весть шепотом передалась,
Как выступал бессонный Ленин
В кольце из заблестевших глаз.

А здесь опять ложились села
В огонь, в могилу и под плеть,
Чтоб мог поэт какой веселый
Их только песнями воспеть!

Ребята радостно свистели,
К окну прижавшись, как под гам
Поручик щупал на постели
Приятно взвизгивавших дам.

Уж не насупиться нескладно
Над баррикадой воле масс...
Уж выклеван вороной жадной
Висящего Донского глаз.

Как снег, от изморози талый,
Перинный пух летел и гнил.
О, дождь еврейского квартала
Под подвиг спившихся громил.

И воздух, от иконы пьяный,
Кровавой желчью моросил,
Уже немецкого улана
Сменяет польский кирасир.

Как ночь ни будет черноброва,
Но красным встать рассвет готов.
Как йод целительно багровый —
Шаг сухопутных моряков.

Кавалерийским красным дымом
Запахло с севера, и пусть!
Буденный было псевдонимом,
А имя подлинное Русь!

Быть может, до сих пор дрались бы
Две груди крепкие полков,
Когда б не выкинули избы
На помощь красных мужиков.

Был спор окончен слишком скоро!
Не успевал и телеграф
К нам доносить обрывки спора
И слишком разъяренный нрав.

Как тяжело душой упрямой
Нам вылечить и до конца
Утрату дочери и мамы
Иль смерть нежданную отца,

Как трудно пережить сомненья,
Как странно позабыть про сны! —
Но как легко восстановленье
Вконец замученной страны!

И ныне только инвалиды
В кругу скучающих ребят
О вытерпленных всех обидах,
Немного хвастаясь, скорбят!

5 декабря 1925

138. ПРИ КАЖДОЙ ОБИДЕ

Я не так уж молод, чтоб не видеть,
Как подглядывает смерть через плечо,
И при каждой новой я обиде
Думаю, что мало будет их еще!

Вытирает старость, как резинкой,
Волосы на всеползущем кверху лбе.
И теперь уж слушать не в новинку,
Как поет мне ветер ночной в трубе.

Жизнь, мой самый лучший друг, с тобою
Очень скучно коротали мы денек.
Может быть, я сам не много стоил,
А быть может, жизнь, ты — тоже пустячок.

Так! Но я печалиться не стану,
Жизнь проста, а смерть еще куда простей.
В сутки мир свою залечит рану,
Нанесенную кончиною моей.

Оттого живу не помышляя,
А жую и жаркий воздух и мороз,
Что была легка тропа земная
И тайком ничто из мира не унес.

Жил я просто; чем другие, проще,
Хоть была так черноземна голова.
Так я рос, как в каждой нашей роще
Схоже с другом вырастают дерева.

Лишь тянулся я до звезд хваленых,
Лишь глазам своим велел весной цвести
Да в ветвях моих стихов зеленых
Позволял пичугам малым дух перевести.

Оттого при каждой я обиде
Огорчаюсь вплоть до брани кабака,
Что не так уж молод, чтоб не видеть,
Как подходит смерть ко мне исподтишка.

1 января 1926

139. СЛОВА О ВЕРНОСТИ

Мне тридцать с лишком лет и дорог
Мне каждый сорванный привет.
Ведь всем смешно, когда под сорок
Идут встречать весной рассвет.

Или когда снимают шляпу,
Как пред иконой, пред цветком,
Иль кошке промывают лапу
С вдруг воспаленным коготком.

Чем ближе старость, тем сильнее
Мы копим в сердце мусор дней,
Тем легче мы кряхтя пьянеем
От одного глотка ночей.

И думы, как жулье, крадутся
По переулкам мозга в ночь.
Коль хочешь встать, так не проснуться,
А хочешь спать, заснуть невмочь.

Я вижу предзнаменованья,
Я понимаю пульса стук,
Бессонниц северных сиянье
И горьковатый вкус во рту.

Глазами стыну на портрете
Твоем всё чаще, чаще, мать,
Как бы боясь, что, в небе встретясь,
Смогу тебя я не узнать!

Мне трндцать с лишком лет. Так, значит,
Еще могу не много жить.
Пока жена меня оплачет
Пред тем, как навсегда забыть!

В сердцах у жен измеичив климат,
Цвести желает красота.
Еще слезою глаз их вымыт,
Уж ищут новых уст уста.

Я каждый раз легко, с улыбкой,
Твою любовь услышать рад,
Но непоправленной ошибкой
Слова о верности звучат.

Судьбе к чему противоречить?
Ведь оба мы должны узнать,
Что вечность — миг недолгой встречи,
Не возвращающейся вспять!

Так будем жить, пока спокойней,
Пока так беспокойна страсть!
Ведь не такой я вор-разбойник,
Чтоб смертью радость всю украсть.

Жена, внимай броженью музык
И визгу радостей земных.
Простор полей, о, как он узок
Перед простором глаз твоих!

Свои роняй, как зерна, взоры
И явью числи свежий бред!
Мне тридцать с лишком лет и дорог
Мне каждый сорванный привет.

3 января 1926

ОТ И ДО

Бури, как описанье битв у Гомера,
величественны, но однообразны.

В. Гюго

140. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ДУШ

Под серокудрую пудру сумерек — канавы дневных
морщин!
Месяц! Скачи по тучам проворнее конного горца!
Вечер прошлого октября, ты навсегда окрещен
В благодарной купели богадельного сердца.

Не истоптать надоедной прыти событий,
Не застрелить за дичью созвучий охотящемуся
перу,
Дни! — Никакой никогда резинкою не сотрете
Торжественной ошибки октября.

В тот вечер красная вожжа закатов
Заехала под хвост подмосковных сел.
В тот вечер я, Гулливер в стране лилипутов,
В первый раз в страну великанши попал.

Всё подернулось сном в невзрачном доме
И не знало, как был хорош
Неизречснный вечер во имя
Головокружения душ!

В этот вечер, как занавес, взвились ресницы,
Красной рампою губы зажглись.
Даже майской зелени невозможно сравняться
С этой зеленью свежих глаз.

Как гибли на арене христиане,
Хватаясь губами за тщетное имя христа, —
Так с вечера того и поныне
Я гибну об имени твоем в суете.

Мир стал как-то проще, но уже
Со страшной радостью моей.
Прости, что имя я твое тревожу
Моей нечестивой рукой.

Мое ремесло — святотатство пред любовью.
Рукой, грешившей в честь других немало строк,
Теперь твое выписываю имя королевье,
Не вымыв даже запыленных блудом рук.

Эх, руки новые, хотя бы властью дьявола
Себе приделаю легко.
И вот кладу на пламя сердца руку, словно Сцевола,
Чтоб стала сгорста рука.

Глаза, о беженцы из счастья,
Глаза, о склад нескладной кутерьмы,
Зажгу, как плошки я великопостья
И пред икону лица твоего подниму.

А губы, красные лохмотья,
Трубачи ночей и беды,
Я заменю тобой, подвенечное платье,
Схожее с саваном всегда.

Как папироской горящей, подушку лбом прожигая в ночи,
Сквозь зеленое днище похмелья,
Сумасбродно и часто навзрыд лепечу
Неистовое имя Юлии.

Сквозь тощую рощу дней,
Сквозь рассвет, покрывающий сумрак марлей,
К твоим глазам на водопой
Я кровь гоню тропинкой горла.

Ну что ж! Проклятая, домучь!
Любимая, кидай слова, как камни!
Я буду помнить некий вечер, эту ночь,
Пока день гибели не вспомню!

Пульс, тарахти в тревоге, и бегите, ноги!
Вам всё равно не обогнать последний год!
Я вами нагло лгал, мои былые книги,
Но даже надписи кладбищенские лгут.

Как к солнцу Икар, к твоему возношусь я имю;
Как от солнца Икар, оборвусь и скачусь!
В последний раз встряхну я буйными строками,
Как парень кудрями встряхнет наавось.

Что писал всем другим и Жанне я,
Только первый младенческий вздох.
Эти строки да будут моим пострижением
За ограду объятий твоих!

Не уйти мне из этих обступающих стен,
Головой не пробить их сразу.
Было сердце досель только звонкий бутон,
Нынче сердце, как спелая роза.

Ему тесно в теплице ребер уже,
Стекла глаз разбивают листья,
Сердце, в рост, и не трусь, и ползи, не дрожа,
Лепестками приветствуя счастье!

Буквы сейте проворней, усталые пальцы,
Чтобы пулею точку пистолет не прожег.
Ты ж прими меня, Юлия, как богомольца
Гостеприимный мужик.

Много их, задохнувшись от благородного мая,
Приползут к твоему пути.
Только знай, что с такою тоскою
Не посмеет любить никто.

Бухгалтер в небесах! Ты подведи цифирью
Итог последним глупостям моим!
Как оспою лицо, пророй терпимой дурью
Остаток дней и устие поэм!

Любимая! Коронуйся моим безрассудством,
Воспета подвигом моим,
С каким-то диким сумасбродством,
С почти высоким озорством.

Не надейся, что живешь в двадцатом веке
в Москве!
Я пророк бесшабашный, но строгий, —
И от этого потока моей любви
Ни в каком не спасешься ковчеге!

<1923>

141. ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ, КАК ОБЕЗЬЯНИЙ ЗАД

Кровью лучшей, горячей самой,
Такой багровой, как не видал никто,
Жизнь, кредитор неумолимый,
Я оплатил сполна твои счета.

Как пленный прочь перевязь над раной,
Чтоб кровавым Днепром истечь,
Так с губ рвет влюбленный обет старинный,
Чтоб стихам источиться помочь.

За спиною всё больше и гуще кладбище,
Панихидою пахнет мой шаг.
Рыщет дней бурелом и ломает всё пуще
Сучья кверху протянутых рук.

Жизнь пудами соль складет на ране,
Кровоподтеков склад во мне.
И, посвящен трагическому фарсу ныне,
Слезами строк молюсь на старину.

Ах, мама, мама! Как нырнет в Волге чайка,
Нырнула в тучи пухлая луна.
В каком теперь небесном переулке
И ты с луной скучаешь в тишине.

Ребенок прячется у матери под юбку, —
Ты бросила меня, и прятаться я стал,
Бесшумно робкий, очень зябкий,
Под небосвод — серeющий подол.

А помню: кудри прыгали ватагою бездельной
С макушки в хоровод, завившись в сноп внизу,
Звенели радостно, как перезвон пасхальный,
Чуть золотом обрезаны глаза.

Как смотрит мальчик, если задымится тело
Раздетой женщины, так я на мир глядел.
Не солнце золотом лучей меня будило,
Я солнце золотом улыбки пробуждал.

Я был пушистый, словно шерсть у кошки,
И с канарейками под ручку часто пел,
А в небе звезды, как свои игрушки,
Я детской кличкою крестил.

Я помню, мама, дачу под Казанкой,
Боялась, что за солнцем в воду я свалюсь.
И мягкими губами, как у жеребенка,
Я часто тыкался в ресниц твоих овес.

Серьга текла из уш твоих слезою
И Ниагарой кудри по плечам.
Пониже глаз какой-то демон — знаю —
Задел своим синеющим плащем.

Знаю: путь твой мною был труден,
Оттого я и стал такой.
Сколько раз я у смерти был тщетно украден,
Мама, заботой твоей.

В долгих муках тобою рожденный,
К дольшим мукам вперед присужден,
Верно, в мир я явился нежданный,
Как свидетель нежданных годин.

За полет всех моих безобразий,
Как перину, взбей, смерть моя, снег!
Под забором, в ночи, на морозе
Мне последний готовь пуховик!

Когда, на смерть взглянув, заикаю
Под забором, возьми и черкни

Ты похабную надпись какую
Моей кровью по заборной стене.

И покойника рожа станет тоже веселая,
Выразительная, как обезьяний зад.
Слышишь, мама, на радость немалую,
Был рожден тобой этот урод.

Раньше богу молился я каждую ночку,
Не обсохло молоко детишных молитв.
А теперь бросит бога вверху в раскорячку
От моих задушевных клятв.

Мама, мама! Верь в гробе: не в злобе
Ощетинился нынче я бранью сплошной!
Знаю: скучно должно быть на небе,
На земле во сто раз мне горшей.

Я утоплен теперь в половодие мук,
Как об рифме, тоскую об яде.
И трогаю часто рукою курок,
Как развратник упругие женские груди.

Проползают года нестерпимо угрюмо...
О, скорей б разразиться последней беде!
Подожди, не скучай, позови меня, мама,
Я очень скоро приду.

<1923>

142. БРОДЯГА СТРАСТЕЙ

Блаженное благоденствие детства из памяти
заимствуя,
Язык распояшу, чудной говорун.

Величественно исповедаю потомству я
Знаменитую летопись ран.

Захлебнулась в луже последняя весна,
И луна с соловьем уж разлучны.
Недаром, недаром смочены даже во сне
Ломти щек рассолом огуречным.

Много было, кто вспыхнул, как простой уголек,
В мерцавшей любовью теплыни постели.
Из раковин губ выползал, как улитка, язык,
Даже губы мозолисты стали.

На кресте женских тел бывый часто распят,
Ни с одного в небо я не вознесся.
Растреножен в лугах пролетевших лет,
Разбежался табун куролесий.

Только помню перешейки чуть дрогнувшей талии,
Только сумрак, как молнией, пронизав наготой,
В брызгах белья плыл, смеясь, как Офелия,
На волне живота и на гребне грудей.

Клумбы губ с лепестками слишком жалких улыбок,
Просеки стройно упавших подруг.
Как корабль в непогоду, кренились мы набок,
Подходили, как тигр, расходились, как рак.

Изгородь рук, рвущих тело ногтями,
В туннелях ушей тяжкий стон, зов и бред!
Ваше я позабыл безымянное имя,
К вам склонялся в постель я, как на эшафот.

Бился в бубен грудей кистью губ сгоряча.
Помяните же в грехах и меня, ротозея!

Я не в шутку скатился у мира в ночи
Со щеки полушария черной слезою.

Я, вдовец безутешный юности голубой,
Счастье с полу подберу ли крошками?!
Пальцы стаей летят на корм голубей,
Губы бредят и бродят насмешками.

Простыни обнаживши, как бельма,
Смотрит мир, невозможно лукав!
Жизнь мелькает и рвется, как фильма
Окровавленных женских языков.

Будет в страхе бежать даже самый ленивый,
И безногий и тот бы бежал да бежал!
Чтó кровавые мальчики в глазах Годунова
Рядом с этой вязанкой забываемых тел.

В этой дикой лавине белья и бесстыдства,
В этом оползне вымя переросших грудей,
Схоронил навсегда ли святое юродство,
Оборванец страстей, захмелевший звездой.

Скалы губ не омоет прибоем зубов
Даже страшная буря смеха.
Коронованный славой людских забав,
Прячусь солнцем за облако вздоха.

Мир, ты мной безнадежно прощен,
И, как ты, наизусть погибающий,
Я выигрываю ценою моих морщин,
Словно Пирр, строчек побоище.

Исступлен разгулом тяжелым моим,
Как Нерон, я по бархату ночи

В строках населенных страданьем поэм
Зажигаю пожары созвучий.

Растранжирил по мелочи буйную плоть
Я с еще неслыханным гиком.
Что же есть, что еще не успел промотать,
Пробежав по земле кое-как?!

Не хотел умереть я богатым, как Крез.
Нынче, кажется, всё раздарено!
Кчемно ль жить, если тело — всевидящий глаз,
От ушей и до пят растопыренный!

Скверный мир, в заунывной твоей простоте,
Исшагал я тебя, верно, трижды!
О, как скучно, как цену могу я найти
В прейскуранте ошибке каждой.

Ах, кому же, кому передать мои козыри?
Завещать их друзьям, но каким?
Я куда, во сто крат, несчастливее Цезаря,
Ибо Брут мой — мой собственный ум.

Я ль тебя не топил человечий,
С головой потерять я хотел.
В море пьянства на лодке выезжая полночью,
Сколько раз я за борт разум толкал.

Выплывает, проклятый, и по водке бредет,
Как за лодкой христос непрошеный,
Каждый день пухнет он ровно во сто крат
От истины каждой подслушанной.

Бреду в бреду; как за Фаустом встарь,
За мной черным пуделем гонится.

В какой ни удрать от него монастырь,
Он как нитка в иголку вденется.

Сколько раз я пытался мечтать головой,
Думать сердцем, и что же? — Немедля
Разум кваканьем глушит твой восторг, соловей,
И с издевкою треплется подле.

Как у каторжника на спине бубновый туз,
Как печаль луны на любовной дремоте,
Как в снежном рту января мороз, —
Так твое мне, разум, проклятье!

В правоту закованный книгами весь,
Это ты запрещаешь поверить иконам.
Я с отчаяньем вижу мир весь насквозь
Моим разумом, словно рентгеном.

Не ты ли сушишь каждый год,
Что можно молодостью вымыть?
Не ты ли полный шприц цитат
И чисел впрыскиваешь в память?

Не ты ли запрещаешь петь
На севере о пальме южной?
Не ты ли указуешь путь
Мне верный и всегда ненужный?

Твердишь, что Пасха раз в году,
Что к будущему нет возврата,
С тобою жизнь — задачник, где
Давно подобраны ответы!

Как гусенице лист глодать,
Ты объедаешь суеверья!

Ты запрещаешь заболеть
Мне, старику, детишной корью.

На черта влез в меня, мой ум?
Прогнать тебя ударом по лбу!
Я встречному тебя отдам,
Но встречный свой мне ум отдал бы!

Не могу, не могу! И кричу я от злости;
Как булыжником улица, я несчастьем мощен!
Я, должно быть, последний в человечьей династии,
Будет следующий из породы машин.

Сам себя бы унес, хохоча, на погост,
Закопал бы в могиле себя исполинской.
Знаю: пробкой из насыпи выскочит крест,
Жизнь польется рекою шампанской.

Разум, разум! Почто наказуешь меня?!
Агасфер, тот бродил века лишь!
Тетивой натянул ты крученые дни
И в тоску мной, о разум мой, целишь.

Теневой стороной пробираюсь, грустя, по годинам.
Задувает ветер тонкие свечи роз.
Русь! Повесь ты меня колдовским талисманом
На белой шее твоих берез.

<1923>

143. ТОРЖЕСТВЕННАЯ ОШИБКА

Вот так и думал, проживу
Проклятым трезвенником зрячим.

И вдруг произошло в Москве
Немыслимое чудо, впрочем.

И вот меж днями бьюсь, спеша,
Как пена между соостровья,
И вот уже в моей душе
Безумие Везувия.

Из всех канав, из всех клоак
Тащу свои остатки я.
Отсюда взор, оттуда клок,
Отсюда слово четкое.

Губами моими, покрытыми матерщиной сплошной,
Берегу твое благозвонное имя.
Так пленник под грязной рубахой своей
Сохраняет военное знамя.

Шалею от счастий, но чудесных каких!
Чтоб твои буквы легендой звенели и
Славься нетленный ландыш в веках
Гулкое имя Юлии.

Это было в тот вечер, да, я помню теперь,
До смешного стал благоговейным!
В этот вечер твой взор покатился в упор
Молчаливыми волнами Рейна.

Набедокурил я в мире вдосталь
И теперь, несуразно простой,
Собираю в отдельную кассу усталь,
Как налог с невозможных страстей.

Уж не знаю я, в чем святотатство подруга, —
Небеса ли бессильной ругнею проклясть,

Иль губами замусленными именем бога
Твое имя потом произнесть?!

Я, быть может, описка высокого мая
В манускрипте счастий и горь,
Но тобой и улыбкой твоею
До конца я оправдан теперь.

Пусть фитиль ресниц мигает всё пуще,
Близок, значит, посмертный вздох.
Даже лоб мой как-то слаще и чище,
По-небесному, что ли, запах.

Ты колдунья, быть может! Не знаю, не знаю!
И зачем обличительной кличкой казнить, —
Только знаю — от этого зноя
Я смогу наконец умереть.

Не хочу, чтобы звезды, если ясны, погасли!
Оголись, оголтелый мой нож!
Показал мне счастье, а после, а после,
Ты и смерть мне с улыбкой шальной разрешишь.

Кто причастен был счастью, тому путь очень ясен:
Возопить и качаться вместе с дрожью осин.
После лета придет омерзительно осень,
Между летом и осенью умирай, кто силен.

О любимая, быть ли тебе навек хворою
Этой новой любовью ко мне?
Ты смеясь подошла, подхождением даруя
Во успеньи предвечный и святой беспокой.

Отойдешь изумленная и не тяжко измучишь,
Как котенка бумажкой на хвост.

И быть может, лишь хохотом звонким оплачешь
Того, кто тобою был бережно чист.

Не задернуть окна вам от жизни стоокой
И снежками ль, бутонами ль роз, много раз
Разбивать будет юноша некий
Эти стекла за ставнями грез.

Мне грядущие дни досчитать невозможно
Числом твоих побед и наверных измен.
Ты не бойся! Легко отступлюсь, если нужно,
Как от солнца туман отцветает с полян.

С тобой, швыряясь днями, мы проедем
По рытвинам быстрых ночей
И лишь стихи я брошу людям,
Как рубль бросают лакею на чай.

Мне не верить народным восстаниям,
Омывающим воплями и пулями трон.
Революции — лишь кровохарканье
Туберкулезных от голода стран.

Что молитва? Икота пьяниц,
Не нашедших христов в кабаках,
Рукоделье бессвязных бессонниц,
Мыший писк стариков и старух!

Что искусство? Лишь пар над кофейником,
Где прегорькая гуща на дне,
Или вызов стать буйным разбойником
Тем, кто крестится даже со сна.

Только верить в тебя и воочью, и ночью
И казниться твоею любовью ко мне.

За улыбку твою легкомысленно трачу
Драгоценные строки и ненужные дни.

Расписанье очей изучаю прилежно,
Опозданье бровей за заносами дум,
И, волнуясь насквозь, и тревожный и важный,
Когда входишь надменно в мой дом.

Знаю: тоже измучил. Прости до конца
Приставанье к тебе забулдыги.
Так разбойник мольбами докучает творцу
Перед тем, как с ножом встать в кустах у дороги.

Только знаю одно: я тобой виноват,
Пред тобой я сполна невиновен!
За тебя перед всеми готов дать ответ,
И ответ этот мой будет славен.

Я тобой замечтался (так солдаты ждут вести
о мире!),
Притулиться к плечу твоему был горазд
Так птица с крылом переломленным в бурю
Поспешает укрыться в спасительный куст.

Я доселе не смел признаваться бы в злости
И вопить, как я был несчастлив,
Потому что бумага разрывалась на части
От моих тосковательных слов.

Белсною опился, охмелев впопыхах,
Может, смерть призываю я сдуру.
Пусть мне огненной надписью будет твой смех.
Но смелей я царя Балтасара.

Час настанет, скачусь я подобно звезде,
Схож с кометой отчаянно-буйной!

Видишь слезы из глаз? И ничем никогда
Не заделать мне эти пробоины!

Сам молился неистово наяву и во сне,
Я воззвал, ты предстала из чар мне!
Ну, так вырви у жизни меня из десны,
Словно зуб, перегнивший до корня.

Помогла ли широкая глотка моя,
Иль заклятье сумел извопить я какое, —
Я молил: — Да приидет лукавство твое! —
И оно наступило ликуя.

Мы идем, и наш шаг, как стопа командора,
Мы молчим, ведь у статуи каменеют слова.
Мы шатаясь от счастья бредем — два гренадера —
Во Францию нашей любви.

Как же это случилось, что к солнцу влекомый
Как Икар, я метнулся и не рухнулся в грусть?
Сколько раз приближаюсь я к сердцу любимой
И не смею с душой опаленной упасть?!

Всё случилось так просто, нежданно, небренно:
Клич христа, и мертвец покидает свой гроб.
И теперь я верчусь, как волчок опьяненный,
Этим розовым вальсом закружительных губ.

Первозванный, веснея, и навзрыд почти раденький,
Будто манну глотая нетающий чад,
Я считаю на теле любимой родинки,
Точно звезды считает в ночи звездочет.

И всю усталь и пусть с головой погружаю
В это озеро глаз столь стеклянных без дна,

Где зрачки, как русалки ночною порою,
Мне поют о весне и о сне.

Ты вскричала — люблю — тотчас по небосводу
Солнце бросилось в путь со всех ног,
Петухи обалдели от нестерпимой обиды,
Что стал солнцу не нужен их крик.

Шелестнула — люблю — и в тетради проталины,
Как фиалкой, синеют сонетом моим.
Ты идешь, и взглянуть на пройдущую филины
Из дупла вылетают и днем.

Ты идешь, и на цыпочки, там, за заборами,
Привстают небоскребы подряд,
Чтобы окнами желтыми, стенами серыми
Поглядеть романтически вслед.

Ты идешь, и шалеют кондукторы, воя,
И не знают, как им поступить,
Потому что меняют маршруты трамваи,
Уступая почтительно путь.

Ты пройдешь, и померкнут смущенные люстры
Перед рыжим востоком волос.
Ты пройдешь, и ты кинешь: — Мои младшие
сестры! —
Соснам стройным до самых небес.

Ты идешь, и в ковер погружаешь ты ногу,
И, как пульс мой, стучит твой каблук.
Где ковер оборвется, сам под ноги лягу,
Чтобы пыль не коснулася ног.

Я от разума ныне и присно свободен,
Заблуждаюсь я весело каждую ночь.

Да, на серый конверт незатейлнвых буден
Моих ты, как красный сургуч.

Орлеанская дева! Покорительница страстей!
Облеченная в плащ моего заката!
Душу сплющь мнс спокойно и стройно пропой
Отходящему — немногая лета!
<1923>

144. ВРАЗУМИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Ещс гнусят поля и земля скрипом оси тянет:
— Со святыми упокой душу раба Вадима! —
Близ меня так приветливо солнышко стынет.
Горсти звсзд. Корка неба. Я дома.

В облаковых проселках, среди молнийной ржи,
Колесницей ветров непрнмятой,
Я, чуть-чуть пошатавшись, мамин дом нахожу,
Мама радугу шьет в своем белом капоте.

Я целу́ю костяшку, изгибаясь в поклон,
Губою застылою, как поросеиок под хреном,
Объясияю: вернулся к тебе блудиый сын,
Посвященный мученьям и ранам.

Улыбнулась в ответ: — Лоскутки твоих мяс
Вмиг сползут, как румяна!
Так болтая, сидим. Входит к нам иисус,
Весь скелет изумительно юный.

Часто в кости играем (кости вечно с собой;
Бросишь руку; коль пальцы нс свалятся,
Значит: пять на руках!). Нам луна — соловей!
А земля гулом улицы молится.

Без страстей и грустей по утрам я молюсь,
Чтобы был словно я к тебе мир еще нежен!
Иногда посмотрю через высь к тебе вниз:
Вон идешь Маросейкой ты с мужем.

Так бледна, что под стать ты сама мертвецу,
Как дверей из тюрьмы, не отверзнешь ты веки.
За спокойной облаткой воскового лица
Горькой хиной насыпаны муки.

Ах, я знаю: от боли мы хотели потом
Растрепать кудри жизни юдольной,
Свое имя, что предано с головою стихам,
Вы пытались вкрапить в чью-то спальню.

Подошел кавалер и отпрянул назад,
Обжигается тело до днесь моей песней;
Там, где губы касались мои, — там синит
До сих пор даже неба прекрасней.

И когда б ни смотрели на морщины мужчин,
На слюною истекшего в похоти старца,
Но в зрачке осияином навсегда отражен
Профиль мой с револьвером у сердца.

Захотелося имя другое порой начертать
Вам строкою губ упрямой,
Но с помоста губы должен просто слететь
Воскрик имени мертвого Димы.

Мылом диких разгулов и скребницей вина,
Чехардой неудачливых маев
И чечоткой ночей, дожигающей дни,
Вам не смыть бред моих поцелуев.

Не со злобы, о нет! Я и сам бы был рад
Себя отпустить вам, как все прегрешенья.

Всё звончей и ярчей ослепительный бред,
Мною брошенный в память прощанья.

Ты хотела б на небо, в чистилище, в ад!
Лишь расстаться бы с жизнью необычайной.
Ты взмолилась, но громом отгудел небосвод:
— Ад и небо тебя недостойны!

Ты ложишься в постель, посвечу я луной,
Утром перышком солнца щекочу твои пальцы.
На глаза твои часто грустней и нежней
Синяки надеваю, как кольца.

Я, как встарь, там, в Москве, вас люблю, мне поверь,
С той же нежностью вкрадчиво польской!
Если холодно вам, иногда и в январь
Вас обвею теплынью июльской.

Крылоглазая! Над оркестром годин,
Над прибоем цветов весны женственной
Возглашает вам басом моим небосклон,
Как вас любит ваш прежний единственный!

Молния — спичка в руках моих!
Папиросой комету роняю по небесному полю я.
Славься, славься отныне во веки в веках,
Чистым ландышем, гулкая Юлия!

Так мы любим друг друга с тобой вдалеке.
В нелепьи великолепном!
Ты наследница страшной моей тоски,
Не смываемой даже потопом.

Славься ты, подчиненная моему восторгу!
Твоим ночам свои я бросил дни!
Никакому не вырезать, никакому хирургу
Из твоей души меня.

Апрель 1923
Москва

Из книги
КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ
Поэмы

---

145. ПЕСНЯ-ПЕСНЕЙ

Борису Эрдману

Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней-Песней пестро,
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.

От горба Воздвиженки до ладони Пресни
Над костром всебегущих годов
Орать на новую Песню-Песней
В ухо Москвы, поросшее волосами садов.

Фабричные, упаковщицы, из Киноарса!
Девчонки столиц! Сколько раз вам на спины лечь
— Где любовник твой? — Он Венеры и Марсы
В пространство, как мировую картечь!

Мир беременен твоей красотою,
В ельнике ресниц зрачок — чиж.
На губах помада краснеть зарею,
Китай волос твоих рыж.

Пальцам мелькать — автомобилям на гонке,
Коромыслу плеч петь хруст.
Губами твоими, как гребенкой,
Мне расчесать мою грусть.

Груди твои — купол над цирком
С синих жилок ободком.
В полночи мотоциклетные дырки
И трещины фабричных гудков.

Живота площадь с водостоком пупка посредине.
Сырые туннели подмышек. Глубоко
В твоем имени Демон Бензина
И Тамара Трамвайных Звонков.

Полночь стирать полумрака резиной
На страницах бульваров прохожих.
От желаний губ пишущая машинка
Чистую рукопись дрожи.

Что трансатлантик речными между,
Ты женщин остальных меж.
Мной и полночью славлена дважды
Шуршащего шепота мышь.

Ты умыть зрачки мои кровью,
Верблюду губ тонуть в Сахаре твоих плечей.
— Я прозрачен атласной любовью
С широкой каймою ночей.

Каждым словом моим унавожены
Поля моих ржаных стихов.
От слов горячих таять мороженому
Отсюда через 10 домов.

Небу глаз в облаках истомы проясниться.
По жизни любовь, как на 5-ый этаж дрова.
Ты прекрасна, моя соучастница,
Прогибавшая вместе кровать.

В сером глаз твоих выжженном пригороде
Электрической лампы зрачок.

Твои губы зарею выгореть
И радугой укуса в мое плечо.

Твои губы берез аллея,
Два сосца догоретый конец папирос.
Ты прекрасен, мол твердый шеи,
Под неразберихой волос.

Лица мостовая в веснушках булыжника.
Слава Кузнецкому лица.
Под конвоем любви мне, шерамыжнику,
Кандалами сердца бряцать.

В небе молний ярче и тверже
Разрезательные ножи.
Пульс — колотушка сторожа
По переулку жил.

Пулемет кнопок. Это лиф — ты
От плеч до самых ног.
Словно пение кверху лифта,
За решеткой ресниц зрачок.

Магазинов меньше в пассаже,
Чем ласк в тебе.
Ты дремать в фонарном адажио.
Ты в каждой заснуть трубе.

Как жир с ухи уполовником,
Я платье с тебя на пол.
— Где сегодня твой любовник?
— Он трамваи мыслей в депо.

Сердцу знать свою частушку
Всё одну и ту ж.
Плешь луны к нам на пирушку,
Как нежданный муж.

Твои губы краснее двунадесятника
На моих календаре.
Страсть в ноздрях — ветерок в палисаднике.
В передлетнем сентябре.

Весна сугробы ртом солнца лопать,
Чтоб каждый ручей в Дамаск.
Из-за пазухи города полночи копоть
На Брюссели наших ласк.

На улице рта белый ряд домов
Зубов
И в каждом жильцами нервы.
В твой зрачок — спокойное трюмо —
Я во весь рост первый.

Под коленками кожа нежнее боли,
Как под хвостом поросенка.
На пальцах асфальт мозолей
И звонка
Луж перепонка.

С ленты розовых поцелуев от счастья ключ,
1-2-3 и открыто.
Мои созвучья —
Для стирки любви корыто.

Фабричные, из терпимости, из конторы!
Где любовник твой?
— Он одетый в куртку шофера,
Как плевок, шар земной.

В портсигаре губ языка сигара... Или,
Где машинист твоих снов?
— Он пастух автомобилий,
Плотник крепких слов.

Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямой любовью сердит.

Его мускулы — толпы улиц;
Стопудовой походкой гвоздь шагов в тротуар.
В небе пожарной каланчою палец
И в кончиках пальцев угар.

В лба ухабах мыслей пролетки,
Две зажженных цистерны — глаза.
Как медведь в канареечной клетке,
Его голос в Политехнический зал.

Его рта самовар, где уголья
Золотые пломбы зубов.
На ладони кольца мозолей
От сбиванья для мира гробов.

И румянец икрою кета,
И ресницы коричневых штор.
Его волосы глаже паркета
И Невским проспектом пробор.

Эй, московские женщины! Кто он,
Мой любовник, теперь вам знать!
Без него я, как в обруче клоун,
До утра извертеться в кровать.

Каменное влагалище улиц утром сочиться.
Веснушки солнца мелкий шаг.
— Где любовник? Считать до 1000000 ресницы,
Губы поднимать, как над толпами флаг.

Глаза твои — первопрестольники,
Клещами рук охватить шейный гвоздь.
Руки раскинуть, как просек Сокольников,
Как через реку мост.

Твои волосы, как фейерверк в саду «Гай»,
Груди, как из волн простыней медузы.
Как кием, я небесной радугой
Солнце в глаз твоих лузы.

Прибой улыбок пеной хохота,
О мол рассвета брызгом смех,
И солнце над московским грохотом
Лучей чуть рыжих лисий мех.

Я картоном самым твердым
До неба домики мои.
Как запах бензина за Фордом,
За нашей любовью стихи.

Твоих пальцев взлетевшая стая,
Где кольцо — золотой кушак.
В моей жизни, где каждая ночь — запятая,
Ты — восклицательный знак!

Соломону — имажинисту первому,
Обмотавшему образами простое люблю,
Этих строк измочаленных нервы
На шею, как петлю.

Слониха 2 года в утробе слоненка.
После в мир на 200 лет.
В животе мозгов 1/4 века с пеленок
Я вынашивать этот бред.
И у потомства в барабанной перепонке
Выжечь слишком воскресный след

«Со святыми упокой» не страшно этим строчкам:
Им в новой библии первый лист.
Всем песням-песней на виске револьверной точкой
Я — последний имажинист.

16 мая 1920

146. СЛЕЗЫ КУЛАК ЗАЖАТЬ

Отчаянье проехало под глаза синяком,
В этой синьке белье щек не вымою.
Даже не знаю, на свете каком
Шарить тебя, любимая!

Как тюрьму, череп судьбы раскрою ли?
Времени крикну: Свое предсказанье осклабь!
Неужели страшные пули
В июле
В отданную мне грудь, как рябь?!

Где ты?
Жива ли еще, губокрылая?
В разлуке кольцом горизонта с поэтом
Обручена?
Иль в могилу тело еще неостылое,
Как розовая в черный хлеб ветчина?

Гигантскими качелями строк в синеву
Молитвы наугад возношу...
О тебе какой?
О живой
Иль твоей приснопамятной гибелью,
Бесшабашный шут?!
Иль твоей приснопамятной гибелью,
Ненужной и жуткой такой,

Ты внесешься в новую библию
Великомученицей и святой;
А мне?.. Ужасом стены щек моих выбелю.

Лохмотья призраков становятся явью.
Стены до крови пробиваю башкой,
Рубанком языка молитвы выстругав.
Сотни строк написал я за здравье,
Сотни лучших за упокой.
Любимая! Как же? Где сил, чтобы вынести
Этих дней полосатый кнут.
Наконец, и мой череп не дом же терпимости,
Куда всякие мысли прут.

Вечер верстами меряет згу.
Не могу.
От скрипа ломаются зубы.
Не могу.
От истерик шатается грудь.
Неужели по улицам выпрашивать губы,
Как мальчишка окурок просит курнуть.

Солнце рыжее, пегое
По комнате бегает
Босиком.
Пустотою заскорузлое сердце вымою.
Люди! Не знаю: на свете каком
Неводом веры поймаю любимую.

О нас: о любимой плюс поэте
Даже воробьи свистят.
Обокрали лишь двух мы на свете,
Но эти
Покражу простят.

На одну
Чашку все революции мира,
На другую мою любовь и к ней
Луну,
Как медную гирю,
И другая тяжелей!
Рвота пушек. По щекам равнин веснушками
конница.
Шар земной у новых ключей.
А я прогрызаю зубами бессонницы
Густое тесто ночей.

Кошки восстаний рыжим брюхом в воздухе
И ловко на лапы четырех сёл.
Но, как я, мечтал лишь об отдыхе
В Иерусалим Христа ввозивший осёл.

Любимая!
Слышу: далеко винтовка —
Выключатель счастья — икнет...
Это, быть может, кто-то неловко
Лицо твое — блюдо весны —
Разобьет.

Что же дальше? Любимая!
Для полной весны
Нужно солнце, нагнущее вью,
Канитель воробьев и смола из сосны,
Да, глаза твои сплошь голубые.
Значит: больше не будет весны?

Мир присел от натуги на корточки
И тянет луну на луче, как
Бурлак.

Раскрываю я глаз моих форточки,
Чтобы в черепе бегал сквозняк.

Счастья в мире настанет так много!..
Я ж лишен
И стихов и любви.
Судьба, словно слон,
Подняла свою ногу
Надо мною. Ну, что же? Дави!

Что сулят?
— В обетованную землю выезд?
Говорят:
— Сегодняшний день вокзал.
Слон, дави! Может, кровь моя выест,
Словно серная капля, у мира глаза.

В простоквашу сгущая туманы,
На оселке
Моих строк точу топор.
Сколько раз в уголке
Я зализывал раны!
Люди! Не жаловался до сих пор.

А теперь города повзъерошу я,
Не отличишь проселка от Невского!
Каждый день превращу я в хорошую
Страницу из Достоевского!

Череп шара земного вымою,
И по кегельбану мира его легко
Моя рука.
А пока
Даже не знаю: на свете каком
Шарить тебя, любимая?!

Судьба огрызнулась. Подол ее выпачкан
Твоим криком предсмертным... О ком?
А душа не умеет на цыпочках,
Так и топает сапогом.

Небо трауром туч я закрою.
Как кукушка, гром закудахчет в простор.
На меня свой мутный зрачок с ханжою
Графин, как циклоп, упер.

Умереть?
Не умею. Ведь
Остановка сердца отменяется...
Одиночество, как лапу медведь,
Сосет меня ночью и не наедается.

Любимая! Умерла. Глаза, как конвой,
Озираются: Куда? Направо? Прямо?
Любимая!
Как же? А стихам каково
Без мамы?
С 1917-го года
В обмен на золото кудрей твоих
Все стихи тебе я отдал.
Ты смертью возвращаешь их.

Не надо! Не надо! Куда мне?!
Не смею
Твоим именем окропить тишину.
Со стихами, как с камнем
На шее,
Я в мире иду ко дну.

С душою растерзанней рытвин Галии
Остывшую миску сердца голодным несу я.

Не смею за тебя даже молиться,
Помню: Имени моего всуе...
Помню: сколько раз с усопшей моею
Выступал на крестовый поход любви.
Ах, знаю, что кровь из груди была не краснее,
Не краснее,
Чем губы твои.

Знаю: пули,
Что пели от боли
В июле:
Фюит... фюит...
Вы не знали: в ее ли,
В мою ли
Вжалились грудь.

Мир! Бреди наугад и пой.
Шагай, пока не устанут ноги!
Нам сегодня, кровавый, с тобой,
Не по дороге!!!

Из Евангелья вырвал я начисто
О милосердьи страницы и в згу —
На черта ли эти чудачества,
Если выполнить их не могу.

Какие-то глотки святых возвещали:
— В начале
Было слово... Ненужная весть!
Я не знаю, что было в начале,
Но в конце — только месть!

Душа обнищала... Душа босиком.
Мимо рыб молчаливых
И болтливых

Людей мимо я...
Знаю теперь: на свете каком
Неводом нежности поймаю любимую!

Эти строки с одышкой допишет рука,
Отдохнут занывшие плечи. —
И да будет обоим земля нам легка,
Как легка была первая встреча.

25 августа 1919

147. ПЕРЕМИРЬЕ С МАШИНАМИ

Александру Кусикову

В небе птицы стаей к югу вытекли,
Треугольник фиговый на голи синевы.
Осень скрюченной рукою паралитика
Удержать не может золота листвы.
В верстах неба запыхались кони бы,
Сколько их кнутами молний не зови.
Гонит кучер на запад по небу
Солнечный гудящий грузовик.

Город машет платком дымка приветы
И румянцем труб фабричных поет.
А с грудей котлов в кружева огня одеты
Нефтяной и жирный пот.
Сноп огня пред мордою автомобилью
Нюхает навстречный тротуар и дом.
Ветер, взяв за талью с тонкой пылью,
Мчит в присядку напролом.

Вижу: женщина над тротуаром юбками прыснула,
Калитка искачалась в матчише.

В черные уши муфты руки женщина втиснула,
И муфта ничего не слышит.
Слушай, муфта! Переполнилось блюдо
Запыхавшихся в ужасе крыш,
Молитву больного верблюда
Гудком провывшего услышь.
Люди! Руки я свои порочные
В пропасть неба на молитву вознесу...
Не позволю трубы водосточные
Резать на колбасу.
Слушайте, кутилы, франты, лодыри!
Слушай, шар наш пожилой!
Не позволю мотоцикл до одури
Гонять по мостовой.

Слышу сквозь заплату окон — форточку,
Дымный хвост наверх воздев,
У забора, севшего на корточки,
Лает обезумевший тефтеф.
Лает он, железный брат мой у забора,
Как слюну, текя карбидовую муть,
Что радуга железным пальцем семафора
Разрешает мне на небо путь.

Друзья, ремингтоны, поршни и шины,
Прыщи велосипедов на оспе мостовой,
Никуда я от вас, машины,
Не уйду с натощак головой.
О небесные камни ступни мои
В кровь не издеру.
Заладоньте, машины любимые,
Меня в городскую дыру.

Заладоньте меня, машины!
Смотрите, смотрите, авто!
У бегущего через площадь мужчины
За плечом не поспевает пальто.
Уничтожьте же муку великую,
Чтоб из пальцев сочился привет.
Я новое тело выкую
Себе, беспощадный поэт.

Оторву свою голову пьяную
И, чтоб мыслям просторней кувырк,
Вместо нее я приделаю наново
Твой купол, Государственный Цирк.
И на нем прической выращу
Ботанический сад и лысину прудком,
А вместо мочевого пузырища
Мытищинский водоем.
Давно вместо сердца — кляксы пылкой —
Просился мотор аэро.
Мне руки заменят сенокосилки,
Канализационные трубы кишками гаера.

Зданья застынут балконными ляжками,
Закат разольет свой йод.
Мосты перекину подтяжками,
Будет капать ассенизационный обоз, как пот.
Рот заменю маслобойней,
Ноги ходулями стоэтажных домов,
Крышу надвину набекрень спокойней,
И новый царь Давид готов.

Я дохнул, и колоколом фыркнула
Церковь под напором новых месс.

И кто-то огромной спичкой молнии чиркнул
По ободранной сере небес.
Слушайте, люди: раковины ушей упруго
Растяните в зевоте сплошной:
Я пришел совершить свои ласки супруга
С заводской машииой стальиой!

16 мая 1920

148. Я МИНУС ВСЕ

От окна убежала пихта,
Чтоб молчать, чтоб молчать и молчать!
Я шепчу о постройках каких-то
Губами красней кирпича.

Из осоки ресниц добровольцы,
Две слезы ползли и ползли.
Ах, оправьте их, девушки, в кольца,
Как последний подарок земли.

Сколько жить? 28 иль 100?
Все нашел, сколько было ошибок?
Опадает листок за листом
Календарь отрывных улыбок.

От папирос в мундштуке никотин,
От любви только слезы длинные.
Может, в мире я очень один,
Может, лучше, коль был бы один я!

Чаще мажу я йодом зари
Воспаленных глаз моих жерла.
В пересохшей чернильнице горла
Вялой мухой слозится крик.

Я кладу в гильотину окна
Никудышную, буйную голову.
Резаком упади, луна,
Сотни лет безнадежно тяжелая!

Обо мне не будут трауры крепово виться;
Слезами жирных щек не намаслишь,
Среди мусора хроник и передовиц
Спотыкнешься глазами раз лишь.

Втиснет когти в бумагу газетный станок,
Из-под когтей брызнет кровью юмор,
И цыплята петита в курятнике гранок:
— Вадим Шершеневич умер!

И вот уж нет меры, чтоб вымерить радиус
Твоих изумленных зрачков.
Только помнишь, как шел я, радуясь,
За табором ненужных годов.

Только страшно становится вчуже,
Вот уж видишь сквозь дрогнувший молью туман
Закачался оскаленный ужас,
И высунут язык, как подкладкой карман.

Сотни их, кто теперь в тишине польют
За катафалком слезинками пыль.
Над моею житейскою небылью,
Воскреси еще страшную быль!

Диоген с фонарем человеке стонет, —
Сотни люстр зажег я и сжег их.
Все подделал ключи. Никого нет,
Кому было б со мной по дороге.

Люди, люди! Распять кто хотел,
Кто пощады безудержно требовал.
Но никто не сумел повисеть на кресте
Со мной рядом, чтобы скучно мне не было.

Женщины, помните, как в бандероль,
Вас завертывал в ласки я, широкоокий,
И крови красный алкоголь
Из жил выбрызгивался в строки, —

И плыли женщины по руслам строк
Баржами, груженными доверху,
А они вымеряли раскрытым циркулем ног:
— Сколько страсти в душе у любовника?

Выбрел в поле я, выбрел в поле,
С профилем точного карандаша!
Гладил ветер, лаская и холя
У затона усы камыша.

Лег и плачу. И стружками стон,
Отчего не умею попроще?!
Липли мокрые лохмотья ворон
К ельным ребрам худевшей рощи.

На заводы! В стальной монастырь!
В разъяренные бельма печьи!
Но спокойно лопочут поршней глисты
На своем непонятном наречьи.

Над фабричной трубою пушок,
Льется нефть золотыми помоями.
Ах, по-своему им хорошо.
Ах, когда бы им всем да по-моему!

О, Господь! пред тобой бы я стих,
Ты такой же усталый и скверный!
Коль себя не сумел ты спасти,
Так меня-то спасешь ты наверно!

Всё, что мог, рассказал я начерно,
Набело другим ты позволь,
Не смотри, что ругаюсь я матерно.
Может, в этом — сладчайшая боль.

Пусть другие молились спокойненько,
Но их вопль был камень и стынь.
А ругань моя — разбойника
Последний предсмертный аминь.

Но старик посмотрел безраздумней
И, как милостынь, вынес ответ:
— Не нужны, не нужны в раю мне
Праведники из оперетт.

Так куда же, куда же еще мне бежать?
Об кого ж я еще не ушибся?
Только небо громами не устанет ли ржать
Надо мной из разбитого гипса?!

Вижу, вижу: в простых и ржаных облаках
Васильки тонких молний синеют.
Кто-то череп несет мой в ветровых руках
Привязать его миру на шею.

Кто стреножит мне сердце в груди?
Створки губ кто свинтит навечно?
Сам себя я в издевку родил,
Сам себя и убью я, конечно!

Сердце скачет в последний по мерзлой душе,
Горизонт мыльной петли всё у́же,
С обручальным кольцом веревки вкруг шеи
Закачайся, оскаленный ужас!

21 августа 1920

149. ЗАВЕЩАНИЕ

Сергею Есенину

Города смиренный сын, у каменной постели
умирающего отца,
Преклоняю колени строф, сиротеющий малый;
И Волга глубокая слез по лицу
Катится: «Господи! Железобетонную душу
помилуй!»

Все, кто не пьян маслянистою лестью,
Посмотрите: уже за углом
Опадают вывесок листья,
Не мелькнут светляками реклам.

Электрической кровью не тужатся
Вены проволок в январе,
И мигают, хромают и ежатся
Под кнутами дождя фонари.

Сам видал я вчера за Таганкою,
Как под уличный выбред и вой,
Мне проржав перегудкою звонкою,
С голодухи свалился трамвай.

На бок пал и брыкался колесами,
Грыз беззубою мордой гранит;
Над дрожащими стеклами мясами
Зачинали свой пир сто щенят.

Даже щеки прекраснейшей улицы
Покрываются плесенью трав...
Эй, поэты! Кто нынче помолится
У одра городов?..
Эй, поэты! Из мощных мостовых ладоней
Всесильно выпадает крупа булыжника и не слышен
стук
Молотков у ползущих на небо зданий, —
Города в будущее шаг!

Эй, поэты! Нынче поздно нам быть беспокойным!
Разве может трубою завыть воробей?!
К городам подползает деревня с окраин,
Подбоченясь трухлявой избой.

Как медведь, вся обросшая космами рощи,
Приползла из берлоги последних годин.
Что же, город, не дымишься похабщиной резче,
Вытекая зрачками разбитых окон?!

Что ж не вьешься, как прежде, в веселом кеквоке?
Люди мрут — это падают зубы из рта.
Полукругом по площади встали и воют зеваки,
Не корона ли ужаса то?

Подошла и в косынке цветущих раздолий
Обтирает с проспектов машинную вонь.
И спадает к ногам небоскреба в печали
Крыша, надетая встарь набекрень.

О проклятая! С цветами, с лучиной, с корою
И с котомкой мужицких дум!
Лучше с городом вместе умру я,
Чем деревне ключи от поэм передам.

Чтоб повеситься, рельсы петлею скручу я,
В кузов дохлых авто я залезу, как в гроб
Что же, город, вздымаешь горчей и горчее
К небесам пятерню ослабевшую труб?!

Инженеры, вы строили камни по планам!
Мы, поэты, построили душу столиц!
Так не вместе ль свалиться с безудержным стоном
У одра, где чудесный мертвец?!

Не слыхали мы с вами мужицких восстаний,
Это сбор был деревням в поход.
Вот ползут к нам в сельском звоне,
Словно псы, оголтелые полчища хат.

«Не уйти, не уйти нам от гибели!»
Подогнулись коленки Кремля!
Скоро станем безумною небылью
И прекрасным виденьем земли.

Поклянитесь же те, кто останется
И кого не сожрут натощак, —
Что навеки соленою конницей
Будут слезы стекать с ваших щек.

Два румянца я вижу на щеках бессонниц —
Умирающий город! Отец мой! Прими же мой стон!
На виске моем кровь — это первый румянец,
А второй — кирпичи упадающих стен.

12 марта 1921

150. БЫСТРЬ

Монологическая драма

Жанне Евгеньевне
Кожебаткиной —
в знак уважения и преданности.

ГОВОРЯТ:

Лирик.
Сторож.
Женщина.
Мужчина.
Другой.
Третий.
Грузовик Чичкина.
Трамвай.
Старики.
Девочка.
Невеста.
Газетчик.
Юноша.
Поэт-академик.
Влюбленный.
Разносчик.
Из 1-го этажа.
Из 2-го этажа.
Равнодушная.
Биплан.
Голос.

Из бельэтажа.
Любимый поэт.
Голоса из толпы.
Другой.
Художник.
Крики из толпы.
Критик.
Мотор.
Приват-доцент.

ДЕЙСТВУЮТ

Сандвичи, газетчики, толпа, пожары, шум, гул, звуки, пожарные автоматы, дома, наряд Армии Безопасности, голова Лирика, думы Лирика, мотор, кусающий Лирика, предметы, аэропланы, моторы, небоскребы, комоды, кровати, динамомашины, вывески, крыши, аэро, жандармские аэропланы, рекламы, дом с незакрытой стеной, улица, площадь, пожарная автомобилья, тэф-тэф похоронного бюро, гроб, труп, башенные часы, стрелки часов, мотор, ворвавшийся в небо, обрушившийся дом, мотоциклы, вопли, огни кинематографа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Площадь. Вечер. Волны шума и валы гула, из которых выбиваются брызги звуков. Площадь иногда повертывается кругом, авансцена оказывается позади. Иногда свет на площади гаснет и действие ведется на вдруг загоревшихся улицах. Ходят сандвичи, и кричат газетчики. Толпы народа. Трамвайное движение. Шмыганье моторов. Часто вспыхивают пожары,

и грохот пожарных автоматов почти заглушает разговор.

Лирик:

Эй, прохожие в котелках, в цилиндрах и в панамá!
Вы думаете — это трамвай огромной
электрической акулой
Скачет по рельсам, расчесывая дома
Массивной гребенкой широкого гула?!
Тащите на площади сердца спать!
Смотрите: как блохи
В шерсти дворняжки, в мостовой не устали скакать
Мотоциклов протертые вздохи.
А у электролампы кровью налились глаза,
И из небоскребного подъезда, приоткрытого
немножко,
Вытекла женщина, как слеза,
Как слюна, женщина, одетая в весеннюю окрошку.
Клубится,
Дымится
Перезвон,
Смуглеет шум и вспых увертливого крика.
Я вчера слышал, как мотор потерял стон,
Который вдруг съежился дико.
У меня вчера по щеке проходил полк солдат,
А сегодня я его доедаю, как закуску,
И пляшут дома вперед-назад,
Одетые в вывесочную блузку.

Подбегает с т о р о ж. *На нем кокарда Социалистического Государства. Через плечо сумка.*

Сторож:

Эй! Ты потерял
Кусок своего сердца — вон там, на углу,
Где трамвай сошел с рельс от этого.

Лирик:

Столько сердец я уже покупал!
И в каждом находил иглу
И маленькую юродивую мглу.

Женщина:

(Спрыгивая с крыши)

А сердце рябое, словно намазанное икрою кетовою.
Неужели ты каждый день рождаешь стишки?
Каждый день ты беременеешь от событий,
А к ночи бумага протягивает жест акушерской
руки,
Чтоб вытащить звучные прыти
Твоих стихов, — и тебе не надоест?
Смотри, как разбухла... твоей души!
Она раскрыта, как до одиннадцати подъезд,
А в твоем мозгу рифмы ползают, как вши,
Живот твоего сердца от напряжения высох,
Под глазами провалы, как от колес. Неужели
Напрягаются снова мускулы мятежа?

Врывается Грузовик Чичкина.

Грузовик:

Трpppp! Близок!
Мятеж ощетинился иглами ежа.

Мои дымовые хвосты обтрепались и поредели;
Трррррр! Я сморщился, как лягушачий скелет.
Трррррр! Мои иоги от водянки распухли.
Вы все прокисли, вы все обрюхли,
Каждый из вас глупее, чем этот поэт,
Который всё пишет, пьет, пишет и пьет ирруа,
Обвивает вокруг себя водосточные трубы
И думает, что это боа-
Констриктор, и целует у иебоскребов оконные губы.

(Взрывается.)

Лирик:

Так ведь меня же разобрали трамваи до конца,
Вдоль, и поперек, и навзрыд. Лают авто.
У меня полысела радость лица,
А небо запахнуло от холода пальто.
У пальто отлетела одна пуговица от борта
И виснет на огнеиной нитке,
А люди глупые вопят: «Метеор-то!»
Я дроблюсь в неистовой пытке.

С противоположного тротуара спрыгивает дом и пробирается сквозь гущу движения послушать лирика. Какой-то трамвай в бешенстве стал на дыбы.

Посмотрите, близорукцы! Я наступил
Бипланом на юбку вальсирующих облаков!
У моих стихов
Нет больше рявкающих сил,
А вместо них выросла сотня слоновьих клыков.
И моя пытка длинна, как хобот слоновий,
Мне кажется, что я и сам слон —

Такой я большой и добрый, и столько из меня течет
крови,
А город вбивает мне в уши перезвон,
Перезвон влез в мой слух, стал жутким и рослым,
Сдавил щипцами идей мою розовую похоть.
Меня город мотором сделал, и я сюда послан,
Чтобы вас научить быстреть и не охать.

Женщина:

Ты никогда не видал, как море зелено-железные
завитки
Прибоя вплетает в косы прибрежий?!

Лирик:

Зато у меня миллион и еще четыре руки,
А искренность всё реже.
Только это ничего. Можно водку
Пить и без салата густого;
Я вчера утром завязил в асфальте мою походку,
Зато выиграл в лоторее-аллегри корову.

Женщина:

Ты растратил мысли, как спички.
Купи новую коробку — это стоит пустяки;
А то смешно: у тебя кружевные лифчики,
А на глазах продранные чулки.
Ты косишь правым сердцем!

Сторож:

А левое
Трамвай расплющил!

Трамвай:

Ммммммпушшш!

Лирик:

Эй, здравый смысл — тубо! Куш!
Я — голенький! Но меня зовут королевою,
Потому, что только на меня время льет холодный
душ,
Ведрами дней меня окачивает впопыхах.
Ко мне небрежные протягивают виадуки,
Хватают меня за шею, копышатся в моих глазах
Эти стопудовые, литые руки.
Только для меня сквозь ресницы портьер бле-
стят зрачки люстр, как головки на вербе,
А век, сквозь слезы, мне предлагает многотронье.
А я удивленно, как ставший отцом апаш,
Обещанье кидаю в мозг ваш.
Электричеством вытку
Вашу походку и улыбку,
Вверну в ваши слова лампы в тысячу свеч,
А в глазах пусть заплещется золотая рыбка
И рекламы скользнут с индевеющих плеч.
А город в зимнем белом трико захохочет
И бросит вам в спину куски ресторанных меню,
И во рту закопошатся куски нерастраченной мочи,
И я мухой по вашим губам просеменю.

А вы, накрутив витрины на тонкие пальцы,
Скользящих трамваем огненные звонки
Перецелуете, глядя, как валятся, валятся, валятся
Бешеные минуты в огромные зрачки.
Я, обезумев, начну прижиматься
К вспыхнувшим бюстам особняков,
И ситцевое время с глазом китайца
Обведет физиономию стрелкой часов.
Так уложите, спеленав, сердца в гардеробы,
Пронафталиньте ваш стон,
Это я вам бросаю с крыши небоскреба
Ваши привычки, как пару дохлых ворон.

Старики:

От твоих слов теплеют наши беззубья и плеши,
Ты, наверное, вешний!
У тебя такая майющая голова,
Мы, как молочко, пьем твои слова!

Лирик:

Вы думаете, я с вами шамкать рад!
Ведь вы только объедки,
Вам каждому под пятьдесят;
Двадцать лет назад
Вы уже были марионетки!
А теперь вы развалились по всем
Частям, и к вам льнет черной мастью взлохмаченная
лопатой могила,
От вас пахнет загробьем, вы не надушились совсем
Жизненной брыкающейся силой.

Юноши:

Но мы не успели постареть, и хоть
Нам ты выворoти своей души карман со словами!

Лирик:

А зачем
Вы унесли свою плоть
И сами
Заложили ее в ломбарде?!
Я не кий, чтобы вами,
Как шарами,
Играть на огромном городском биллиарде.
Смотрите,
Вот вы стоите
Огромной толпой,
Толпой огромною очень,
А я вас бью, и никто, с кошачьей головой,
Не бросит ответно мне сто пощечин.
Смотрите,
Вот вы стоите,
А воздух нищий,
Как зеркало, и в нем отображено
Каркающее, летящее кладбище, —
Разве не похоже на вас оно?

(Растет.)

Разбиваете скрижали и кусками скрижалей
Выкладывайте в уборных иа площади полы!
Смотрите, вас заботы щипцами зажали,
И вы дымитесь, клубясь, как сигара средь мглы.

Из ваших поцелуев и из ласк протертых
Я сошью себе прочный резиновый плащ
И пойду кипятить в семиэтажных ретортах
Перекиси страсти и цианистый плач.
Чу! Город захохочет из каменного стула,
Бросить плевки газовых фонарей,
Из подъездов заструятся на рельсы гула
Женщины и писки детей.
А вдруг это не писки, а мои мысли, задрав
рубашонки,
Шмыгают судорожно трамваем меж.
Они привыкли играть с черепахой конной конки,
А вместо матраца подкладывать мятеж
Огненный, как небоплешь.

Еще растет. Показывается наряд Армии Безопасности, окружающий лирика. У лирика трескается голова, и думы выползают, как сок из котлеты. Лирик ловит у себя на ноге мотор, который кусал его. Предметы собираются и слушают его. Аэропланы птичьей стаей кружатся около его головы; некоторые, более доверчивые, садятся на его голову. Толпа моторов собирается у ног. Из небоскребов выползают комоды, кровати, динамомашины. Несколько вывесок и крыш аплодируют говорящему. Юноши недовольно слушают. Лирик нагибается и прикуривает сигару о фонарь.

Вы думаете, я пророк и стану вас учить,
Как жить
И любить,
Как быть
К силе ближе?!

Да из вас можно только плети ссучить
И бить
Плетьми вас самих же.
Вы все глупые, как критики, вы умеете только
Выставляться картинами на вернисаже,
Чтоб приходили женщины с мужьями, садились
за столик
И вас покупали на распродаже;
И, даже
Повешенные в спальне, боитесь вылезть из рамы,
И у вас хватает
Трусости смотреть,
Как около вас выползают
Из юбок грудастые дамы,
Перед тем, как ночную рубашку надеть!
А вы висите смирно
Вместо того, чтоб вскочить и напасть
На лежачую
И прямо
В лицо ее жирное
Швырнуть, как милость, беззрячую
И колючую страсть.
Измять, изнасиловать, проглотить ее,
— Тороплливую служанку прихоти! —
Ну, чего вы развесили глупцо свое,
Точно манекены из резины
При выходе
Из магазина?!

(Опирается на каланчу.)

Это мне было скучно, и потому
Я с вами

Болтал строками
Веселыми,
А теперь я пойду ворошить шатучую тьму,
В небоскребные окна швыряться глазами
Голыми.
Это я притворялся, чтоб мои пустяки
Жонглировали перед вами, а вы думаете, что это
откровенья!
Посмотрите, у меня уже только четыре руки,
Но зато солидные, как мои мученья.
А эта женщина боится пойти со мной,
У нее такое хилое тело, с головы до пяток,
Ей кажется, что она влезет в меня с головой,
А я проглочу женщин еще десяток.

Поэт-академик:

(Торжественно, пророчески и задушевно)

Благословляю разрушителя!
Ты — пуля, молния, стрела!
Но за меня, за охранителя
Святынь людских, — и тьма, и мгла.

Пусть на́-душу твою покатую,
Как крыша, каплет солнца дождь.
С тобой стражусь, клянусь Гекатою,
Я, книг и манускриптов вождь.

Ты — с дикой силой авиации
Меня разишь, свиреп и дик,
Но тайной чарой стилизации
Я трижды изменяю лик.

Ты — резкой дланью электричества
Проникнешь ли в глухой альков,
Где панцирь моего владычества —
Святая пыль святых веков;

Где, как вассал пред королевою,
Склоняюсь я в венке из звезд,
Где сатане творю я левою,
А правою — могучий крест,

Где, кудри русые иль черные
На седину переменив,
Найду в листах мечтой упорною
Я Пушкинский иероглиф.

Дано судьбою мне печаль нести
И песнь с востока на закат.
Над башнею оригинальности
Мое лицо, как циферблат.

И ты, кто родствен с бурей, с птицами,
Следи зрачками вещих глаз,
Как на часах в ночи ресницами
Я укажу мой смертный час.

Лирик:

Бросайтесь в Ниагару потому, что это обыкновенно,
Потому, что ступенится площадь домами.
Вы слышите: из-за угла воет надменно
Огромный аэро с кометистыми хвостами.
Громоздится вскрик у руля высоты,
Спрыгивает похоть в экстазе,

У нее моторы прыгают в каждой фразе,
Она оплевывает романтику и цветы.
И в ее громоздкий живот запрячусь я на ночь,
Что урра с новой мощью поутру кричать.
А нас каждого зовут Иван Иваныч,
И у каждого на глазу бельмится мать.
Вы умеете только говорить по телефону,
А никто не попробует по телефону ездить,
Обмотайтесь, как шарфом, моим гаерским стоном,
Вы, умеющие любовниц только напоказ созвездить!

Члены Армии Спасения приближаются и пробуют задержать Лирика, но он — такой большой, колоссальный, легко расшвыривает их. Аэро, о котором говорил лирик, близко. Оно огромное, под стать лирику. Вырвавшись от назойливцев, лирик вскакивает в аэро и поднимается. Немедленно целые отряды жандармских аэро нападают на лирика, но он крошит врагов, и получается дождь падающих аэропланов.

Ведь если меня хотят схватить городовые,
Так это пустяки. До свиданья. Тра-та-та-ту!
Тра-та-та-ту!
Носите на душах мои пощечины огневые
До нового плевка на Кузнецком Мосту.

Улетает.

ДЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Улица. Быстрая смена дневных реклам. Ближний дом с незакрытой передней стеной: все квартиры видны. Улица всё время дрожит, точно на нее смотрят в

бинокль, перевертывая его, — она то страшно увеличивается, то ребячески уменьшается.

Влюбленный:

Снова одинок... Снова в толпе с ней...
Снова полосую воздух широкобокими криками,
как плетью.
Над танцем экипажей прыгают, с песней,
Негнущаяся ночь и одноглазый ветер.

Равнодушная:

Загоревшие от холода дома и лысина небесная...
Вывесочная татуировка на небоскребной щеке...
Месяц огненной саламандрой взлез, но я
Свой обугленный зов крепко зажала в руке.

Проходят. Над кружится планирующий спуск биплана, с которого кричит

Лирик:

Но-но! Моя лошадка! Я поглажу твою шею,
Взмыленную холодом. Не вертись! Здесь нет
вокруг далеко луж!
Эй, не балуй! Правее, правее, правее, правее!
Не задень, конь мой,
Голубой
Небесный околыш!
Ты помнишь: я кричал дуракам: «Бросьте ком
Мин тупых и гладких, как плеши!»
Ну, что ты вертишь хвостиком,
Словно пишешь письмо вон этой пешей!

(Спускается. Спрыгивает с биплана.)

Она такая же глупая, как и все. Она каждый день
Кладет на одну чашку тело,
А на другую душу.
И радуется смело,
Если душа перетянула. Ей не лень
Поутру считать: сколько будет — океаны плюс
суша.
У нее на грудях холодные объедки поцелуев мужа.
А она ими голодного любовника потчует.
Смешная! Она не понимает, что в луже
Она
Отражена
С тремя грудями, как и прочия!
Смотри: какую огромную каменную люльку
Город для людей у времени купил,
А я сейчас возьму каланчу и, как в свистульку,
Буду дудеть в нее из последних сил.

Биплан:

Трррр-та-ту-ту-та-книзззззу-от-трррра-та-
зззенита
Зззззевают-зззззрачки-тррррр-зззззеленых-зззиг-
зззагов...

Лирик:

Эй, девушка, с глазами черней антрацита!
Я у солнца выбил сегодня шпагу,
Которую оно собиралось
Вонзить в пухлые щеки Крита.

Если бы ты знала, как оно перепугалось,
Покраснело
От испуга, пожелтело,
Как канарейки;
Покупало у меня жалость,
Пока на веки его не легли облака, словно
трехкопейки.

Женщина:

Сегодня в город прибежала ужасно перепуганная
судьба,
Что-то кричала, вроде
Того, что умирает возле афишного столба,
Обещалась быть подобной погоде,
Переменчивой и нужной; «только спасите!» —
кричит,
Трясет бутафорией оккультных книг,
Хлопает домами, трещит,
Пищит,
А из ридикюля выпрыгивает за мигом миг.

Лирик:

Чего же вы все закисли, как сосиски,
Выжеванные, тощие, как брошюрки стихов?!
Возьмите пальцы судьбы, как зубочистки,
И ковыряйте ими между гнилых веков.
Если мир развалился уютно в каменном стуле
И хрюкает хлюпаньем хлябких калош,
Так это потому, что секунды — пули
Оставили следы, которых не сотрешь;
Потому что старая, дряхлая истина докурена,
А кому охота курить окурки, если есть папиросы.

Жгите Голубиную книгу! в обложке лазури она!
Человечество при смерти от книжного поноса!

Голос:

Если б построить башню...

Другой:

Да, да! Башню громадную
И вскарабкаться на небо! Там, вероятно, тепло.
Там уютно, там зала такая необъятная,
Где ангелы поют светло.

Лирик:

Да неужели вы не знаете, что все...... охрипли,
Что у них пополневшие голоса!
Они и петь-то отвыкли
С тех пор,
Как в проходной двор
Обратились......
У........ пропали бицепсы и сердечные мускулы,
Они стали похожи на мопсов толстых;
Только и делают, что поднимают воронки ветра
узкие,
Как фужеры, и рычат тосты.
Шейте из облаков сорочки бессвязно,
На аршины продается лунная бахрома.

Художник:

Он всё врет! Сверху косматый город кажется только
грязной
Скатертью, на которой крошками набросаны дома.
И наше счастье, что любовь не спустили мы
С камнем на шее в муть его лирических валов.

Лирик:

О да! Я знаю: весь мир — это длинная, нервущаяся
кинемофильма
Окровавленных, прыгающих женских языков.

Художник:

Как на крыльях мельницы, в водовороте событий
Ты, желающий жить, успел истлеть!

Лирик:

Неправда! Посмотрите,
Да иаучитесь смотреть!
Снимите
С душ запыленный монокль тысячелетий,
Он врезался в душу и заставляет ее хрипеть,
А ведь у вас есть розовенькие дети!

Женщина:

Мы боимся города, когда он начинает скакать
С одной
Крыши на другую,

Как каменная обезьяна,
Поутру и
Порой
Вечеровой
Нас тысячью голосов путать,
Вылезая, как из медальона, из тумана.

Мужчина:

У города нечищенные, желтые челюсти фонарей!

Другой:

Каждый день рушатся достраивающиеся скелеты!

Третий:

Трамвай слопал у меня пять детей!

Девочка:

Я не могу есть дома, как конфеты.

Лирик:

Вырожденцы! Занавесьте суетою
Свой разговор!
Смотрите: день ночеет! В воздухе смуглеют почки!
Город взмахнул трубою
Завода, как дирижер,
И вставил огни витрин в вырезе фрачной сорочки!
Смычок трамвая заскользил по лопающимся
проводам,

Барабаном загудели авто по мостовой,
Всё пляшет здесь и там,
Трам-бум-бум!
Научитесь каждый быть самим собой!

Художник:

Послушайте...

Лирик:

Я и сам знаю, что электрической
пылью
Взыскриваются ваши глаза, но ведь это потому,
Что вы плагиатируете фонари автомобильи,
Когда они от нечего делать пожирают косматую
тьму.

Художник:

Послушайте...

Лирик:

Вы скажете, что ваше сердце ужасно
Стучит, но ведь это же совсем пустяки;
Вы, значит, не слыхали входной двери: всякий раз
она
Оглушительно шарахается, ломая свои каблуки.

Художник:

Нет, кроме шуток...

Л и р и к:

Вы уверяете, что корью
Захворало ваше сердце, — но ведь это необходимо
хоть раз!

Х у д о ж н и к:

Вы в этом убеждены?

Л и р и к:

Хотите! с доктором поспорю!
У каждого бывает покрытый сыпною болезнью час!

Сутолока увеличивается. Проносится пожарная автомобилья. Факелы вместо фонарей. Она налетает на тэф-тэф похоронного бюро, перевертывает гроб и волочит труп по земле.

А вот, когда вы выйдете, в разорванный полдень,
На главную улицу, где пляшет холодень,
Где скребут по снегу моторы свой выпуклый шаг,
Как будто раки в пакете шуршат, —
Вы увидите, как огромный день, с животом,
Раздутым невероятно от проглоченных людишек,
На тротуар выхаркивает, с трудом
И пищу, пищи излишек.
А около вскрикивает монументальная женщина
скорбно
И пронзительно. Ее душит горбатый грешок.
Всплескивается и хватается за его горб она,
А он оседает, пыхтя и превращаясь в порошок.

Художник:

Послушайте! Это, в конце концов, невыносимо:
Каждый день машины, моторы и водосточный
контрабас.

Невеста:

Это так оглушительно!

Лирик:

Но это необходимо,
Как то, чтобы корью захворало сердце хоть раз.

Газетчик:

Вечерняя почта! Не угодно ль купить!

Разносчик:

Идеальные подтяжки! Прочнейшая нить!

Газетчик:

Синтез целого дня! Кровавое сражение!

Лирик:

Перепутайте все имена нежданно!
Надо именить

Лилией — Анну
И Еленой — Евгению.
Пространство и время умерли вчера!
Любовь умирает, как голубь под крышей!
А ваше настроение —
Это биржевая игра:
Я закричу — и оно, как акции, поднимается выше.

Из I-го этажа:

Какой огромный человек!

Разносчик:

Чудодейственный лик!

Из II-го этажа:

Он раскленвает свои интонации на сердца, как
на столбы!

Из бельэтажа:

Почему народ вокруг него изнемог, и нзмяк,
И перестал держаться за нижнюю юбку судьбы.

Издалека раздается голос Любимого Поэта. Он приближается и входит.

Любнмый Поэт:

Я хотел вам прочесть отрывок величавый
Из новой поэмы: «Серенада в восемь».

Голоса:

Браво, браво!
Просим! Просим!

Любимый Поэт:

Я нервно шляпу коверкаю
И слушаю звуки голоса...
Вы стоите пред этажеркою,
Заплетая волосы.

О, милая! Как жалко,
Что Вы далеко там.
Влажный запах фиалки
Меж телом и Вашим капотом.

Озираюсь на вечер душный,
Улыбаюсь с тоскою.
Вам шлю поцелуй воздушный
Тонкой рукою.

Ваши черные косы, как рамы,
Овал лица обрамляют...
Неужели не жалко Вам, Дама,
Что мой поцелуй пропадает?..

Крики:

Браво, браво! Чудесно!

Критик:

Ваше имя и так нам известно;
Вы слывете утонченнейшим стилистом

И поэтом влюбленным.
Мы любим внимать вашим истовым,
Горделивым звонам,
Вы улыбаетесь в стихах благородно, хотя
фривольно!
Прочтите еще нам!

Мотор:

Довольно!

Лирик:

Слушайте, кретины...

Голоса:

Так с нами не говорит никто!
Нас обычно величают: «Милостивые государыни
и государи!»

Лирик:

Так ведь в моей душе сотни карманов, как в пальто.
У моего мозга почтительные лица и свиные хари!
Я выну из правого кармана: «Слушайте, братья!»,
А из левого лезет: «Слушай, кретин!»
Всё равно! Я швыряю стоглавые объятья,
Незапачканные в помойке привычек и рутин.
Ведь если даже церковь привстала на цыпочки
И склонила внимательно свой купол ко мне,
Так это потому, что я новою правдою выпачкан,
А мои удары не канифоль на струне,
Не канифоль, которую можно стряхнуть.

Даже мостовые встают на дыбы мне навстречу,
Целуются рябым лицом, мне падают на грудь.
Я дымами, домами и громадами искалечен,
Вы не видали...

Мужчина:

Мы ничего не видали!

Лирик:

Вы не видали, как вчера, привязанного к трамваю,
Грохоты проволокли отдых в гранитном канале.

Мужчина:

Я всё вижу — и забываю.

Лирик:

У отдыха было измученное лицо, как у дня,
Он хотел спрятать голову под крыло моего биплана,
Но биплан рванулся, над отдыхом, тр...

Биплан:

рррр...

Лирик:

уня,

И завор...

Биплан:

рррр...

Лирик:

чал, зар....

Биплан:

ррррр...

Лирик:

ычал тигр...

Биплан:

ррррр...

Лирик:

ом из тумана.
Я вчера встретил — верьте мне —
В переулке тишину
И закрутил ее на вертеле,
Как цыпленка.
А теперь, смотрите: я этаж восьмой
К мостовой
Пригну,
Чтоб были игрушки
У вашего ребенка,
Оттопырившего губки и ушки.

А он, как мышь, вползет в библиотеки,
Как мышь, будет грызть книги чужие и мои,
Сделает из Данта воздушного змея! Накройте-ка
Стальной чешуей город, чтоб рай не лил слезы свои!

Пр.-доцент:

Он грозит указательным пальцем культуре,
Он не понимает, что культура, как таковая,
Есть вещь в себе, что тридцать первый сонет
к Лауре
Значительнее лая
Трамвая.

Лирик:

Так ведь трамвай родился со мною;
Я помню, как он в первый бросил молоко
Лошадей, закусил женщиной нагою
И поскакал по дроби площадей далеко.
Пролетая пассажи,
Гаражи
И темноту матовую,
Блестя электроногтями, перевертывая все нельзя,
Он расколов прямой пробор улицы надвое,
По стальным знакам равенства скользя.

Пр.-доцент.

Если сгорят библиотеки, сгорят и мои диссертации
«Об эстетике в древней Америке у инков и омков»,

И с ними сгорят овации,
Которые мне пролили бы ладоши потомков.
Сгорят мои примечания к опискам Пушкина!
Дайте мне насладится ими хоть!

Лирик:

Исчерпалось лунное пиво в небесной кружке,
Завтра на аэро трясет свою бурую иноходь.

Пр.-доцент:

Этот человек сумасшедший! Клянусь великим
поэтом,
Он не понимает того, что говорит.

Лирик:

А он, как чернильная клякса, высох над кабинетом,
Он величавым
Октавам
И перепетым
Сонетам
И триолетам
Такую же протухшую будущность сулит.
Он только считает опечатки в сто двадцать третьем
издании Конта,
Пережевывает недомыслие Руссо и других.
Да взгляните: под юбкой синего горизонта
Копошатся руки аэропланов тугих.

Художник:

Но декольтированная улица спокойна в снежной
балете...

Лирик.

Забеременели огнями животы витрин,
У тебя из ушей вылезают дети,
С крыш свисают ноги сосулек-балерин.
Вот смотрите: стою я, зрячий и вещий,
Презирая ваш гнусный, бумажный суд.
Я зову к восстаиью предметы и вещи,
Им велю сказать, что они живут.
И огромной ордою, с криком «Свобода»,
Ринутся в ваш кабинет и будуар
Крыши и зданья, столы и комоды,
Вывески и машины, и даже писсуар.
И там, где флюгера встали на страже,
Чтоб возвестить о полчищах новых ветров,
Уже падают в битве, испачканные сажей,
Полки домов.
И на вашу культуру с криком и воем,
На ваш мир святынь и книжных мощей
Огромным разливом, бессменным прибоем
Обрушится новая культура вещей.
Как флаги, заблещут красные светы
Электротеатров, и вскрикнет вождь-граммофон,
Нам порохом будет сок из котлеты,
И всё сольется в зловещем «Вон!»

Шум взвизгивает. Всё сильнее. Нельзя ничего разобрать. Предметы окружают Лирика. Башенные часы сорвались с места, и стрелки крутятся по воздуху. С полного хода срывается мотор и врывается в небо. Один дом обрушивается на Лирика, и он стоит среди груды обломков, размахивая дымовою трубой. Мотоциклы кашляют без перерыва. Крики, вопли.

Суетится Армия Спасения. Над всем хаосом щупальцами тянутся красные огни кинемо. И грозно трубою басит Лирик.

Машина пронизала каждую секунду отточенным
визгом,
Машина заструит мои брыкающие слова по
телефону.
В телеграфном стуке всем наглым и близким
Я кидаю пощечину колоссального звона,
Я не настолько слаб, чтоб стать вашим божком,
Спокойным идолом на стуле,
Я дни струбливаю моим рожком,
А мои ляжки омылись в стогрудом гуле.
Через Атлантический изгибными мостами мои руки
Тяну, я всю рыдальческую землю обниму.

Из II-го этажа·

Это мы уже слыхали, это старые штуки,
Он бьется в камере слов, как попавший в тюрьму.

Лирик.

Я пришпорю быстроту и, в тьме суматохи,
Перепугаю все имена, страну на страну наложу,
Ваши вопли, жалобы, вздохи
На земную ось нанижу,
Если я сел на сегодня, как на гоночную машину,
Если сквозь резину
Моих слов рвется на свободу,

Как воздух сквозь моторную шину,
Всё — вскрики и вспенье верфей и заводов,
Животов вокзалов, локомотивов, подобно
приват-доценту,
В беге потерявших дымовых волос взбитые букли,
Ревущих пароходов,
Рявкающих моментов,
Небоскребов, у которых, как нарывы, балконы
набухли...

Девочка.

Как он много говорит... Он хорошенький.

Лирик.

И если вы не понимаете ровнешенько
Ничего,
Так это потому, что, побивая рекорды,
Обогнали в состязания ноги мозга моего
Глупых дней запыхавшуюся морду,
Но мое сердце не устало
И дальше побежит;
Оно набирало
Бензину, говоря с вами,
Очистились его легкие, биплан дрожит,
А время спешит
Стовековыми шагами.
Оно к вам через вечность и два часа прибежит,
А я
Буду далеко, перешагивая могилы и гроба!
Смотрите, как топокопытит, как роет крылом землю
лошадь моя,
Как передо мной отплясывает восторг фабричная
труба!
Урррра!

На биплане.

Б и п л а н:

Тра-та-та-ту-ту-ту-ту-ты-ты-ты!
Трррррррррррррр!

Л и р и к:

Уррррррррра!
За мной горррррода — на ветрррррррррровые
мосты!
Взгррррррррромоздились горррррры!

Б и п л а н:

Трррррррррр!...

Лирик летит, и воздух пенится около аэро. На поднятые лица изумленных попадает солнце — и они делаются похожими на большие ромашки, у которых удивление обрывает ресницы... И шум пропеллера сливается со скрипом несмазанной земной оси.

151. ВЕЧНЫЙ ЖИД

Трагедия великолепного отчаяния

Маленькой и черной
ЖУК, СКАРАБЕЮ
моей жизни

...Если бы знать! Голодный добывает хлеб трудом. Оскорбленный мстит. Любовник говорит женщине: «Будь моею!» Но я сыт, и никто не оскорбляет меня... Мне нечего достигать — я обречен на тоску.

А. Блок. «Король на площади»

...Marchant vers la terre promise
Josué s'avançait pensif 'et pâlissant,
Car il etait déjà l'élu du Tout Puissant.

А. де Виньи. Moïse[1]

...Ailleurs! Plus loin! je ne sais où.

Lamartine[2]

Каталог действующих:

Поэт. 25 лет. Резкие углы лица. Причесан очень гладко. Немного стилизуется под англичанина.

---

[1] Направляясь к земле обетованной,
Иешуа шел задумчивый и бледный,
Ибо был уже избран Всемогущий.

А. де Виньи. «Колыбель»

[2] Впрочем, дальше! не знаю куда.

Ламартин

Б о г. Более известен под именем Иисуса. Говорит тенорком. Столько лет, сколько их промчалось или проплелось от Рождества Христова.

Д е в у ш к а. Дома собрание сочинений Евреинова и Уайльда. Зимой — шубка с шеншилями. Кольцо с бирюзою. Обожает Бердслея и Сомова.

Ж е н щ и н а. Имеет абонемент к Кусевицкому. Смотрела Дункан, но не понравилось. В кафе одна не ходит.

Господины. — Субъекты. — Дамы. — Старики. — Женщины. — Игроки. — Старухи. — Юноши. — И еще разные люди и вещи, которые двигаются, но не говорят и с которыми вы не познакомитесь, а потому я их имен ие помню.

Всё здесь написанное случается вчера, сегодня и завтра.

Здесь: в Москве и около. Впрочем: случается повсюдно.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Занавес поднимается и...

Притон. Накурено. Бутылки. Женщины. Вино. Кокаинисты с синяками у глаз. Эстетствующие господины с плохо вычищенными ногтями и дамочки, точно спущенные с цепочки Кузнецкого. Народу весьма н весьма много, но все одноцветные (с виду похожие, похожие однн и одна на другого и другую. Словно томы собрания сочинения Брюсова в «Сирине»). Такое утомительное веселье, что спать хочется. Не то ветер, не то ночь стучит расцветающими белыми окнами. Да корни луны запутались в вермишели изысканных духов и растрепанных причесок. Ведь вот только что вошел вот этот самый госпо-

дин, а уже оказывается, что он поэт, правда, мало известный, но очень неплохой. Конечно, никто всего этого не знает. Вообще никому ни до кого нет решительно никакого дела. Это совершенно очаровательно. Поэт озирается и как будто что-то вспоминает, припоминает как будто.

Поэт

Вывалился из прошлого просто, как пьяный седок
Из розвальней на повороте, где выбой,
И какой-нибудь день мною плеснет в рожок,
Как волна на утес зазевавшейся рыбой.
Обвешанный грезами, как рождественская елка,
С уже подпаленной свечами печали душой,
Совсем несуразный, но еще зеленью колкий,
Я в крест переулков вставлен судьбой.
Раскачавшись на жизни, подобно белке,
На жизнь другую лечу параболой зари,
И руки раскрываю, как часовые стрелки,
Когда без четверти три.
Прошлое захлопнул на какой-то случайной
Странице
И нарочно закладку воспоминаний не вложил.
А небом уж кинуты стайные
Птицы,
Словно сетка трепещущих черных жил.
Но тоска всё прежняя, потому что такая ж
Земля изрябилась улыбкой людей...

Один господин

Не скули и не стонь! На! Понюхай! Узнаешь
Пьяный шаг прошатавшихся дней!
Ты душу, как руки, протянул в пустынях
Этих заселенных городами зал,
Но за этот один изумляющий вынюх
До земли бы
Спасибо
Ты миру сказал.

Предлагает ему кокаину в баночке. Поэт роняет, неловкий, трубку, рассыпает кокаин, подпимает вычурно-тщательно порошок с полу, нюхает, нюхает и недоуменно смотрит на тающих окружающих. Чем-то розовым выблескивают его глаза бесхитростные. Для него вытрясенно как-то вокруг.

Третий субъект

Я весь высыпался смехом оттого, что слезы
Почти не блестят на концах ресниц-вееров,
Оттого, что город, эта серая роза,
Опал лепестками увялых домов.
И бегают помыслы, хроморукие странники,
В Медину придущих столетий прозреть!
И в моих зрачках начинаешь ты, странненький,
Сединой
И мечтой
Серебреть.
За окном растекается мокредь и гниледь,
Кнут часов полосует ребра минут,
И ты, сюда вшедший, ты должен вылить
Себя в этот вечер, как в глыбкий сосуд.

Рассыпает резкая сыпь, резкая сыпь телефонного звонка раздается. Из трубки вылезает дама. Лезет, выволакивает себя и свои туалеты. Видно, что не легко это ей. Но вот, слава Богу, вылезла.

Дама

Мы не знаем: откуда ты? Кем ты вызван?
Как сарафанница, поешь ты, скуля.
И из красной гортани фраз твоих вызвон
Принимает, как морфий, земля.

Поэт

Над городами вставал я кометой,
Свежим трудом протекал в кабинет,
Но хвоста моих песен в заре разогретой
Ни один другой не увидел поэт.
Из уютной двуспальной славы, как вымах
Огромной руки, я удрал убежать за столетье вперед,
Потому что ласки хрустящих любимых
Облепили меня, как икра бутерброд.
И все недотроги и все позво́лишни
Вы́линяли шелками на простыне души моей.
И вот у сердца безумные пролежни.
И вот я —
Язык соловья,
А не весь соловей!

В громадный клетчатый платок сморкается, как будто выстрелили. Мельком, боков вырастают, тают, пролетают фигуры видений в белом. Память пошла вспять, в юное детство. И вы видали такие проблески, выблески про-

шлого. Трудно сдвинуть глаза с точки, в которую они ввинчены. Застывает, стынет всё... Часы что-то пробили. И всё сразу очнулось. Всё двинулось. Прошло. Всё как прежде, только странная воцарилась тишина, и в окне большом туманная только улица видна.

Старик

Говоришь ты нам ясно, но злобь абажуром
Смягчает слова, рассевая их.
В шамканьи леса протяжном и хмуром
На деревьях случалось мне видать таких.
Уходили от жен поглядеть, как небом
Ринется поле измять, затопорщить кусты,
И когда говорили, как в тишине бум,
Полыхали пламенем безумцев мечты.

Господин с бородкой

И около этих костров, потирая руки,
Потому что всё выше палец Цельсия лез,
Ночные сторожа нашей книжной муки
Кутались в тулуп, словно в тогу небес.

Поэт

Уходил на заводы, как все, кто мыслит,
Чтоб в лязганьи поршней Гоббса открыть,
А ткацких станков танцующий выслед
Вместо речей мне протягивал нить.
Я щелчком моей подписи вспугивал сотни
Нарастающих дел и банки потоком ронял,
Взгляд мой суровый, как пес в подворотне,

Сердито рычал.
Но скучно,
И скучно,
Но скучно
Быть
Сильным,
И еще мучительнее бессильным
Быть!
Я велел
Городам быстробегным и пыльным,
И они не посмели мне в лицо не вспылить!
Я велел —
И Везувий кинул свой пепел,
Эту славу сливая, как в кастрюльку яйцо!
Но напрасно я дикия горы свирепил,
И никчемно я зыкал равнинам в лицо!
Что Рубикон?
Перейден,
Перепрыган
Он шагом моим много раз!
Но когда ж попадет на свежий выгон
Мой обхудавший во хлеве глаз?!
И вот, когда золоченые щупальца счастья
Мне подали весь мир и лунный серп,
Я, последний в прекрасной поэтной династии,
Сломал всё, что начато, как фамильный герб.
И опять ухожу обнищать просторы,
Наматывать версты на щеки шин.
Это я хоронил у вчерашнего косогора
Последнего из последних мужчин!

Женщина

Говоришь, что всесилен, что в мир наш ты
 выволок
Бредни и глыбы сна, как могучий,
А сам невзрачнее писков иволг,
И возле глаз бессонница взрыхлила кучи.

Поэт

Вот громадной толпой,
От наркоза дымчат,
Сер от никотина, шурша радужной душой,
Поджидаю, пока меня из будней вымчат
Прыткие топоты в праздник большой.
За бугром четвергов, понедельников рыжих,
За линией Волгой растекшихся сред,
Посмотрите: как криками нá небе выжег
Сплошное воскресенье сумашедший поэт!

Игрок

Довольно рассказов! Средь сравнений неверных
Мне одно лишь доступно в вечерних тисках:
Это когда в кабаках и тавернах
Колода, как листья, шуршит в ветреных руках!

Второй игрок

Ну что же! Начнем! Пусть бедняга судьба
Возле каждого нас заикнется удачей,
И выкрики счастья, как гончих труба,
Зальются по первому снегу плача.

И вот: зеленою вешнью ужалишь,
И стол, словно пахота, урожаем кричит,
Копни же поглубже крапленую залежь,
Сумей же снять пенки и с могильных плит!

Садятся. Начали. Шуршат. На этого поэта смотрят не то с завистливым подозрением, не то с подозрительной завистью. Точно не определю: забыл. Уже по одному тому, что женщины, да не одна, а все: и брюнетки, и шатенки, и блондинки, — пересаживаются поближе к нему, заговаривают с ним, глазки ему строят, подмигивают ему, этому самому поэту, понятен суетливый жребий и капризный, сюрпризный бег игры. Пауза. Пауза длится. Поэт отходит от карточного стола и очень, до неприличия небрежно складывает деньги в разные карманы. Похоже, что это не на самом деле всё, а понарошку, на сцене, в театре, ну хотя бы в опере, в «Пиковой Даме», что ли, где актер, нет, не актер, а артист действительно не знает, что ему делать с этими бумажками, олицетворяющими деньги.

Поэт

Конечно, везет,
Как всегда и во что бы!
Колода, как улей, свой мед
Отдает
Мне, игроку,
И пчелы карт, которые в злобе
Других пережалили, ко мне — как к цветку!
От этого счастья я пропахнул рогожей,
Потому что на жизни всегда волочу этот куль.
И вот ухмыляются просаленной рожей

В железке — восьмерка и в покере — фуль.
Мне скучно!
Но скучно!
Облеплен удачей,
Не конца Поликратова я страшусь,
А просто мне скучно,
Как скучает зрячий,
Которому глаза промозолила Русь!
Сумасшедшее счастье дано России.
Если б сели за зеленый стол державы,
Так карта Европы и все другие,
Конечно бы, ей, не рожденной, но ржавой;
И так же, как мне, ей безвесело жутко
Встретить набожно в пространствах глухих
Девушку с глазами, как незабудка,
Женщину с сердцем вымученным, как страшный
стих!
Ах, нигде,
Но нигде
Так в глуши не прославлены
Частоколы набата и всплески крестов!
Нет, нигде
Это небо так не издырявлено
Мольбами, взнесенными сквозь день до облаков!

Игрок

Опять болтовня! Если счастье — гуляка
Звонит в твой подъезд, открывай-ка скорей!
Иначе уйдет переулками мрака
И шагами проблещут цветы фонарей.

Поэт

Как швейцар недоспавший, совсем неохотно
Открываю я сердце на этот костлявенький стук.
Ведь у счастья и смерти похож оскал неплотный
И совсем одинаков злогромкий тук-тук.

Опять садится к столу. Постепенно все взгляды отпадают от поэта. Не кокетничают с ним тонкие девы, полные подведенных глаз. Не засматриваются на него пышные женщины, не подмигивают заискивающе, а пересаживаются от него, подальше усаживаются, отплывают. Всё понятно. Ход игры понятен.

Поэт

Пусть текут эти слезы уплывающих денег
По щекам моих карт за отчаянье шхер,
Но пусть завтрашний день, неврастеник,
Мошенник,
Будет мрачен и черен, но только не сер!
Я гляделся подолгу в пустоты бутылок,
Красную кровь белым вином разводил,
Но коротко подстриженных событий затылок
Меня никогда за собой не манил.
Истекал небылицами образов четких,
Пропотевши вернью вздрожавших стихов,
Но в зрачках секунд, кокетках кротких,
До дна не достал я веслом моих снов.
Я могу вам прокрикнуть то единое слово,
На котором земля помешалась вчера,
И зазвучит оно, выкрученное, хаосом снова,
И девушкой руки изломит в вечера.

Я бродил по апостолам, ночевал я в коране,
Всё, что будет, я выучил там, дилетант,
Как в грязном, закуренном земном ресторане
Замызганный проститутками прейскурант.
Не видал я шагов рыдающих великанов,
Но ведь знаю, что плачут, и не слезы, а гной!
А он кляксами зеленых океанов
Затопляет прыжок мировой!

Отходит к окну. Вдруг выучился плакать, плакать хорошими, детскими, важными слезами. Стоит, стынет и никнет у окна с красными, как после поцелуев губы, глазами.

П о э т

Вот кричал я. Но в радости, в стоне ли,
В устали камней святых, как поэту слова,
Где вы, уютные, милые, поняли,
Чтоб в небо упёрлась моя голова?!
Я согнусь, если надо,
Если надо —
Вспрямею,
Если надо —
Криком согрею
Иззябь тишине,
Если надо —
Суматоху тишиною проклею!
Почему ж ничего не надо
Мне?!
О, дни мои глупые! Какой исковерк вы
Привлечете тому, кто ненужью томим?!
Вот пойду я, невзрачный,
В мрачныя

Церквы,
Как товарищ детства, поболтаю с ним.
Я спокойное лицо его мольбой
Изуродую,
Мы поймемся с ним, мы ведь оба пусты,
Уведу я его за собой,
Безбородого,
Ночевать под мосты.
А если он мне поможет, как сирым
Когда-то помог он распятой душой,
Его высоко подниму я над миром,
Чтобы всем обнаружить, какой
Он большой!!!

Шатко и валко проходит, ходит к выходу. Шаги стучат по заглушающим коврам, как сердце, говорящее, стучащее любимому вслед: Милый! Милый! Милый! Бельмами поблескивает за окном вьюга блоковская, мятельная, пурговая, снеговая да такая белая, белая, без конца. К отходящему из действия поэту подбегает прислуживающий мальчик и что-то лукавое спрашивает, затаенно предлагает, по-нехорошему. Поэт улыбко глядит на него. Посмотрел в присталь, в упор, быстро отвечает, кинул слово и в двери Тут....

Плавно и медленно опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тут поднимается занавес и...

Очень высоко. Немного полусумрачно. Пустовато как-то, ненаполненно. На стенках — черныя с золотом изображения. Чайныя розы свечек огоньком позыбливаются и подергиваются. Воздух пахнет ладаном и славянизмами торжественными. В углу стоит Бог. Как только входит сюда поэт, Бог раскрывает руки, как часовые стрелки, когда без четверти три: ведь его представляют именно так.

П о э т

Здравствуй!
Здравствуй, как Пьерро из гипса,
Пробелевший в неудобной позе века и года!
Я сегодня об мир коленкой ушибся
И потому прихожу сюда.
Я прошел сквозь черные вены шахты,
С бедер реки прыгал в качели валов,
Был там, где траур первой пахоты
Грозил с рукава лугов.
Когда пальцы молний тёрли небес переносицу
И гроза вызернивалась громом арий,
Я вносил высоту в широкополую многоголосицу,
В самую июль я бросал краснощекий январий!
Вместе с землею кашлял лавой
И в века проходил, заглумясь и грубя!
А ты здесь сидел, спокойственно величавый,
Ибо знал, что земля не сбросит тебя.
И сегодня — уставший бездельник труда,
Рождающийся самоубийца и неслух,

Грязный и мутный, как в окнах слюда,
Выцветший, как плюш на креслах, —
Прихожу
К тебе и гляжу
Спроста,
Сквозь сумрак, дрожащий, как молье порханье;
Скажи: из какого свистящего хлыста
Свито твое сиянье?

Бог непроницаемо молчит, и только под сводами черного с золотом протянется, тянется вопрос поэта. Вот долетели звуки, звуки взлетели под самый купол, взвихрились, долетели, зазвучали, запели вверху и замерли, попадали обратно, замерли и умерли. Паузит. Только Бог с любопытством рассматривает, разглядывает, глядывает говорящего.

Поэт

Ну, чего раскорячил руки, как чучело,
Ты, покрывший собою весь мир, словно мох;
Это на тебя ведь вселенная навьючила
Тюк своих вер, мой ленивенький Бог!
И когда я, малая блоха вселенной,
Одна из его поломанных на ухабах столетия спиц,
Заполз посидеть в твой прозор сокровенный,
Приплелся в успение твоих ресниц, —
Ты должен сказать! Ну! Скажи и помилуй!
Тебя ради прошу: глазищами не дави!
Скажи мне, высокий! Скажи, весь милый,
Слово, похожее на шаг последней любви!

Бог опускает руки и потирает их. Открывает, как двери страшного суда, губы, и большая пауза перед первым словом Бога распространяется в воздухе.

Бог

Вы сами поставили меня здесь нелепо,
Так что руки свело и язык мой затек!
Ведь это сиянье подобио крепу,
Который иа мой затылок возлег.
Поставили сюда: гляди и стой!
Ходят вблизи и жиреют крики.
Это вы мне сказали: Бог с тобой!
И без нас проживешь как-нибудь, великий.
Выскоблив с мира, как будто ошибку
В единственно правильной четкой строке,
Воткнули одного, ободранной липкой,
И поцелуи, как кляксы, налипли на правой руке.

С тоской улыбается, усмехается. Нервно походит, ходит. Вспоминает детство и родителей, должно быть. Детство, цветы, подвиги и отчизну свою случайную вспоминает. И похаживает нервно.

Бог

Я так постарел, что недаром с жолтым яйцом
Нынче сравнивают меня даже дети.
Я в последний раз говорил с отцом
Уже девятнадцать назад столетий!
Пока зяб я в этой позолоте и просини,
Не слыхав, как падали дни с календаря,
Почти две тысячи раз жолтые слова осени
Зима переводила на белый язык января.
И пока я стоял здесь в хитонной рубашке,
С неизменью улыбки, как седой истукан,
Мне кричали: Проворней, могучий и тяжкий,
Приготовь откровений нам новый капкан!

Я просто-напросто не понимаю
И не знаю,
В сони
Застывший: что на земле теперь?
Я слышу только карк вороний,
Взгромоздившийся чорным на окна и дверь.

Поэт

Всё вокруг — что было вчера и позже.
Всё так же молитва копает небо, как крот.
А когда луна натянет жолтые вожжи,
Людская любовь, как тройка, несет.
Всё так же обтачивается круглый день
Добрыми ангелами в голубой лучезарне;
Только из маленьких ребят-деревень
Выросли города, непослушные парни.
Только к морщинам тобой знаемых рек
Люди прибавили каналов морщины,
Всё так же на двух ногах человек,
Только женщина плачет реже мужчины.
Всё так же шелушится мохрами масс
Земля орущая: зрелищ и хлеба!
Только побольше у вселенских глаз
Синяки испитого неба!

Бог

Замолчи!.. Затихни!.. Жди!..
Сюда бредут
Походкой несмелой;

Такою поступью идут
Дожди
В глухую осень, когда им самим надоело!

Поэт отходит, уходит в темь угла. Как сияние над ним, в угаре свеч и позолоты, поблескивает его выхоленный тщательный пробор и блесткие волосы. Замер одиноко. Выступает отовсюду тишина. Бог быстро принимает обычную позу, поправляет сиянье, обдергивает хитон, с зевотой, зеваючи, руки раскрывает. Входит какая-то старушка в косынке.

Старушка

Три дня занемог! Умрет, должно быть!
А после останется восемь детей!
Пожух и черней,
Как будто копоть.
Пожалей!
Я сама изогнулась, как сгоретая свечка,
Для не меня, для той,
Послушай!
Для той,
Кто носит его колечко,
Спаси моего Ванюшу!
Припадала к карете великого в митре!
Пусть снегом ноги матерей холодны,
Рукавом широким ты слезы вытри
На проплаканных полночью взорах жены!

Семенит к выходу. Высеменилась. Подыбленная тишина расползается в золото и чорное. Бог опять и снова сходится с поэтом посередине. Бог недоуменно как-то разводит руками и жалобливо, безопытно смотрит на поэта.

Бог

Ты слыхал? А я не понял ни слова!
Не знаю, что значит горе жены и невест!
Не успел я жениться, как меня сурово
Вы послали на смерть, как шпиона неба и звезд.
Ну, откуда я знаю ее Ванюшу?
Ну, что я могу?! Посуди ты сам!
Никого не просил. Мне землю и сушу
В дар поднесли. И приходят: Слушай!..
Как от мороза, по моим усам
Забелели саваны самоубийц и венчаний,
И стал я складом счастий и горь,
Дешевой распродажей всех желаний,
Вытверженный миром, как скучная роль!

Поэт

Я знал, что ты, да — и ты, несуразный,
Такой же про́клятый, как все и как я.
Словно изболевшийся призрак заразный,
По городу бродит скука моя.
Мне больно!
Но больно!
Невольно
Устали
Мы оба! Твой взгляд как пулей пробитый висок!
Чу! Смотри: красные зайцы прискакали
На поляны моих перетоптанных щек!

Бог

(потягиваясь и мечтательно)

Выпустить отсюда, и шаг мой задвигаю
Утрамбовывать ступней города и нивы,
И, насквозь пропахший славянскою книгою,
Побегу резвиться, как школьник счастливый.
И, уставший слушать «тебе господину»,
Огромный вьюк тепла и мощи,
Что солнце взложило земле на спину,
С восторгом подниму потащить я, тощий!
И всех застрявших в слогах «оттого что»,
И всех заблудившихся в лесах «почему»
Я обрадую, как в глухом захолустье почта,
Потому,
Что всё, как и прежде, пойму.
Я всех научу сквозь замкнутые взоры безвольно
Радоваться солнцу и улыбке детей,
Потому что, ей-Богу, страдать довольно,
Потому что чувствовать не стоит сильней!
И будут
Все и повсюду
Покорно
Работать, любиться и знать, что земля
Только трамплин упругий и черный,
Бросающий душу в иные поля.
Что все здесь пройдет, как проходят минуты,
Что лучший билет
На тот свет —
Изможденная плоть,
Что страдальцев, печалью и мукой раздутых,
Я, как флаги, сумею вверху приколоть!

Поэт

И своею улыбью,
Как сладкою зыбью,
Укачаешь тоску и подавишь вздох,
И людям по жилам холодную, рыбью
Кровь растечешь ты, назначенный Бог!
Рассказать, что наше счастье великое
Далеко, но что есть оно там, — пустяки!
Я и сам бы сумел так, мечтая и хныкая,
Отодвинуть на сутки зловещие хрусты руки.
Я и сам, завернувшись в надежды, как в свитер
верблюжий,
Укачаясь зимою в молитвах в весну,
Сколько раз вылезал из намыленной петли наружу,
Сколько раз не вспугнул я курком тишину!
Но если наш мир для нас был создан,
Что за радость, что на небе лучше, чем здесь!
Что ж? Поставить твой палец, чтоб звал между звезд
он:
Уставший! Голубчик! Ты нá небо влезь!
Ведь если не знаешь: к чему этот бренный,
Купленный у вечности навырез арбуз,
Если наш шар — это лишь у вселенной
На спине бубновый туз, —
К чему же тебя выпускать на волю?
Зачем же тебя на просторы пролить?
Ведь город, из поля воздвигнувший, полем
Город не смеет обратно манить!
Сиди, неудачный, в лачуге темной,
Ты, вычеканенный на нас, как на металле монет,
Ты такой же смешной и никчемный,

Как я — последний поэт!!!
Сиди же здесь, жуткий, тишиной
Зачумленный,
Глотай молитвы в раскрытую пасть,
Покуда наш мир, тобой
Пропыленный,
Не посмеет тебя проклясть!

Стремительно выбегает из очень высокого, чорного с золотом, и бурно падает громыхающий, слетающий занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сразу запахло в воздухе листвой, заиграла музыка, и, как легкие облака, проплывает в сторону занавес, и...
Поле как таковое. Самая убедительная весна. Медленно и нелепо проходит, в широкой шляпе, с галстуком широким бантом, прохожий юноша.

Юноша

Там, где лес спускается до воды,
Чтоб напиться, и в воду кидает теней окурки,
Как убедительны пронзительные доводы
Изнемогающей небесной лазурки!
И хочется солнцу кричать мне: Великий, дыши,
Истоптавший огнями провалы в небесах,
Где ночью планеты, как будто выкидыши,
Неочертаны в наших зрачках!
А грозе проорем: Небеса не мочи,
Не струйся из туч в эту сочную ночь!
Потому что корчиться в падучей немочи

Этим молниям сверким невмочь!
Потому что к небу обратиться нам не с чем,
Потому что вылегли слова, от печали, как градом
хлеб,
И любовью, как пеною жизни, мы плещем
В крутые берега безответных молеб!

И уходит, за прилеском исчезает, тает... А откуда-то, очень осторожно, в лакированных туфлях, прыгая, как заинька, с кочки на кочку, с комочка на камушек, пробирается между луж поэт. Подмок, городской, попрыгает, попрыгает да и плюхнется в воду и весьма неодобрительно отряхивается. Не нравится ему всё это, да что поделать. Прыгай, скачи, городской беглец. Допрыгаешься.

Поэт

Там огромную пашню мрака и крика
Прозвякало сталью лунных лопат,
И сердце весенне стучит мое дико,
Словно топот любовных земных кавалькад.
И в сетку широт и градусов схваченный
Детский мячик земли, вдруг наморщившей почву,
как лоб,
И напрасно, как будто мудрец раскоряченный,
Жертву взоров на небо вознес телескоп!
И над луной пригородного мягкого кителя,
И над блестящей шоссейной чешуйкой плотвы
Тихо треплется в воздухе купол Спасителя,
Как огромная папильотка жирной Москвы.
За табуном дачек, где горбы верблюжьи
Смешных и ненужных бугров,
Где торчит тупое оружье

Телеграфных присевших столбов,
Там весна ощупывает голубыми ручьями,
Страстнея и задыхаясь, тело земли,
И зеленое «Христос Воскресе» листами
Леса
К небесам
Возвели!
И скоро в черной краюхе пóля
Червями зелень закопошится и взлягут
Широкие уши лопухов, безволя,
На красные глаза осовеющих ягод.
И там, где небо разошлось во все стороны,
В ночнеющем прорыве крутых облаков,
Сумрак нескоро промашет полетами ворона,
А луна ли вскопнет этот сумрак сохою клыков.
И я — поэт — веснею плоско,
Прорастая грибами растущнх поэм,
И в темном лесу мой отвечный тезка
Песни сбивает в лиловеющий крем.
Ну, что же?! Так значит: литься
И литься,
Истекая стихами, как светом луна,
И с кем-нибудь подобно мне полюбиться,
И нужно кавычками сцапать «она!».
И вот у гроба! И, словно на лоб нули,
Полезли глаза, в которых ржавеет карью боль.
Когда все пути от странствий набухли и лопнули,
Пусть и сердце течет, как моя водяная мозоль.
Мир, раненный скукой моею навылет,
Оскаля березовый просек во тьму,
До конца, безнадежно и вычурно вылит
В лохань этих букв вековых «почему».

Из-за дач выходит девушка. Развинченной походкой напоминает босоножку она. И руки как босоножки. Знает, что профиль у нее интереснее фаса, и все время держится в профиль ко всему. Взгляд ее расплывается в весеннем просторе, как чернила на промокательной бумаге. И, увидя поэта, делает большую кляксу. Большую черную кляксу.

Девушка

О чем грустнеете! Посмотрите: как в тосте
Сталкиваются фужеры, эти ветки стучат!
Поэтичную грусть на взвей-ветер бросьте,
Улыбнитесь на пляску веселых звучат!

Поэт

В городе, богатом стуком и мучью,
Где в улицах серьги фонарей висят,
Где залив моря, точно грудь проститучья,
Вываливается из корсета камнистых громад,
И на этих грудях прыщами желтеет пена,
А утесы жмут морскую ладонь,
И витрины глотают пастью бессменной,
Как в цирке факиры, рекламный огонь,
Где город перебросил на ленте бульваров суму,
Незримую даже и мне — поэту,
Там видал я его, застывшего ни к чему,
Считавшего минуты, как нищий монеты.
Он привычным лицом улыбнулся мне,
Сознался навыклым тоном в обидах,

И вот я беспомощен и снова весне
Отдаю свой мечтательный пламенный выдох!

Девушка

Посмотрите: у меня чуть-чуть незабудки,
Я тоже весенюсь и любить прихожу!
Растеряв на дорогах февральские шутки,
Ни о чем не тужу.
Ведь время такое, притягивающее, мокрое!
Дни проходят небыстрым гуськом!
И я, наполняясь похотью до́-края,
Не могу согреться календарным теплом.
Ты поэт, а они всегда и повсюдно
Говорили о любви, и вот,
Когда мне от любви особенно трудно,
Когда вся я раскрылась, как зарей небосвод,
Я зову тебя. Не надо мне вовсе
Того, что привык ты всем прошептать!
Ты поэт и мужчина. Так иди же за мной,
приготовься!
Поцелуем маю откозырять!

Поэт

Ах, упасть на кровать, как кидаются в омут,
И телами,
Как птица крылами,
Как в битве знамя,
Затрясти и захлопать.
А губы вскипят сургучом и застонут.

И всю эту черную копоть
Любви до бессилья раскутать.
Пропотеть любовью,
Как земля утренней росою, ни разу не спутать,
Не позабыть, где изголовье!

Девушка

Да! Да! Между нами
Поцелуи заогромнятся,
Как белая пена между телами
Соостровья!
Я хочу! Я нескромница!
Я бесстыжая!
Но весна такая рыжая!

Поэт

И солнце бодает землю шилом,
Щекоча умелыми пальцами лучей, —
Неужели же только тел хочущих вылом,
Неужели же только чехарда ночей?!

Девушка

Но поэты сами нас звали вылиться,
Как лавой вулкан, как минутами час.
Любовь, как большая
Слепая
Кормилица,
Прокормит обоих нас.

Поэт

Боже, как скучно! Послушай, ведь это ужасно:
Чуть весна своей кисточкой красной
На лицах прохожих, слегка туманных,
Зарисует веснушки, и после зари,
Как жолтые птицы в клетках стеклянных,
На улицах зальются пухлые фонари, —
Так сейчас же во всех этажах,
Как стряхнутый снег, белье срывается,
И в кроватях, в корчах, во всех домах
Люди катаются,
Как на Пасху яйца,
Крутятся, извиваются,
Голые, худые, тучные!
Клешнями рук защемляют друг друга,
Слюнн смешав, целуются трудно и туго!
Не знаю, как тебе, а мне,
В моей тишине,
Всё это смертельно скучно!

Девушка

Да, но ведь и Уж с животом противно-стальным
На голове несет корону!
И в постелях над всем немного смешным
Золотят парчу радости страстные стоны.

Поэт

У лохмотий зимы не могу без сил.
Не хлопай глазищами ты, как в ладоши.

Я сегодня, тоскливец и совсем нехороший,
Пойду зарыдать у чугунных перил.
Пусть резинкой тепла снега как-то вдруг
Сотрутся, протрутся, не плача, не ноя,
По канавам полей, как по линиям рук,
Я, цыганка, земле предскажу лишь дурное.
Ах, и улицы хотят выволочиться из города,
И сам город вывертывает харю свою.
И ночь трясет мраком, как козлиную бороду,
И вздыхает: Спаси, Господи, полночь твою!
Нет! Не коснется весною строфа уст,
И не встретить мне, видно, зари той,
В которой я, захудалый Фауст,
Не спутаю Марты с Маргаритой!

Девушка вприпрыжку, попрыгивая и развинченно, напоминая босоножку, уходит. Уходит, насвистывая что-то, веселый мотивчик какой-то из оперетты; высвистывая из оперетты в тон весеннему полю. Медленно приходит женщина, честная, как, конечно, всякая женщина, вся растворенная в весне и воздухе, прополненная весной и лазурью.

Поэт

Еще и снова! И к этой тоже!
И с ней про любовь! И здесь не найду!
И вот я пестрею, на себя не похожий,
Не похожий на марабу и какаду!

Женщина томно, темно, истомно веснеет и укромно шепчет, лепечет.

Женщина

Я ищу любовника тихого, как сахар сладкого,
Умеющего облиться ливнем моих волос.
Всё равно мне какого: хорошего, гадкого,
Стройного, как восклицание, сгорбленного, как
вопрос.
Но в теплой прическе вечера спутанного,
Где краснеет, как шрам, полоска лучей,
Приласкаю его я, беспутного.
Еще нежней!

Поэт

А потом — «да!»,
Когда
От этой нежной ласкови взбесится
Жоланий взлетный качель
И жолтый якорь месяца
Зацепится за постель.

Женщина

Тогда нежно ласкать моего хорошего,
Втиснуть, как руку в перчатку, в ухо слова...

Поэт

Ну, а после едкого, острого крошева,
Когда вальсом пойдет голова?

Женщина

Сжимая руки слегка сильнее,
Мечтать о том,
Что быть бы могло!

Поэт

А потом?!...
Всё и всё нежнея,
Лопнет ласка, как от кипятка стекло,
Станут аршины больше са́жени,
Замахавши глазами, как торреро платком....

Женщина

Тогда тихо,
Тихо,
Чуть-чуть увлажненней,
Поцелуй раскачнется над лбом.
Так долго,
Ах, долго,
Пока баграми рассвета
Не выловится утонувший мрак в окно,
Ласкать и нежить моего поэта,
О котором желала давно...
Трепеты,
Взлепеты,
Облик картавый...

Поэт

Тихое «нет» перемножить на «да» —
И вместе рухнуть поющей оравой...

Женщина

Никогда!

Поэт

Неужели и в этот миг — «нет»?
Когда тело от ласки пеною взбродится,
Когда взгляд любовника прыгнет,
Как сквозь обруч клоуна, сквозь уста?

Женщина

Тогда тихо взглянуть, как глядела Богородица
На еще не распятого Христа!
И в речницах припрятать эту страсть, как на память
платок...

Поэт

А тело несытое, как черствый кусок,
Опять покатится на окраины
Подпевать весне, щекочущей бульвары,
Опять ходить чаянно

Без пары!
Но ведь я поэт! Я должен стихами пролиться!
Я должен, я должен любиться!
В городах, покрытых шершавой мостовой,
Точно кожей древесной жабы,
Я пойду искать такой,
Которая меня увлекла бы.
Смешной
И невзрачный, побреду влюбляться
И, не смея не верить, безнадежно почти,
Буду наивно и глупо искаться
С той,
Которую не должен найти!
В провалы отчаянья, по ступенькам досады,
Я буду искать ту, которой нет.
А если б нашел я ту, что мне надо,
А если б знал я то, что мне надо,
Тогда бы я был не поэт.

И мелкой, мелкой рябью, сеткой моросит занавес...

Осень 1915 — январь 1916

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»

152. Я МИНУС ТЫ

Этот день жуткой зябью сердит,
Ты одна, далека. Я один совершенно.
Милых глаз двоеточье приди!
И шатается мозг мой блаженный.

Сколько утр в серебре меня
Ты выглядываешь из окна,
Нежна
и легка.
За тяжелым паровозом времени
Зелеными вагонами тоска.

И сегодня город в тумане
Без очертаний
(Как горец в шотландском пледе!)
Глядит: падают хлопья субботы;
Срывает ветер с налета
С колоколен тяжелые листья меди!

Ах, а где-то пунктиром фонарика
Намечена Тверская в половодьи молвы,
И легла морщиной Москва-река
На измятый лоб Москвы.

Нет! Закрой эти ночи! Как дует!
Мутный зуд этих буден заныл точно зуб.
Я не помню, как рот твой меня целует,
Но помню широкую Волгу губ.

И только. А утро нарастает мозолью
На стертых пальцах усталых ночей...
О, какой человеческой болью
Задремать на твоем плече.

15 сентября 1916

153. ПРИНЦИП ПЕРЕВОДА

У короля была корона
Единственная в мире. Нет!
Сегодня вечером влюбленный
Ошибся первый раз поэт.

От любви зашумело в его голове.
Дело было здесь в Москве.

У кого-то было ожерелье дорогое.
Да,
Такое,
Каких не бывает, каких не сыскать.
Сколько раз оно было воришками срезано,
Но назад приносили: оно бесполезно,
Оно ведомо всем и куда же такое продать.

На путн из театра его теряли в карете,
Но на самом рассвете,
До публикаций в газете,

Его приносил владельцу нашедший... Тук-тук!
— Это, кажется, ваше, мой друг?!

И вдруг
Пропало. Вот тебе на!
Была осень, а не весна.
Да. Та самая осень, в которой
Август нюхает воздух пропахший, сырой.
Кто же и как же воры?
Чей украдено ловкой рукой?

Они его украли
И сломали.
Разбили. Вынули камни зрачков.
Расплавили души золотую оправу.
Продали по кускам,
По частям,
Много клочков,
Налево и направо.

И только много позже, несколько месяцев спустя,
Когда владелец бегал, плача, как дитя,
Искал, всё еще не теряя веры,
Несколько раз убив себя из револьвера,
Он вдруг нашел, закричал, как безумный
в больничных стенах:
— Держите! Вот! Вот она. Ах!

Да, безумец, ты прав! Это облик ее появился,
И улыбкою глаз он обрызгал твое бытие.
Это в строках моих ее профиль склонился,
Этот ритм моих строк — это сердце ее.

Не грусти же, мой жалкий, вдруг нищий,
загубленный,
Не носи ты, как траур, длинный мрак вечеров
В глубине своих глаз, муж моей светлой
возлюбленной,
Да, я был в этой шайке ловких воров.

И мне твоя понятна боль,
Понятен вопль твой влюбленный.
Здесь, право, не причем король
И не причем его корона.
Всё это клочья старых грез!
Только глаза твои, полные слез,
Над провалами скорби и просини.

Это было в Москве отсыревшею осенью.

Протянулась, как в воздухе на шабаш колдунья,
Рука времени, мохнатая волосьями дней.
Вот уж слева ползет,
И ползет новолунье
Счастливой влюбленности рыжей моей.

3 января 1918

154. ПРИНЦИП ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Как кнутом укротителя, резкою фразой,
Ты стегнула по сердцу, заламывая бровь.
Кровь
Проступила из сердца, как слезы из глаза,
И если могла бы из глаз проступила бы кровь.

В духоту к тебе руки, и стонами вышел,
Растворившись, как сахар в чаю, в тишине.
Но на крик только писком дразнящимся мыши
Возразили мне.

И измучен обидой, как чесоткой, как зудом,
Я дрожал перед серою истиной глаз.
Ты дразнила меня, как в зверинце верблюда
Осовевшего яростью, дразнят подчас.

Посмотри: уж не я: это в грудь Себастьяна
Будто стрелы вонзаются фразы и боль
Ты хохочешь и в сердце, как свежую рану,
Щедро сыплешь свой смех остроедкий, как соль.

И когда я прижался, как бегущий в подполье,
И, срываясь в отчаянье, как на лыжах с круч,
К твоим пальцам припал, — ты ответила с болью:
— Любимый! Не мучь!

4 мая 1918

155. СОДЕРЖАНИЕ МИНУС ФОРМА

Всё тоже. Всё тоже: бабье кликушество истин,
Истерика пуль, обручальные кольца веревок вкруг
шей.
И призрак свободы всё более стал ненавистен,
Погромыхивая цепями из конуры идей.

Холера и заговор. И зловещие вести.
Профиль анархий чернее угля.
Ныне к лику святых сопричислено двести,
Завтра тысячью тел занозится земля.

А кто-то сердито по волосочку выщипал
Юношескую веру с подбородка России, и рад.
Но как прежде руками ждущего нищего
К Европе протянут наш клянчащий взгляд.

Сквозь шабаш повстанский, между жуткой тоски его,
Когда бьюсь я о полночь, как рыба от лед,
Лишь вашей короткой открыткой из Киева
Взъерошен событий неправедный ход.

И вот,
Забывая об убийствах грустливых,
Сквозь вой оглушительный: — Спасите! Горим! —
Помню: губы твои, словно спелая слива
На солнце, лопались под поцелуем моим.

6 августа 1918

156. ПРИНЦИП ИСКРЕННОСТИ

Памяти Н.

Словно вялые, тихие рыбы,
Проплывают лучи на коврах,
На стенах...
Вы простили бы, если могли бы,
Но слова запеклись на губах.

Я прошел мимо Вас, и ваш голос не звонок,
Только воск догорел побледневшей руки.
Мой замученный, нежный котенок!
Я не знал, что Вы так хрупки.

Вечера у камина и черные бабочки кокса.
Рой неправильно острых «р».

Разве я виноват, что тогда я увлекся
Вами в веере верных портьер?!

А когда задремали и слезинкой уставшей
Обронили себя на диванный вал,
Я подкрался и в шутку у Вас, у дремавшей,
Из шкатулки груди сердце украл.

Вы взглянули... И в этот взгляд вложили
Столько лет бессонниц и протянутых рук,
Безделушки любви под слоем пыли,
И в огромных залах растерянный звук.

...Только выстрел. И гроб уж. Рыжий ладан над Вами
И поводит ушами церковный покой.
Подойти; под безусыми моими губами
Вы не дрогнете ль узкой рукой?!

Звонкий день смеется над случайным убийцей.
Хохочет хватаясь за бока.
Как поднять мие Ваши ресницы?
Чем мне смыть эту кровь с виска?!

Ах, простите за всё: и за то, что незвонок
Был ваш голос, за синь на руках этих жил!
Мой замученный, милый котенок!
Мне казалось, что я Вас любил!

14 октября 1917

157. ПРИНЦИП СИНТАКСИЧЕСКОГО АГРАММАТИЗМА

Не губы и не глаза, но колонны многоточек,
Не сердце — на разорванных листиках стих!
И какой же сумеет в одно переплетчик
Меж картона любви переплести их?!

Как будуару привыкня голгофе
Дней отрекаясь бегущих стайкою кроликов,
Твой смех только сбитые сливки над горьким кофе
Под пронзительный шепот соседних столиков.

Но сгущая руками Москвы виски,
Вот веки упали саженью дров,
И жизнь сорвется, как под бурями вывески
Задавить их вешающих маляров.

Над могилою мелким петитом
Надгробные речи зазвучат на авось,
Так вспомни из гроба, что только я ритм
Этих губ не искал насквозь!

3 марта 1918

158. ПРИНЦИП ВНУТРЕННЕГО СДВИГА

Тортами звенят теплые окна кондитерской,
В переулках медвежатами шалят ветерки.
А какой же демон сегодня вытискал
Мое сердце из мягкой глины тоски!

Отчего ж это сердце кричит о ребро: Пусти
Меня прогуляться одной тишине!
Огромной наступающей провалью пропасти
Перевернуто небо мне.

И сердцем пробитым тоскою навылет,
Слезами топчущими щеки стадами коров,
Кому же сегодня опять опостылит
Оркестрион моих ласковых слов?

Опускаясь всё ниже, по ступенькам молвы, к ним
Придем: перемирье годин.
Ничего!
Ничего!
Мое сердце! Привыкнем
Мы и к этой тоске, что один.

В жёлтых белках плывут парою килек
Осовевшие безголовые зрачки,
И голос мой рожью беспомощно вылег
Под градом крупной тоски.

И весь растеряясь во вздохах и всхлипах,
Как губы, кусаю отбегающий час.
И гляди: до конца уже выпах
Флакон баккара моих глаз!

Ну, а небо повешено. И красной полоской на
полотенцах
Вышит шёпотом закат до земли.
А душа путь в зазубринах, сердце всё в заусенцах, —
Губы к любимой опять червями поползли.

2 марта 1918

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

159

Восклицательные знаки тополей обезлистели на
строке бульвара,
Флаги заплясали с ветерком.
И под глазом у этой проститутки старой,
Наверное, демон задел лиловым крылом.

Из кофейни Грека, как из огненного барабана,
Вылетает дробь смешка и как арфа платья извив;
И шепот признанья, как струпья с засохшей раны,
Слетает с болячки любви.

И в эту пепельницу доогневших окурков
Упал я сегодня увязнуть в гул,
Потому что город, что-то пробуркав,
Небрежным пальцем меня, как пепел, стряхнул.

С лицом чьих-то взглядов мокрых,
Истертым, как старый, гладкий пятак,
Гляжу, как зубами фонарей ласкает кинематограф
И длинным рельсом площадь завязывает башмак.

И в шершавой ночи неприлично-влажной
Огромная луна, как яйцо...
И десяткой чей-то бумажник
Заставил покраснеть проститутчье лицо.

Если луч луны только шприц разврата глухого,
Введенный прямо в душу кому-то, —

Я, глядящий, как зима надела на кусты чехлы белые
снова,
Словно пальцы, ломаю минуты!..

<1917>

160

Говорите, что любите? Что хочется близко,
Вкрадчиво близко, около быть?
Что город, сердце ваше истискав,
Успел ноги ему перебить?!

И потому и мне надо
На это около ответить нежно, по-хорошему?..
А сами-то уже третью неделю кряду
По ковру моего покоя бродите стоптанными
калошами!

Неужели ж и мне, в огромных заплатах зевоты,
Опять мокробульварьем бродить, когда как сжатый
кулак голова?
Когда белый паук зимы позаплел тенета
Между деревьями и ловить в них переулков слова?!

Неужели ж и мне карточный домик
Любви строить заново из замусленных дней,
И вами наполняться, как ваты комик
Набухает, водою полнея?!

И мне считать минуты, говоря, что они проклятые,
Потому что встали они между нас?..
А если я не хочу быть ватою?
Если вся душа, как раскрытый глаз?

И в окно, испачканный злобой, как мундштук
никотином липким,
Истрепанный, как на учебниках переплёт,
Одиноко смотрю, как в звёздных строках ошибки
...Простите: «Полюбите!» Нависли крышей,
С крыш по водостокам точите ручьи,
А я над вашим грезным замком вышу и вышу
Как небо тяжелые шаги мои.

Смотрите: чувств так мало, что они, как на полке
Опустеющей книги, покосились сейчас!
Хотите, чтобы, как тонкий платок из лилового шелка,
Я к заплаканной душе моей поднес бы вас?!

<1917>

161

Не может выбиться
Тонущая лунная баба из глубокого вздоха облаков.
На железной вывеске трясется белорыбица
Под звонкую рябь полицейских свистков.

Зеленый прибой бульвара о рыжий мол Страстного
Разбился, омыв каменные крути церквей.
И здесь луна утонула. Это пузырьки из ее рта
больного
— Булькающие круги фонарей.

На рессорах ветра улыбаться бросить
Ржавому ржанью извозчичьих кляч.
Крест колоколен строг, как проседь,
Крестом колоколен перекрестится плач!

И потекут восторженники, как малые дети,
Неправедных в рай за волосы тянуть.
Мое сердце попало в реберные сети
И ушлое счастье обронило путь.

Но во взметы ночи, в сумеречные шишки,
В распустившиеся бутоны золотых куполов,
Мысли, летите, как мошки, бегите как мышки,
Пробирайтесь в широкие щели рассохшихся слов.

С кругами под глазами — колеями грусти,
С сердцем пустым, как дача в октябре, —
Я весь, как финал святых златоустий,
Я молод —
Холод,
Прогуливающийся по заре.
И мой голос громок; его укрепил я, кидая
Понапрасну Богу его Отченаш;
И вот летит на аэро моя молитва большая,
Прочерчивая в небе след, как огромный карандаш.

Аэроплан и молитва это одно и то же!
Обоим дано от груди земной отлетать!
Но, Господи Маленький! Но, Громадный Боже!
Почему им обоим суждено возвращаться вспять?!

<1917>

162

За ветром в поле гонялся глупый,
За ребра рессор пролетки ловил —
А кто-то солнцем, как будто лупой,
Меня заметил и у моста схватил

И вот уж счастье. Дым вашей походки,
Пушок шагов я ловить привык.
И мне ваш взгляд чугунен четкий —
На белом лице черный крик.

Извиняюсь, что якорем счастья с разлету
Я за чье-то сердце зацепил на земле.
На подносе улыбки мне, радому моту,
Уже дрожит дней ржавых желе.

Пусть сдвинуты брови оврагов лесистых,
Пусть со лба Страстного капнет бульвар —
Сегодня у всех смешных и плечистых
По улицам бродит курчавый угар.

Подыбливает в двери, путается в шторе,
На жестком распятии окна умирает стук.
Гроздья пены свесились из чаши моря,
Где пароход, как странный фрукт.

Тени меняют облик, как сыщик,
Сквозь краны подъездов толпа растеклась,
И солнце играет на пальцах нищих,
Протянув эти пальцы прохожим в глаз

Ну, ну!
Ничего, что тону!
Врешь! Еще вылезу закричать: Пропустите!
Неизменный и шипучий, как зубная боль;
Потому что на нежной подошве событий
Моя радость жестка и проста, как мозоль.

<1917>

163

«Но всё, что тронет, — нас соединяет,
Как бы смычок, который извлекает
Тон лишь единый, две струны задев».

Рильке

Знайте, девушки, повисшие у меня на шее, как на
хвосте
Жеребца, мчащегося по миру громоздкими скачками:
Я не люблю целующих меня в темноте,
В камине полумрака вспыхивающих огоньками,

Ведь если все целуются по заведенному обычаю,
Складывая раковины губ, пока
Не выползет влажная улитка языка,
Вас, призываемых к новому от сегодня величию,

По-новому знаменем держит моя рука.
Вы, заламывающие, точно руки, тела свои, как
пальцы, хрупкие,
Вы, втискивающие в туннели моих пригоршен
вагоны грудей,
Исхрипевшиеся девушки, обронившие, точно листья,
юбки,
Неужели же вам мечталось, что вы будете совсем
моей?!

Нет! Не надо! Не стоит! Не верь ему!
Распятому сотни раз на крестах девичьих тел!
Он многих, о, многих, грубея, по-зверьему
Собой обессмертил — и сам помертвел.

Но только одной отдавался он, ею вспенённый,
Когда мир вечерел, надевая синие очки,
Только ей, с ним единственной, нет! В нее
влюблённый,
Обезнадёженный вдруг, глядел в обуглившиеся
зрачки.

Вы, любовницы милые, не притворяйтесь,
покорствуя,
Вы, раздетые девушки, раскидавшие тело на диван!
Когда ласка вдруг станет ненужной и черствою,
Не говорите ему, что по-прежнему мил и желанн.

Перестаньте кокетничать, вздыхать, изнывая, и охать, и,
Замечтавшись, не сливайтесь с мутною пленкой
ночей!
На расцветшее поле развернувшейся похоти
Выгоняйте проворней табуны страстей!

Мне, запевшему прямо, быть измятым суждено
пусть!
Чу! По страшной равнине дней, как прибой,
Надвигаются, катятся в меня, как в пропасть,
Эти оползни девушек, выжатых мной!

В этой жуткой лавине нет лиц и нет имени,
Только платье, да плач, животы, да белье!
Вы, трясущие грудями, как огромным выменем,
Прославляйте, святите Имя Мое!

<1917>

164. АНТИКВАР

Как антиквар седой
Старинной хрупкой вазой,
Гордился целый год тобой,
Любовь моя;
Разглядывая твои полночи, ласки, фразы,
Как антиквар следит изгибы и края.

Я знаю: у других такие ж вазы были,
Неподлинность их вмиг не я ли открывал?
И как на старине налет священной пыли,
Так над твоей душой твой серый глаз мерцал.

Скупой,
Как Гарпагон, я вскакивал с кровати
Проверить: правда ль я владелец вазы той,
И память, как сундук, чтобы просчитать объятья,
Я часто открывал среди низги ночной.

Но ненависть твоя сквозь нежность проблеснула,
И показалось мне, что взгляд не сер, а хмур,
И вот я нахожу клеймо: «Иванов — Тула»
На вазе из времен Петрарок и Лаур.

18 июня 1918
Свободный час

165. АНГЕЛ КАТАСТРОФ

Истинно говорю вам: года такого не будет!..
Сломлен каменный тополь колокольни святой.
Слышите: гул под землею? Это в гробе российский прадед
Потрясает изгнившей палицей своих костей.

Жизнь бродила старухой знакомой,
Мы играли ее клюкой.
Я луну посвящал любимой,
Приручал я солнце ей.

И веселое солнце — ромашкой,
Лепестки ее наземь лучи.
Как страницы волшебной книжки,
Я листал этот шёпот ночей.

Я транжирил ночи и песнн,
Мотовство поцелуев и слез,
И за той, что была всех прекрасней,
Словно пес, устремлялся мой глаз.

Как тигренок свирепый, но близкий,
За прутьями ресниц любовь.
Я радугу, как рыцарь подвязку,
Любимой надевал на рукав.

Было тихо, и это не плохо,
Было скучно мне, но между тем,
Оборвать если крылья у мухи,
Так и то уж гудело, как гром.

А теперь только ярмарка стона,
Как занозы к нам в уши «пли»,
Тихой кажется жизнь капитана,
Что смываем волной с корабля.

Счастлив кажется турок, что на кол
Был посажен султаном. Сидел
Бы всю жизнь на колу да охал,
Но никто никуда бы не гнал.

Казначейство звезд и химеры...
Дурацкий колпак — небосклон,

И осень стреляет в заборы
Красною дробью рябин.

Красный кашель грозы звериной,
И о Боге мяучит кот.
Как свечка в постав пред иконой,
К стенке поставлен поэт.

На кладбищах кресты, это вехи
Заблудившимся в истинах нам.
Выщипывает рука голодухи
С подбородка Поволжья село за селом.

Все мы стали волосатей и проще,
И всё время бредем с похорон.
Красная роза всё чаще
Цветет у виска россиян.

Пчелка свинцовая жалит
Чаще сегодня, чем встарь.
Ничего. Жернов сердца всё перемелет,
Если сердце из камня теперь.

Шёл молиться тебе я, разум,
Подошёл, а уж ты побеждён.
Не хотели ль мы быть паровозом
Всех народов, племен и стран?

Не хотели ль быть локомотивом,
Чтоб вагоны Париж и Берлин?
Оступились мы, видно, словом
Поперхнулись теперь под уклон.

Машинист неповинен. Колеса
В быстроте завертелись с ума.

Что? Славянская робкая раса?
Иль упорство виновно само?

О, великое наше холопство!
О, души мелкорослой галдеж!
Мы бормочем теперь непотребство,
Возжелав произнесть «Отче наш».

Лишь мигают ресницами спицы,
Лишь одно нам: на дно, на дно!
Разломаться тебе, не распеться
Обручальною песней, страна!

Над душой моей переселенца
Проплывает, скривясь, прозвенев
Бубенцом дурацким солнца,
Черный ангел катастроф!

25 сентября 1921

166. В ЧАСЫ СЕРЕБРЯНЫХ ПРИБОЕВ

Уже хочу единым словом,
Как приговор, итоги счесть.
Завидую мужьям суровым,
Что обменяли жизнь на честь.

Одни из рук матросов рьяно
Свою без слез приняли мзду.
Другим — златопогонщик пьяный
На теле вырезал звезду.

Не даровал скупой мой рок
Расстаться с юностью героем.

О нет! Серебряным прибоем
Мне пенит старость мой висок.

Я странно растерял друзей
И пропил голос благородства.
О, жизнь! Мой восковой музей,
Где тщетно собраны уродства!

Уже губительным туманам
В пространство не увлечь меня,
Уж я не верую обманам,
Уж я не злобствую, кляня.

И юношей и жен, напрягши
Свой голос, не зову со мной.
Нет! Сердце остывает так же,
Как остывает шар земной.

Обвенчан с возрастом поганым,
Стал по-мышиному тужить
И понял: умереть ие рано
Тому, кто начал поздно жить!

25 января 1926

167

Ах, верно, оттого, что стал я незнакомым,
В такой знакомой и большой стране,
Теперь и белый снег не утишает бромом
Заветную тоску и грустный крик во мне.

Достались нам в удел года совсем плохие,
Дни непривычные ни песням, ни словам!
О, муза музыки! О ты, стихов стихия!
Вы были дням верны! Дни изменили вам!

Поэтам говорю я с несолгавшей болью:
Обиды этих дней возможно ль перенесть?
Да, некий час настал. Пора уйти в подполье,
Приять, как долгий яд, луну, и ночь, и звездь!

Поэт, ведь в старину легко шёл на костер ты,
Но слушал на костре напев твоих же од,
А нынче ты один, ты падаешь простёртый,
И истиной чужой глумится вкруг народ.

Дарованы нам дни, друзья, как испытанье.
Без песен пересох язык и взгляд потух.
Пусть многим лёгок был час страшный расставанья
И отреклись стихов, хоть не пропел петух.

Как шпаг не сберегли, они сломали перья
И святотатствуют молчанием они!
За это отомстят в грядущем изуверьи,
Опять пленясь стихом, податливые дни.

А как до той поры? А что ж до той расправы?
О, как истратить нам пышнее день за днем?
Иль в путь, где пить и петь, теряя право славы,
И лишь безумствовать об имени твоем?

Да, знаю, день придет, он будет не последний,
Я лишь назначить час строками не берусь.
И влюбится народ, как прежде, в наши бредни
И повторит в любви седое имя Русь!

И к нам они придут, покорные народы,
Лишь голову свою тогда, поэт, не сгорбь!
Ведь пьянствовать стихом не перестанут годы.
И может ли без рифм удача жить и скорбь?!

18 февраля 1926

168. ВСТРЕЧНИК

...как бы двойного бытия

Тютчев

Да, что б ни свершилось позже,
Не ликовать пока нельзя.
Зимы серебряные вожжи
Апрель рукою теплой взял.

Еще, быть может, я не взрослый,
Так детски полюбил я сны.
Апрель, апрель! Садясь на козлы,
Правь тройкой бешеной весны.

И, чтобы не успел я вылезть,
Опомнившись иль сгоряча,
Кати, пока путь не извилист,
Дави прохожую печаль.

Эй, мальчик резвый и нестрогий!
Коней весенних осади!
Ты видишь: траурные дроги
Мы обгоняем впереди!

Держи правей, левей, мальчишка!
Чтоб не столкнуться колесам!
На дрогах гроб. Открыта крышка,
И в том гробу лежу я сам.

Ну, что ж, ну кто теперь не знает,
Что в час, когда луна мутит,
Земное счастье нагоняет
Земную смерть в нном пути.

Куда ни мчишь, куда ни метишь,
Но попадешь, о путник, в синь,
И, если смерть ты раньше встретишь,
Широким жестом шляпу скинь.

21 марта 1926

169. ПАМЯТИ Ю. Д.

А ну, сочтем-ка вместе, люди,
Что мне осталось потерять?!
— Двух псов, стихи, да чьи-то груди,
Да право скучное: «страдать»!

С такой душой луну не кличут,
Вброд переходят алкоголь,
И у таких один обычай:
От любопытных прятать боль.

Теперь уж я не знаю бредней
И не мечтаю до зари,
И только хочется в последний
Скупую жизнь благодарить.

За всё, что память сохранила,
За растранжиренный покой,
За отблеск юности унылый,
За то, что так забыть легко!

Да, да! Как всё забыть легко мне,
Как счеты спутать вненарок.
И лишь одно навек запомню:
Тебя и спущенный курок.

Твой взор сиял, еще так тонок,
Что сам не понял я, скорбя:
Ты от меня ушла, ребенок,
Иль ты бежала от себя.

18 мая 1926

170. СТРАШНЫЙ ГОД

За один год я потерял жену и друга.
Это страшней, чем родиться вторично.

Э. По

Не счесть в году нам колесниц,
Что траурной влекутся клячей!
Да! Нынче на самоубийц
У смерти редкая удача!

На счастье нынче нищета.
Старуха-смерть, ты мне поведай:
Сама ты можешь сосчитать
Свои жестокие победы?

Ведь у могильщиков мозоли
От беспрестанного рытья,
В земле уж нету места боле
Для дезертиров бытия.

Как будто спор с повадкой лет
Скорей, скорей окончить надо.
Везде у сердца пистолет,
У губ — бокал зловещий яда.

И вену синюю в руке
Вскрывает ночью нож скорее,

Везде, везде на потолке
Есть гвоздь, веревка, петля, шея.

Глядя на траурный синклит,
Спеша, ушедших в стан загробный,
Запрятавшихся в панцирь плит
От оскорблений жизни злобной, —

Я понимаю: смерть зовет,
И утешаюсь: уж не бред ли?
И свой наметивши черед,
Я всё же отчего-то медлю!

Я понимаю: этот год
Протяжнее иных столетий.
Но он пройдет, как тот уйдет,
Кого нам никогда не встретить!

1928

171

«Сегодня доктор мне сказал:
у вас туберкулез. Я даже обрадовался».

Ж. Лафорг. Письма

Оттого так просто жить на свете,
Что последний не отнять покой
И что мы еще немного дети,
Только с очень мудрой головой.

Нам достались лишь одни досуги,
Да кутёж в пространствах бытия,
Только легковерные подруги
И совсем неверные друзья.

Притворяясь, что обман не вечен,
Мы наивно вдруг удивлены,
Что на вид такой приветный вечер
В дар принес мучительные сны.

Эту грусть, пришедшую из прежде,
Как наследство мы должны хранить,
Потому что места нет надежде,
Так как жребий нам не изменить.

Можно жить несчастьями одними,
Так вся жизнь до простоты ясна.
Ведь обманом осень всё отнимет,
Что сулила нам, как лжец, весна.

Оттого, что мы немного дети
С очень, очень мудрой головой,
Нам почти легко страдать на свете,
Где итог за гробовой доской.

4 июня 1926—1929

172. РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

«Он верный друг!»

В. Брюсов

Там на вершине скал отвесных,
Откуда смертным схода нет,
Ты шепчешь много слов чудесных,
Безвольный требуя ответ.

На рельсах железнодорожных,
Зовя под встречный паровоз,

Ты манишь их, неосторожных,
Чтоб головой под треск колес.

Всем, кто взыскует тщетно хлеба,
Как ведом в глубине ночей
Твой синий плащ, что шире неба,
Твой голос вскриков всех страстней!

В часы, когда окрест всё тише,
Лишь в сердце отзвук мрачных строф,
И я не раз твой голос слышал,
О черный ангел катастроф.

Пока в безумстве жизни жаждал
И счастья требовал ещё,
Уже успел коснуться дважды
Моих избранниц ты плащом.

И вот теперь я в третий вижу,
Вернее, чувствую вблизи,
Что тот, кого я ненавижу,
Опять плащом пресиним движет
И вновь вниманьем мне грозит.

Сгинь, пропади, здесь место свято!
Кричу и бормочу одно:
— Иль нет тебя вблизи, проклятый,
Иль прибыл ты теперь за мной.

6 июля 1931

173. ПРОЩАЙ

Ты изменила, как жена,
Ну что ж, язви, хули, злорадствуй,

О, нищая моя страна
Неисчислимого богатства!

Ты хорошеешь с каждым днем
Таким соленым и жестоким,
Мы очарованные пьем
Заздравье годам краснощеким.

Ты позабыла навсегда,
Ты накрепко, страна, забыла
Всклокоченные те года,
Когда меня ты так любила!

О, та ли ты? Иль я не тот?
Но ясно после расставанья,
Что говор твой не так поет,
Как горькое мое молчанье...

Прими ж последнее прости,
Спеша, смеясь и не краснея,
Но урну с пеплом помести
Ты в залу лучшего музея.

Ведь не совсем уж всё мертво
В твоей душе невольно братской,
Я был любовник верный твой
И трогательный, и дурацкий!

14 сентября 1931

174

Нет слов короче, чем в стихах,
Вот почему стихи и вечны!
И нет священнее греха,
Чем право полюбить беспечно.

Ах, мимолётно всё в веках:
И шаг чугунный полководца,
И стыд побед, и мощный страх, —
Лишь бред сердец навеки льется!

Вот оттого сквозь трудный бой,
Я помню, тленом окружённый:
Пусть небо раем голубо,
Но голубей глаза влюбленной!

Пусть кровь красна, любовь красней,
Линяло-бледны рядом с ней
И пурпур слав, и нож убийцы,
И даже ночь, что годы длится!

Податливей, чем воск, гранит,
Писк комара — земли визжанье!
Все шумы мира заглушит
Вздох робкий первого признанья.

Вот потому и длится век
Любовь, чья жизнь — лишь пепел ночи,
И повторяет человек
Слова любви стихов короче!

1930—6 июля 1931

175

«Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст».

А. Пушкин

Смотри: по крышам шаг ломая,
Ночь бегло прячется пред днем.

О, сколько ветра, сколько мая
В желанном шепоте твоем!

Между возможным и химерой
Нет силы проложить межу,
И как в неслыханную веру
В твою любовь перехожу.

И громко радуюсь при этом,
Твердя в жасминовых стихах,
Что ты, весна, зимой и летом
Владычествуешь впопыхах!

И грозной путаешь морокой
Намеченных судеб русло.
И сердце стало синеоко
Всей анатомии назло.

О, пусть в грядущих поколеньях
Меня посмеют упрекать,
Что в столь чудесных сновиденьях
Я жизнь свою сумел проспать,

Что не умел шептать я тише,
Чем половодие в крови,
Что лучшее четверостишье
Ничтожнее, чем миг любви.

И сердце поступью недюжной
Обязано установить:
«Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть!»

30 июля 1933

176

От самых древних поколений
Я суеверно сохранил:
«Любовь не знает сожалений,
И кто жалел, тот не любил».

Любовь, ты палачей жесточе
И во сто крат злей бытия.
И ветер резче в эти ночи,
Чем взмах крылами воронья!

Над каждым первым поцелуем,
Последний ладан панихид.
И оттого мы так ревнуем,
Но терпим бешенство обид.

Сжимая пистолет заране,
Влюбленный, в свой черед поймешь,
Что сладостный огонь желаний
Порой на ненависть похож.

Любовь! Твой плащ горит над миром,
Но плащ твой с выпушкою бед.
Твой страшный глаз глядит сапфиром,
Но в нем ясней рубинный след.

И всё ж пленять не перестанешь,
Любовь последняя моя,
И ты убьешь, но не обманешь
Певучий почерк соловья.

23 марта 1933—1935

ПЕРЕВОДЫ

ЭВАРИСТ ПАРНИ

(Из сборника «Эротические стихи»)

---

177. ЭЛЕОНОРА

Итак, Элеонора дорогая,
Теперь тебе чудесный грех знаком;
Желая, — ты дрожала пред грехом,
Дрожала, даже этот грех вкушая.
Скажи, что страшного нашла ты в нем?
Чуть-чуть смятенья, нежность вспоминанья,
И изумленье перед новизной,
Печаль, и более всего — желанье, —
Вот всё, что после чувствуешь душой.
Блестящие цвета и роз и лилий
Уже смешались на твоих щеках;
Стыду дикарки место уступили
И нега и застенчивость в глазах;
Они в очаровательных делах
Причиною и результатом были.
Твоя взволнованная грудь
Не робко хочет оттолкнуть
Ту мягкость ткани над собою,
Приглаженную матери рукою,
Что боле дерзко в свой черед,
Нескромная, порой ночною,
Рука любовника сомнет.

И сладкая мечтательность уж скоро
Заменит шалости собой,
А также ветреность, которой
Обескуражен милый твой.
Душа, смягчаяся всё боле,
Себя лениво погрузит
В переживанье, где царит
Одна лишь сладость меланхолий!
Печальным предоставим цензорам
Считать виною непрощенной
От горестей единственный бальзам
И тот восторг, что Бог, к нам благосклонный,
В зародыше всем даровал сердцам.
Не верь: их лживы уверенья
И ревность лицемерна всех;
В ней для прнроды оскорбленье:
Так сладок не бывает грех!

178. СТРАХ

Ты помнишь ли, чудесная плутовка,
Ту ночь, когда счастливою уловкой
Обманут Аргус, сторожившии дом,
К тебе в объятья я попал тайком.
От поцелуев защищала алый
Свой рот напрасно ты на этот раз;
И только к кражам приводил отказ.
Внезапный шум ты в страхе услыхала,
Смогла далекий отсвет увидать,
И позабыла ты про страсть в нспуге.

Но изумление заставило опять
В моих руках сердечко трепетать.
Я хохотал над страхами подруги:
Я знал, что в это время стережет
Восторги наши бог любви Эрот.
Твой видя плач, он попросил Морфея,
И тот у Аргуса, врага услад,
Мгновенно притупил и слух и взгляд,
Раскрыв крыло над матерью твоею,
Аврора утром раньше, чем бывало,
Теченье наших прервала забав,
Амуров боязливых разогнав.
Им смехом ты невольным обещала
Свиданье новое под вечерок.
О, боги! Если бы я только мог
Владеть и днем, и полночью моею, —
То юный провозвестник дня позднее
Нам возвещал бы солнечный восход.
А солнце, в легком беге устремляясь
И обликом румяным улыбаясь,
На час-другой взошло б на на небосвод!
Имели б времени амуры боле,
И сумрак ночи длился дольше бы тогда,
Моих мгновений сладостная доля
Среди одних утех была б всегда.
И в сделке мудростью руководимый, —
Я четверть отдал бы моим друзьям,
Такую ж часть — моим прекрасным снам,
А половину — отдал бы любимой!

179. ДОСАДА

Навек постыл
Будь, образ милой,
Что изменила,
Кого любил!
Мы прятать станем
Слезу очей:
Подобно ей,
И мы обманем!
Прекрасный вид
В расцвете силы
Сердечку милой
Так сильно льстит.
Пуста несметно,
Ты безответна
К моим мольбам.
К обману падка,
Быть хочешь сладкой
Другим очам.
Ей огорчений
Не жаль моих;
От чар своих
Ты в упоенье,
Года пройдут
И дар нездешний
С собой возьмут,
Любовь поспешно
Прочь унесут.
Уход тревожный!
Надежду гнать!
Ах, изменять
Уж невозможно!

Тогда при всех,
Роняя смех,
И рад ужасно,
Мимо идя,
Промолвлю я:
«Она была прекрасна!»

180. ЛЮБОВНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хочу, ее узрев, в объятья пасть.
В груди трепещет сердце всё сильнее;
И от желаний я уже пьянею,
И пылко шаг мой ускоряет страсть.
Но подле той, кого мы обожаем,
Должны мы обуздать страстей порыв:
Любви чрезмерной страстью повредив,
Мы только страсть восторгов сокращаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вадим Шершеневич начал печататься в 18-летнем возрасте, дебютировав книгой стихов «Весенние проталинки» (М., 1911). Всего его стихотворное наследие включает в себя семь книг стихотворений, две книги поэм и два драматических произведения, издававшиеся отдельными изданиями:

Весенние проталинки. М., 1911.

Carmina: Лирика (1911—1912). Книга I. М., 1913.

Романтическая пудра: Поэзы. Opus 8-й. СПб., 1913.

Экстравагантные флаконы. М.: Изд. книгоизд-ва «Мезонин поэзии», 1913.

Автомобилья поступь: Лирика (1913—1915). Книга 2-я. М.: Плеяды, 1916.

Лошадь как лошадь. Третья книга лирики. М.: Плеяды, 1920.

Итак итог. М.: Изд. автора, 1926.

Крематорий: Поэма имажиниста. М., [1918]. 2-е изд. [1919].

Кооперативы веселья: Поэмы. М., 1922.

Быстрь: Монологическая драма. М.: Плеяды, 1916.

Вечный жид. Трагедия великого отчаяния. М., [1918—1919].

Имеется также большое количество публикаций в сборниках, журналах и альманахах, например: Бей!.. Но выслушай! СПб., 1913; Засахаре кры. Пг, 1923; Очарованный странник. Вып. 3. СПб., 1914; Дохлая луна. 2-е изд. М., 1914; Плавильня слов. М., 1920; Гостиница для путешествующих в прекрасном. М., 1923—1924.

Некоторое количество неопубликованных текстов хранится в архиве В. Шершеневича в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2145). Среди них много написанных уже после 1926 года, то есть в тот период, когда стихи Шершеневича уже не печатались.

Основные посмертные публикации относятся к 1990-м годам:

Шершеневич В. Ангел катастроф: Избранное / Составление, вступ. статья, примеч. В. Дроздкова. М., 1994.

Шершеневич В. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы / Составление, предисловие, примеч. В. Ю. Бобрецова. Ярославль, 1996.

Поэты-имажинисты. / Составление, подготовка текста, биографические заметки и примеч. Э. Д. Шнейдермана. СПб., 1997. С. 52—134 (Новая Б-ка поэта. БС).

В настоящем издании представлены избранные стихотворения и поэмы Вадима Шершеневича — как вошедшие в его основные книги, так и не напечатанные при жизни поэта. Публикуются фрагментарно ранние книги — «Весенние проталинки», «Carmina», «Романтическая пудра», «Автомобилья поступь», — а также поэмы из книги «Кооперативы веселья». В полном составе печатаются книги, представляющие наиболее зрелый период творчества Шершеневича, — «Лошадь как лошадь», «Итак итог», отдельные издания драматических произведений «Быстрь» и «Вечный жид».

Стихи, написанные для книги «Лошадь как лошадь», но не вошедшие в нее и сохранившиеся в частном архиве, приводятся по публикациям В. Дроздкова (см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 184—189).

Стихотворения разных лет, частью опубликованные в различных сборниках, печатаются по рукописям (РГАЛИ. Ф. 2145).

Из многочисленных переводов Шершеневича при его жизни изданы лишь немногие (в частности, драмы Гюго и Шекспира). В своей переводческой практике и теоретических выступлениях он отстаивал принцип точного, почти буквального соответствия оригиналу. Публикуемые в настоящем издании переводы из Парни печатаются по авторизованной машинописи (РГАЛИ. Ф. 2145).

Несмотря на то что Шершеневич часто возвращался к своим ранее написанным произведениям и вносил в них различные поправки, все тексты в настоящем издании печатаются по первой книжной публикации, исключение составляют только стихотворения сборника «Экстравагантные флаконы» (1913), вошедшие впоследствии в книгу «Автомобилья поступь» (1916), — они приводятся по редакции 1916 года. Такой принцип был избран с учетом значительной динамики эволюции эстетических взглядов Шершеневича. В результате тексты печатаются так, какими их видел читатель-современник Шершеневича в момент их выхода из печати в составе книги. Разумеется, при этом нельзя также не учитывать и такие факторы, как контекст сборника, дата его выхода, издательство, в котором он вышел, особенности литературной борьбы в момент выхода книги. Избранный нами принцип предполагает представление сегодняшнему читателю живого среза того самого литературного процесса, в котором жил и творил поэт, который оказывал на него свое влияние и который он сам синхронно воссоздавал своими произведениями.

Произведения печатаются не по хронологическому принципу, а согласно авторскому порядку следования в книгах. Даты под стихотворениями преимущественно авторские. Предположительные даты заключены в ломаные скобки.

Тексты публикуются по современной орфографии, за исключением единичных случаев сохранения авторского написания. Сохранены авторские особенности пунктуации в отдельных стихотворениях.

Комментарии к отдельным произведениям ограничены преимущественно пояснениями собственных имен, событий и реалий, относящихся к эпохе создания произведений и малоизвестных современному читателю. Исторические имена и события, а также скрытые цитаты и реминисценции комментируются выборочно, по мере необходимости понимания контекста. В нескольких случаях указываются первоначальные названия, впоследствии измененные автором, но под которыми стихотворения напечатаны в некоторых посмертных изданиях.

Из книги
ВЕСЕННИЕ ПРОТАЛИНКИ

1. **Интимное.** *Драпри — портьера.*

2. **Из цикла «Осенний трилистник». Мертвая чайка.** Название цикла восходит к циклу И. Анненского «Трилистник осенний» из книги «Кипарисовый ларец».

Из книги
CARMINA

Лирика (1911—1912)
Книга 1

Из раздела
МАКИ В СНЕГУ

3. **Берег.** *«И видит берег недалекий / И ближе видит свой конец»* — цитата из ст-ния М. Лермонтова «К другу В. Ш<еншину>» (1831).

5. Уединение. «*O partia! Ti rivedrò*» — слова Танкреда, главного героя поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Из раздела
ПЕТУШКИ НА ВОРОТАХ

9. Бес. *Князев* Василий Васильевич (1887—1937) — поэт-сатирик.

Из раздела
ЧУЖИЕ ПЕСНИ

12. Н. Гумилеву посвящается. *Перевезли в своей ладье / Великолепного Готье.* Имеются в виду переводы Н. Гумилева из Теофиля Готье (1811—1872).

13—16. R. M. von Rilke. Рильке Райнер Мария, фон (1875—1926) — австрийский поэт.

4. *Абисаг* (Авишаг, Ависага) — согласно Библии, прекрасная девственница, которая должна была согревать в постели царя Давида, когда тот состарился и страдал оттого, что кровь не грела его (3 Цар. 1, 3—4).

Из раздела
ОСЕННИЕ ЯМБЫ

17. Усталость. «*По мне, отчизна только там, / Где любят нас, где верят нам*» — цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей. Восточная повесть» (1832).

19. Память. Эпиграф — *«Далёко ты, но терпеливо / Моей покорствую судьбе. / Во мне божественное живо / Воспоминанье о тебе»* — цитата из стихотворения Н. Языкова «Элегия» («Вы не сбылись, надежды милой...», 1827).

Из книги
РОМАНТИЧЕСКАЯ ПУДРА

20. Эскизетта. *Графиня Клара* — неустановленное лицо.

21. L'art poétique. *Игнатьев* (Казанский) Иван Васильевич (1892—1914) — русский поэт-эгофутурист, критик, издатель. Покончил с собой в день свадьбы, зарезавшись бритвой. *Эгрет* — торчащее вверх перо или пучок перьев, украшающие головной убор или женскую прическу.

Из книги
АВТОМОБИЛЬЯ ПОСТУПЬ

Лирика (1913—1915)

Книга вторая

Из раздела
ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ СКЕЛЕТЫ

24. «Летнее небо похоже...» *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе.

30. «Сильнее, звончее аккорд электричества...» *Е. И.* — неустановленное лицо. *Куафёр* — парикмахер.

Сегодня я — гаер. Георгий Гаер (или Г. Гаер) — один из псевдонимов, который использовался Шершеневичем в этот период.

31. «Грустным вечером за городом распыленном...» *Гренадин* — название напитка с гранатовым сиропом, иногда — гранатовый ликер.

33. «Милая дама! Вашу секретку...» *Секретка* — вид почтовой бумаги, заклеивающейся по канве и посылаемой в виде письма без конверта. *Журфикс* — прием гостей в специально выделенный для этого день.

34. «Мы были вдвоем, графиня гордая!..» *Интуитта* — неологизм, обозначающий поэтический жанр, основанный на интуитивных ощущениях. Восходит к традиции эгофутуристских неологизмов, вроде «рецензетты» И. Игнатьева и т. п.

36. «всемыкакбудтонаролнках...» Текст представляет собой вариант месостиха (стих, в котором выделенные буквы в середине каждой строки образуют слово или слова). Предысторию этого стихотворения Шершеневич раскрывает в своих мемуарах: «Брюсов очень любил поэтические головоломки. Он с восторгом рассказывал нам о латинском поэте Авсонии, писавшем стихи, внутри которых по вертикалям можно было прочесть приветствие; стихи в одну строчку. <...> Я как-то послал Брюсову стихотворение, подобное авсоньевскому... В словах, не разбитых интервалами, можно прочесть: "Валерию Брюсову" — по диагонали и: "От автора" — вертикали» (Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 456—457).

Из раздела
ВЕСНУШКИ РАДОСТИ

40. «Кто-то на небе тарахтел...» *Бильбокэ* — игра, в которой ловят шарик на острие палочки или чашечку на ее конце.

42. «На лунном аэро два рулевых...» *Ксероформ* — порошок для лечения ожогов.

50. «Зачем вы мне говорили...» *Апаш* — хулиган.

52. «Прикрепил кнопками...» *Баккара* — ценнейший сорт хрусталя.

Из раздела
СВЯЩЕННЫЙ СОР ВОЙНЫ

62. Сергею Третьякову («Что должно было быть...».). *Третьяков* Сергей Михайлович (1892—1939) — поэт, прозаик и драматург; футурист, член ЛЕФ'а.

ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ

Третья книга лирики

71. Содержание плюс горечь. *А рассветного неба пятишница / Уже радужно значит сто* — намек на цвета царских ассигнаций: синий — пятирублевой и радужный — сторублевой.

73. Квартет тем. *1893* — год рождения В. Шершеневича. *1919* — год написания стихотворения.

74. Принцип басни. *Кусиков* (Кусикян) Александр Борисович (1896—1977) — поэт-имажинист, член «Ордена имажинистов».

75. Сердце частушка молитв. *Блюмкин* Яков Григорьевич (1898—1929) — левый эсер, убийца германского посла В. Мирбаха, близкий приятель Шершеневича и других московских имажинистов.

77. Ритмический ландшафт. *Рок* Рюрик (Геринг Рюрик Юрьевич 1898—1930-е гг.?) — поэт, глава группы «ничевоков». Группа распалась после ареста Р. Рока в начале 1923 г. (об обстоятельствах этого ареста см.: Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 84—85).

78. Каталог образов. *Заров* Сергей — московский поэт 1920-х гг. Его имя упоминает И. Грузинов в своих мемуарах «Маяковский и литературная Москва» наряду с поэтами Сергеем Спасским и Галиной Владычиной (см.: Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 653).

79. Усеченная ритмика. *Господь! Не соблазняй меня новой страстью, / Но навек отучи от курения!!!* — пародия на последние слова молитвы «Отче наш».

80. Тоска как недоумение. *Как стучащим полетом красного Райта.* Имеются в виду знаменитые американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации братья Райт — Уилбер (1867—1912) и Орвилл (1871—1948), которые впервые в мире совершили полет на построенном ими самолете с двигателем внутреннего сгорания.

82. Принцип параллелизма тем. *Вабило* — приспособление для приманивания птиц, манок.

85. Лирическая конструкция. *Челпанов* Георгий Иванович (1862—1936) — психолог, логик и философ, широко известный в начале века, автор популярных учебников.

86. Принцип растекающейся темы. *Мариенгоф* Анатолий Борисович (1897—1962) — поэт-имажинист, член «Ордена имажинистов». *Кляксnaпир* — промокашка. *...песьих голов, ... с метлою...* Песью голову и метлу в качестве своеобразной эмблемы привязывали к своему седлу опричники Ивана Грозного.

90. Рассказ про глаз Люси Кусиковой. *Кусикова* Людмила Борисовна — сестра поэта А. Б. Кусикова (см. примеч. 74). *Синдетикон* — клей.

93. Принцип пересекающихся образов. *Это с бедер купальщиц или с окон стекает?* — ср.: «Со стекол балконных, как с бедер и плеч / Купальщиц...» (Б. Пастернак, «За окнами давка, толпится листва...»).

95. Динамас статики. *Эрдман* (Эрдман-Друцкий) Борис Робертович (1899—1960) — брат Н. Эрдмана (см. примеч. 113), художник, также входивший в группу имажинистов и иллюстрировавший книги своих товарищей.

97. Принцип обратной темы. *Ах, как мертвенно золото всех Калифорний / Возле россыпи ваших волос!..* — ср.: «Моих желаний разнузданной орде / не хватит золота всех Калифорний» (В. Маяковский, «Себе, любимому, посвящает автор эти строки»).

102. Эстетические стансы. *Мотосакош* — здесь: мотоцикл *Сухарева* (Сухаревка) — знаменитый московский рынок-толкучка на одноименной площади.

105. Принцип примитивного имажинизма. *И в вокзал, словно в ящик почтовых разлук...* — ср.: «Вокзал, несгораемый ящик / Разлук моих, встреч и разлук» (Б. Пастернак, «Вокзал»).

107. Принцип романтизма. *«Вокруг Света»* — московский журнал (1885—1930); в ежемесячном приложении длительное время публиковались романы Жюля Верна. *Трэн* — шлейф платья.

113. Кооперативы веселья. *Эрдман* Николай Робертович (1900—1970) — поэт-имажинист, член «Ордена имажинистов». *Матчиш* — эстрадный бразильский танец.

117. Последнее слово обвиняемого. Сюжет стихотворения восходит к средневековой французской легенде, отразившуюся впоследствии, в частности, в опере Ж. Массне «Жонглер Богоматери» в одноименной новелле А. Франса.

ИТАК ИТОГ

Дижур Юлия Сергеевна — актриса, жена В. Шершеневича, покончила с собой (см. примеч. 170).

ИЮЛЬ И Я

Сен-Поль-Ру — Поль Ру (1891—1940), французский поэт и драматург. См. упоминание его в теоретической работе В. Шершеневича «2×2=5. Листы имажиниста»: «Постепенно, благодаря отпаду глагола, неорганизованности как принципа образов, стихи имажинистов будут напоминать, подобно строкам Сен-Поль Ру Великолепного, некий календарь или словарь образов» (*Шершеневич В.* Листы имажиниста. Ярославль, 1997. С. 415).

123. Московская Верона. Заглавие отсылает к пьесе В. Шекспира «Два веронца».

ОТ И ДО

140. Головокружение душ. *Жанна* — возможно, Ж. А. Кожебаткина, которой посвящена монологическая драма «Быстрь» (№ 150).

142. Бродяга страстей. *На севере о пальме южной...* — отсылка к лермонтовскому вольному переводу Гейне: «На севере диком стоит одиноко...».

143. Торжественная ошибка. *Балтасар* (Валтасар) — царь, сын последнего царя Вавилонии Набонида. Погиб в 539 г. до н. э. при взятии Вавилона персами. Содержащиеся в Библии описание пира Валтасара («Валтасаров пир») и пророчество его гибели (появившиеся на стене слова «мене, мене, текел, упарсин») получили отражение в литературе и искусстве.

Из книги
КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ

Поэмы

145. Песня Песней. *Киноарс* — кинопромышленность.

149. Завещание. *Кеквок* (кекуок) — танец, модный в начале XX в.

150. Быстрь. Изданию 1916 г. (М.: Плеяды) В. Шершеневич предпослал следующее предисловие:

Предисловие

Эта поэма поэма была написана мною на перегибе 1913—1914 годов. По многим причинам, главной из которых является война, я не выпускал в свет это произведение.

Ныне, издавая его, я ещё яснее, чем прежде, вижу, что мне нечего объяснять в нём. Все вопросы, касающиеся формы моих стихов, я выяснил в предисловии к «Автомобильной поступи» и в своей теоретической «Зеленой улице»; у меня нет ни времени, ни охоты повторять всё снова. Других же вопросов и сомнений не должно возникнуть, а если и возникнут, то вне моей компетенции разрешать их.

Заранее, во избежание нареканий, заявляю, что все речи и монологи не могут быть приписываемы кому-нибудь из ныне здравствующих лиц: я далёк от мысли быть портретистом.

Слова Лирика, вероятно, говорю я сам, но не я, Вадим Шершеневич, проживающий .... и т. д., а «я».

Осень 1915

Вадим Шершеневич

Один из экземпляров книги (№ 9) был подарен А. Блоку с инскриптом: «Единственному русскому лирику-символисту с уважениеми и восхищением — Вад. Шершеневич» (экземпляр хранится в библиотеке Пушкинского Дома в составе библиотеки А. Блока). *Сандвич* — здесь: человек, носящий рекламные щиты на груди и спине. *Лотерея-аллегри* — моментальная лотерея. *Тубо! куш!* — запретительная команда собаке в значении: смирно! лежать!

151. Вечный жид. *Евреинов* Николай Николаевич (1879—1953) — российский режиссер, драматург, теоретик и историк театра. Совместно с театральным деятелем и историком театра Н. В. Дризеном создал «Старинный театр» (1907—1908, 1911—1912); в 1910—1914 гг. главный режиссер театра «Кривое зеркало». С 1925 г. жил за границей, во Франции. *Бердслей* ((Beardsley) Бердсли Обри, 1872—1898) — английский рисовальщик. *Сомов* Константин Андреевич (1869—1939) — российский живописец и график. Член объединения «Мир искусства». Творчество Бердсли и Сомова характеризуется ярко выраженными иронико-эротическими мотивами. *Кусевицкий* Сергей Александрович (1874—1951) — дирижер и контрабасист. Выступал с сольными концертами как контрабасист. Основал в Москве симфонический оркестр (1908) и Российское музыкальное издательство (1909). С 1920 г. жил за рубежом (Франция, США). *Дункан* (Duncan) Айседора (1877—1927) — американская танцовщица, одна из основоположников школы танца «модерн». Использовала древнегреческую пластику, балетный костюм заменила хитоном, танцевала без обуви. В 1921—1924 гг. жила в России, организовала собственную студию в Москве. Была женой С. А. Есенина. *Все как прежде... только улица вид-*

на — измененные строки из стихотворения А. Блока «В голубой далекой спаленке...» (1905).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»

152. Я минус ты. Первоначальное название в рукописи — «Вблизи хочу».

153. Принцип перевода. Первоначальное название в рукописи — «Обокраденный никто».

154. Принцип поэтической логики. Первоначальное название в рукописи — «Зачем-то». *Себастьян* — святой, которого язычники умертвили стрелами, привязав к дереву.

155. Содержание минус форма. Первоначальное название в рукописи — «Не вместе».

156. Принцип искренности. Первоначальное название в рукописи — «Ай! Нечаянно и так больно».

Н. — Надежда Львова — поэтесса, покончившая с собой 24 ноября 1913 г. из-за любви к В. Брюсову.

...И в этот взгляд вложили / Столько лет бессонниц и протянутых рук — ср.: «Десять лет замираний и криков, / Все мои бессонные ночи / Я вложила в тихое слово...» (А. Ахматова, цикл «Смятение», 1913).

157. Принцип синтаксического аграмматизма. Первоначальное название в рукописи — «Наталии Поплавской». Посвящено Наталии Поплавской, актрисе и

поэтессе. В 1919 г. в одной из статей Шершеневич упомянул ее в числе прочего «имажинистского молодняка».

158. Принцип внутреннего сдвига. Первоначальное название в рукописи — «Весной выдыхаться». *Баккара* — см. примеч. 52.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

163. «Знайте, девушки...» Эпиграф — из стихотворения Р. М. Рильке «Liebes-lied» («Напев любви»).

165. Ангел катастроф. *Выщипывает рука голодухи / С подбородка Поволжья село за селом...* Речь идет о страшном голоде в Поволжье.

168. Встречник. Эпиграф — *«...как бы двойного бытия»* — строка из стихотворения Ф. Тютчева «О вещая душа моя!» (1855).

169. Памяти Ю. Д. — *Ю. Д.* — Юлия Дижур (см. примеч. 170).

170. Страшный год. Эпиграф отсылает к событиям в жизни самого Шершеневича: гибели друга (С. Есенина) и жены (Ю. Дижур). *Да! Нынче на самоубийц / У смерти редкая удача...* — 26 декабря 1925 г. повесился Сергей Есенин. 3 апреля 1926 года застрелилась Юлия Дижур. 3 декабря 1926 года на могиле Есеиина застрелилась его жена Галина Артуровна Бениславская (1897—1926).

171. «Оттого так просто жить на свете...» *Лафорг* Жюль (1860—1887) — французский поэт, В. Шершеневич переводил его совместно с Н. Львовой.

172. Реминисценция. Эпиграф из ст-ния В. Брюсова «Демон самоубийства» (1910).

175. «Смотри: по крышам, шаг ломая...» Эпиграф — из ст-ния Пушкина «Тургеневу» (1817). *Фуль* (фул, фул хаус) — весьма благоприятная комбинация для игрока карт в покере.

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ЭВАРИСТ ПАРНИ

(Из сборника «Эротические стихи»)

Парни (Parny) Эварист (1753—1814) — французский поэт, один из зачинателей так называемой «легкой поэзии». Сборник «Эротические стихотворения» был издан в 1778 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «ВЕСЕННИЕ ПРОТАЛИНКИ»

Из цикла «ОСЕННИЙ ТРИЛИСТНИК»

Из книги
«CARMINA». ЛИРИКА (1911—1912)

Книга первая

Из раздела «МАКИ В СНЕГУ»

Из раздела
«ПЕТУШКА НА ВОРОТАХ»

Из раздела
«ПОЛДЕНЬ»

Из раздела
«ЧУЖИЕ ПЕСНИ»

Из раздела «ОСЕННИЕ ЯМБЫ»

Из книги «РОМАНТИЧЕСКАЯ ПУДРА»

Из книги «АВТОМОБИЛЬЯ ПОСТУПЬ». *Лирика (1913—1915)*

Книга вторая

Из раздела «ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ СКЕЛЕТЫ»

Из раздела
«ЛУННЫЕ ОКУРКИ»

«ВЕСНУШКИ РАДОСТИ»

Из раздела
«В СКЛАДКАХ ГОРОДА»

Из раздела
«СВЯЩЕННЫЙ СОР ВОЙНЫ»

ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ

Третья книга лирики

ИТАК ИТОГ

Лирика (1922—1926)

ИЮЛЬ И Я

ОТ И ДО

ПОЭМЫ ИЗ КНИГИ «КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ»

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПЕРЕВОДЫ
ЭВАРИСТ ПАРНИ
Из сборника «Эротические стихи»

Вадим Шершеневич

Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, состав, подготовка текста и примеч. А. А. Кобринского — СПб.: Академический проект, 2000 — 368 с.

ISBN 5-7331-0216-0

Творчество В. Г. Шершеневича (1893—1942) представляет собой одну из вершин русской лирики XX века. Он писал стихи, следуя эстетическим принципам самых различных литературных направлений: символизма, эгофутуризма, кубофутуризма, имажинизма.

В настоящем издании представлены избранные стихотворения и поэмы Вадима Шершеневича — как вошедшие в его основные книги, так и не напечатанные при жизни поэта. Публикуются фрагментарно ранние книги, а также поэмы. В полном составе печатаются книги, представляющие наиболее зрелый период творчества Шершеневича — «Лошадь как лошадь», «Итак итог», отдельные издания драматических произведений «Быстрь» и «Вечный жид». Ряд стихотворений разных лет печатается по рукописям.

Вадим Шершеневич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Корректор *О. Э. Карпеева*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 24.08.2000. Формат 70×90/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Академическая.
Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 14. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1628.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГПП «Печатный двор» Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ВЫХОДЯТ В СВЕТ ОСЕНЬЮ-ЗИМОЙ 2000—2001 гг.

Э. Багрицкий

Стихотворения и поэмы / Сост. Г. А. Морева
Вступ. статья М. Д. Шраера

Сборннк включает наиболее значительные поэтические произведения Э. Багрицкого: изданные при жизни поэта книги «Юго-Запад», «Последняя ночь» и «Победители» в полном составе, незавершенную поэму «Февраль», ряд стихотворенний, не входившнх в книги. Он дает полное представление о творчестве этого замечательного поэта 1920—1930-х гг., оказавшего большое влиянне на дальнейшее развнтие советской поэзии. Во вступительной статье анализируется миф Багрицкого, созданный официальной советской критикой. Особое внимание уделено еврейским мотивам и проблемам в творчестве поэта, тщательно игнорировавшимся в рамках этого мнфа.